КАР[illegible]КАУТСКІЙ

45

НАЦІОНАЛЬНЫЯ ПРОБЛЕМЫ

Съ предисловіемъ С. Семковскаго

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КНИГА"
1918

КАРЛЪ КАУТСКІЙ

45

NC JC 311
C .K28

НАЦІОНАЛЬНЫЯ ПРОБЛЕМЫ

Съ предисловіемъ С. СЕМКОВСКАГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КНИГА“
1918

LIBRARY
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
CHAPEL HILL

Пятая Государств. типографія. Петроградъ, Стремянная, 12.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

С. Семковскій. **Каутскій въ національномъ вопросѣ.** (Предисловіе) 3

К. Каутскій. **I. Національность и международность.** Переводъ подъ редакціей *С. Семковскаго* 13

1. Понятіе націи 15
2. Консолидація націи 29
3. Интернаціональныя сферы культуры 37
4. Національное государство 47
5. Государство національностей 58
6. Будущность Австріи 62

II. Освобожденіе національностей. Переводъ подъ редакціей приватъ-доцента *М. Я. Лазѣрсона* 85

Предисловіе 87

1. Самоопредѣленіе національностей 89
2. Первобытная демократія 103
3. Современная демократія 107
4. Созданіе современнаго національнаго государства путемъ приспособленія національностей къ государству. 112
5. Созданіе современнаго государства національностей путемъ приспособленія государства къ національности 125
6. Теорія Отто Бауэра о національности 139
7. Національность и культура 151
8. Борьба національностей и соціализмъ 162
9. Однообразіе міровой культуры 168
10. Всенародное голосованіе 174

Каутскій въ національномъ вопросѣ.

Карлъ Каутскій родился и выросъ въ Австріи, въ атмосферѣ обостренной національной борьбы. Въ юные годы, до того, какъ онъ пришелъ къ соціализму, онъ былъ одно время ярымъ чешскимъ націоналистомъ. Но въ то же время въ самой семейной средѣ, въ которой онъ выросъ, были какъ бы заложены сѣмена интернаціонализма. По отцу онъ былъ чехомъ, по матери—нѣмцемъ. И выступая на Иннсбрукскомъ партейтагѣ австрійской соціалъ-демократіи противъ стремленія чешскихъ „сепаратистовъ“ разбить интернаціональную сплоченность проф. союзовъ и партіи, Каутскій могъ въ шутку указать на то, что если бы принципъ національнаго сепаратизма былъ послѣдовательно проведенъ, ему, Каутскому, пришлось бы разрубить себя на-двое, и онъ не можетъ сказать, какой націи—нѣмцамъ или чехамъ—досталась бы его лучшая половина.

Національной проблемѣ Каутскій посвятилъ много работъ еще въ тотъ періодъ, когда старшее поколѣніе марксистовъ, отражая условія той эпохи, склонно было недооцѣнивать значеніе національнаго фактора въ современной исторіи.

Такъ, уже въ ранней своей работѣ: „Національность нашего времени“ (русскій переводъ въ изд. Львовича, 2-е изд. Спб. 1905 г.) Каутскій считаетъ нужнымъ подчеркнуть, что если словами *„національный“*, *„національность“* нерѣдко „прикрывается простое мошенничество“, то нельзя все же закрывать глаза на то,

что „національная идея оказываетъ громадное вліяніе на народы современной культуры,—вліяніе, котораго невозможно объяснить однѣми искусственными махинаціями".

И уже въ этой своей первой работѣ Каутскій далъ въ общихъ чертахъ тотъ анализъ ведущихъ къ консолидаціи (сплоченію) націи силъ, какой мы находимъ въ двухъ его наиболѣе позднихъ работахъ по національному вопросу, которыя мы въ настоящемъ изданіи предлагаемъ вниманію русскаго читателя.

Но въ „Національности нашего времени" чувствуется еще, вмѣстѣ съ тѣмъ, *переоцѣнка темпа ассимиляціоннаго процесса,* ведущаго въ конечномъ счетѣ къ растворенію націй въ единомъ человѣчествѣ. „Едва ли можно теперь серьезно думать,—пишетъ, напр., Каутскій,—о сохраненіи чешской націи... Капитализмъ развивается быстрѣе, чѣмъ чешская нація" (стр. 40).

Но недаромъ Каутскій—ученикъ Маркса, вѣрный его методу. Онъ не глухой къ голосу жизни догматикъ. И внимательно слѣдя за всѣми перипетіями пробужденія „неисторическихъ націй" не только въ Австріи, но и въ другихъ „государствахъ національностей", онъ вноситъ соотвѣтствующія дополненія и поправки въ свой первый теоретическій анализъ національной проблемы.

Въ статьяхъ „Борьба національностей и государственное право въ Австріи", напечатанныхъ въ «Neue Zeit» за 1897—98 г. (русскій переводъ въ изд. Иванова, Кіевъ 1906 г.), Каутскій указываетъ на потребности капиталистическаго развитія, на стремленіе къ демократіи и распространеніе въ народныхъ массахъ литературнаго національнаго образованія, какъ на „три фактора современной національной идеи", и, въ противовѣсъ ходячимъ предразсудкамъ, со всей опредѣленностью признаетъ, что „всѣ эти основы современнаго національнаго движенія... исторически вполнѣ оправдываются, и всякое искусственное препятствованіе ихъ росту равносильно помѣхѣ росту соціальнаго развитія" (русск. перев., стр. 6).

„Пролетаріатъ,—подчеркиваетъ Каутскій,—не только не настроенъ враждебно къ подобнаго рода національнымъ движеніямъ, но и самымъ непосредственнымъ образомъ заинтересованъ въ ихъ спокойномъ преуспѣяніи“ (стр. 7).

Выходъ изъ австрійскаго хаоса Каутскій видитъ въ превращеніи исторически-сложившагося конгломерата „королевствъ и земель“ въ *федерацію національностей* на основѣ національно-разграниченныхъ автономныхъ территорій.

Еще опредѣленнѣе становится Каутскій на почву извѣстной національной программы австрійской соціалъ-демократіи въ помѣщенныхъ имъ въ 1903 г. въ „Neue Zeit“ статьяхъ: „Кризисъ Австріи (языкъ и нація)“ (русск. перев. въ изд. Иванова, Кіевъ 1905 г.). Въ этихъ статьяхъ Каутскій впервые подходитъ ближе и къ тому факту, который создаетъ особенную сложность современной національной проблемы,—а именно, что націи все болѣе отрываются отъ своихъ исконныхъ территорій, *экстерриторіализуются*, перетасовываются, создавая повсюду черезполосицу, мозаику тутъ и тамъ вкрапленныхъ національныхъ меньшинствъ.

„Внутреннее передвиженіе,—пишетъ Каутскій,—вызываетъ постоянныя перетасовки и новое распредѣленіе національностей, и вмѣстѣ съ тѣмъ непрерывно растетъ смѣшеніе ихъ и расширеніе области ихъ столкновеній“ (русск. перев., стр. 14).

И Каутскій, остававшійся до тѣхъ поръ въ національномъ вопросѣ на чисто-территоріальной почвѣ, вплотную подходитъ тутъ къ построеніямъ Реннера и Бауэра объ автономіи націй, какъ таковыхъ.

Въ предисловіи къ армянскому переводу Эрфуртской программы (вышло по-русски подъ названіемъ „О національномъ вопросѣ въ Россіи“, въ изд. Арабидзе, Спб. 1906 г.) Каутскій намѣчаетъ на такой именно основѣ программу Соединенныхъ Штатовъ Россіи, причемъ въ строеніи кавказской соціалъ-де-

мократической организаціи онъ видитъ „набросокъ для управленія Кавказскимъ краемъ,—управленія, опирающагося не только на автономію края, но и на автономію націй, а также одновременно на ихъ объединеніе для совмѣстной дѣятельности“ (русск. пер., стр. 15).

Нѣсколько особнякомъ стоятъ взгляды Каутскаго на *еврейскій вопросъ*. Въ вышедшей еще въ 1903 г. статьѣ „Кишиневская рѣзня и еврейскій вопросъ“ (по-русски напечатана въ свое время въ заграничной „Искрѣ“, а затѣмъ легально въ изд. Алексѣевой, Спб. 1906 г. подъ названіемъ: „Еврейскіе погромы и еврейскій вопросъ“) Каутскій намѣчаетъ для евреевъ *ассимиляцію* не просто какъ прогнозъ неизбѣжнаго развитія, но и въ нѣкоторомъ родѣ, какъ *программу*:

„Чѣмъ можетъ быть устранена эта враждебность (къ евреямъ, какъ къ чужакамъ)? Только тѣмъ, что инородные слои населенія перестанутъ быть чужими, сольются съ общей массой населенія. Это единственно возможное разрѣшеніе еврейскаго вопроса, и мы должны поддерживать все то, что способствуетъ устраненію еврейской обособленности“.

Впрочемъ, Каутскій тутъ же оговаривается, что обособленность евреевъ „является продуктомъ тысячелѣтняго развитія, и ассимиляція съ прочимъ населеніемъ не создается однимъ ударомъ. Пока же эта обособленность существуетъ, только одно средство можемъ мы ей противоставить—это просвѣщеніе народныхъ массъ... Наряду съ ассимиляціей еврейства, революціонное сознаніе массы есть лучшее противоядіе противъ антисемитизма“ [1]).

Но на еврейство, съ точки зрѣнія Каутскаго, именно

---

[1]) Болѣе обстоятельное изложеніе своихъ взглядовъ на еврейскій вопросъ Каутскій далъ въ вышедшей уже во время нынѣшней войны работѣ: „Еврейство и раса“ (русскій переводъ въ изд. „Книга“). Критику этихъ взглядовъ см. въ заключительной главѣ нашего изложенія названной работы Каутскаго, вышедшаго подъ назв.: „О евреяхъ“ (въ изд. „Трудъ“).

въ силу его исключительнаго положенія націи sui generis (особаго рода), цѣликомъ лишенной территоріи, не могутъ быть распространены общіе критеріи, приложимые къ подлиннымъ націямъ, занимающихъ хотя бы частично сплошную, замкнутую территорію. Надо замѣтить, что въ этомъ пунктѣ Каутскій всецѣло сходится съ Бауэромъ.

Въ области національной *программы* Каутскій, вообще, акцептировалъ проектъ „австро-марксистовъ" Реннера и Бауэра, представляющій, какъ извѣстно, синтезъ территоріальнаго принципа съ персональнымъ. Въ той работѣ, которую мы печатаемъ первой въ настоящемъ изданіи, Каутскій призналъ „плодотворное значеніе" за предложеніемъ Бауэра—создать *двойную организацію* государства національностей: одну—для цѣлей національной культуры, по націямъ и на основѣ національнаго принципа, и другую—для цѣлей технической культуры, на основѣ чисто-территоріальнаго принципа. Онъ при этомъ не раздѣляетъ лишь тѣхъ ожиданій, которыя Реннеръ и Бауэръ связывали съ политикой короны, бюрократіи и имущихъ классовъ Австріи, которые де въ собственныхъ интересахъ, въ интересахъ сохраненія разваливающейся австро-венгерской монархіи, должны будутъ встать на путь проведенія національной автономіи.

Но въ чемъ Каутскій принципіально расходится съ Бауэромъ, это въ *идеологіи* національнаго вопроса.

„Національность и международность", вышедшая по-нѣмецки въ 1908 г. въ видѣ особаго приложенія (Ergänzungsheft) къ «Neue Zeit» подъ названіемъ: «Nationalität und Internationalität», главнымъ образомъ и посвящена критикѣ теоріи Бауэра о сущности и тенденціяхъ развитія націи. Небольшая по размѣру, эта работа Каутскаго особенно цѣнна, какъ единственное въ своемъ родѣ *обоснованіе идеологіи интернаціонализма.* Недаромъ и въ своей самой послѣдней работѣ по національному вопросу „Освобожденіе національностей", вошедшей второй въ настоящее изданіе и

написанной всего годъ тому назадъ, ему то-и-дѣло приходится отсылать читателя къ основнымъ положеніямъ, развитымъ въ „Національности и международности“.

„Освобожденіе національностей“ посвящено теоретической защитѣ принципа *политическаго самоопредѣленія націй* въ противовѣсъ аннексіонистскимъ программамъ, нашедшимъ себѣ, къ сожалѣнію, открытыхъ или скрытыхъ приверженцевъ и среди германскихъ соціалъ-демократовъ шейдемановскаго толка.

Только вскользь Каутскій упоминаетъ о возраженіяхъ, которыя противъ принципа самоопредѣленія національностей дѣлаются со стороны „радикаловъ“. Каутскій имѣетъ здѣсь въ виду такъ называемыхъ „лѣворадикальныхъ“ соціалъ-демократовъ типа А. Паннекука или К. Радека, которые полагали, что задача ближайшаго періода—это *непосредственная* борьба за соціализмъ, который одинъ только и сможетъ осуществить національное самоопредѣленіе; борьба же за національное самоопредѣленіе въ рамкахъ капиталистическаго строя утопична и можетъ лишь заслонить и отодвинуть основную задачу борьбы за „непосредственный прорывъ“ къ соціализму.

Эти взгляды раздѣлялись маленькими группками голландскихъ „радикаловъ“ и польскихъ большевиковъ, тогда какъ русскіе большевики съ Ленинымъ во-главѣ, въ остальномъ соглашаясь съ названными группками изъ такъ называемой „циммервальдской лѣвой“, въ вопросѣ о самоопредѣленіи, напротивъ, занимали крайнюю позицію прямой поддержки національнаго сепаратизма.

Но главные удары Каутскому пришлось съ начала войны направить въ этомъ вопросѣ не противъ „радикаловъ“-упростителей, а противъ *„соціалъ-аннексіонистовъ“*, которые въ германской соціалъ-демократіи образовали замѣтное теченіе въ средѣ такъ называемаго „большинства“.

Въ знаменитой декларації 4-го августа (нов. ст.) 1914 г. соціалъ-демократическая фракція германскаго рейхстага,

голосуя за военные кредиты, вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, провозгласила направленный противъ всякихъ территоріальныхъ захватовъ принципъ, что „каждый народъ имѣетъ право на національную самостоятельность“. Противъ слова „*каждый*“ (народъ) въ этой связи и выступилъ вскорѣ открыто старый соратникъ Каутскаго, перешедшій въ шейдемановскій лагерь, Куновъ, выставившій то положеніе, что „принудительная инкорпорація или поглощеніе“ маленькихъ „искалѣченныхъ“ націй „крупными культурными націями имѣетъ въ извѣстныхъ условіяхъ свое оправданіе“. „Амальгамированіе націй“, хотя бы и насильственное, знаменуетъ, по мнѣнію Кунова, прогрессъ; право же на самоопредѣленіе—это только „этико-эстетическая фикція безъ исторической основы“.

И вслѣдъ за Куновымъ противъ идеи самоопредѣленія ополчился Давидъ и рядъ другихъ соціалъ-имперіалистовъ.

Такое проституированіе марксизма на службѣ у имперіализма вызвало Каутскаго на отвѣтъ, который онъ и даетъ въ „Освобожденіи національностей“ со всей той рѣзкостью, какая допускалась цензурными условіями военнаго положенія въ Германіи.

Изъ общаго принципа національнаго самоопредѣленія Каутскій дѣлаетъ исключеніе лишь для одного единственнаго случая:—того именно, когда рѣчь идетъ объ отдѣленіи единственнаго порта, хотя и населеннаго чужой національностью, но необходимаго для государства въ цѣломъ въ качествѣ доступа къ открытому морю.

„И съ точки зрѣнія международной демократіи,—говоритъ Каутскій,—нельзя будетъ въ такомъ случаѣ, примѣнительно къ единственному порту, отстаивать принципъ національности. Цѣлое важнѣе части, и нельзя допустить насильственнаго стѣсненія экономической жизни многихъ милліоновъ ради національныхъ стремленій нѣсколькихъ тысячъ“.

Намъ думается, что нѣтъ нужды дѣлать какія бы то ни было изъятія изъ принципа самоопредѣленія. Вѣдь

принципъ этотъ означаетъ лишь отказъ отъ *насильственнаго* захвата или *насильственнаго* удержанія какой-нибудь ино-національной области, но отнюдь не признаніе желательности отдѣленія каждой такой области. И выгоды единственной гавани настолько значительны, что сама собою *сила естественнаго экономическаго сцѣпленія* должна будетъ направить свободное самоопредѣленіе въ русло не отдѣленія, а автономіи, т.-е. самоуправленія въ рамкахъ единаго государства. Это относится, напр., къ итальянскому Тріесту въ Австріи, какъ и къ латышской Ригѣ въ Россіи.

Въ этой связи нельзя не замѣтить, что Каутскій, вообще, не всегда въ достаточной мѣрѣ учитываетъ ту силу сцѣпленія между отдѣльными областями многонаціональнаго государства, которая извнутри сплачиваетъ его, мѣшая распаду по національнымъ линіямъ. Если въ Россіи такой распадъ въ настоящее время имѣется налицо, то произошло это не столько вслѣдствіе *внутреннихъ тенденцій* развитія Россіи, какъ государства національностей, сколько подъ воздѣйствіемъ внѣшнихъ силъ въ исключительной обстановкѣ міровой войны и общаго разложенія всѣхъ связей, вызваннаго небывалой хозяйственной и политической разрухой.

И врядъ ли иначе обстоитъ дѣло съ длительными внутренними тенденціями развитія Австріи. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ самоопредѣленіе выльется не въ форму отдѣленія, а автономіи; оно должно явиться, такимъ образомъ, не факторомъ распада исторически-сложившихся многонаціональныхъ государствъ, а лишь помѣхой на пути къ новымъ аннексіямъ, къ насильственнымъ захватамъ.

По соображеніямъ, въ свое время развитымъ самимъ же Каутскимъ въ книгѣ о парламентаризмѣ и прямомъ народномъ законодательствѣ, можно считать политически болѣе цѣлесообразнымъ, чтобы національное самоопредѣленіе осуществлялось не путемъ *опроса населенія*,

референдума, а путемъ рѣшенія выбраннаго всеобщимъ голосованіемъ населенія данной области *Учредительнаго Собранія или сейма.*

Въ заключеніе слѣдуетъ еще особо отмѣтить, что Каутскій все время подчеркиваетъ, что „растаптываніе демократіи", столь модное нынѣ въ Россіи, *ни при какихъ условіяхъ* не можетъ быть программой пролетаріата, диктатура котораго возможна только въ формѣ диктатуры большинства народа.

„Борьба пролетаріата за демократію равнозначуща борьбѣ его за государственную власть",—пишетъ виднѣйшій изъ живыхъ еще учениковъ Маркса въ началѣ своей книжки. И онъ заканчиваетъ ее словами: *„Партія пролетаріата при всѣхъ условіяхъ и во всѣхъ своихъ отношеніяхъ должна оставаться демократической партіей.* Она вредитъ освободительной борьбѣ пролетаріата тамъ, гдѣ она уклоняется отъ демократіи".

Предъ лицомъ кризиса, переживаемаго нынѣ революціонной Россіей и всѣмъ міромъ, обѣ работы Каутскаго, выходящія впервые на русскомъ языкѣ, являются въ полной мѣрѣ злободневными. Онѣ даютъ обоснованіе теоріи и политики подлиннаго *интернаціонализма.* И въ этомъ также ихъ непреходящее значеніе для всей эпохи, открываемой міровой войной.

С. Семковскій.

Петроградъ, іюнь 1918 г.

НАЦІОНАЛЬНОСТЬ и МЕЖДУНАРОДНОСТЬ.

1. Понятіе націи.

Ни въ одной другой странѣ вся политическая и даже общественная жизнь не стоитъ въ такой мѣрѣ подъ знакомъ національности, какъ въ Австріи, и врядъ ли мы поэтому найдемъ въ какой-нибудь другой странѣ такую богатую литературу, какъ тамъ, по національнымъ вопросамъ. Ничего удивительнаго, что и первое обстоятельное изслѣдованіе національнаго вопроса съ марксистской точки зрѣнія принадлежитъ перу австрійца. Я имѣю въ виду солидный томъ *Отто Бауэра: „Національный вопросъ и соціалъ-демократія“*.

Бауэръ даетъ общую теорію націи, но фактически матеріалъ, на которомъ онъ строитъ эту теорію, онъ беретъ главнымъ образомъ изъ Австріи. Вторая же часть его книги прямо посвящена примѣненію его теоріи къ австрійскимъ отношеніямъ. На этомъ пути онъ встрѣчается съ *Реннеромъ*, который уже до него въ рядѣ работъ разбиралъ національныя проблемы въ Австріи уже въ 1899 году подъ псевдонимомъ *Синоптикусъ* („Государство и нація“), затѣмъ въ 1902 году подъ псевдонимомъ *Шпрингера* въ книгѣ „Борьба австрійскихъ націй за государство“ и въ 1906 году, подъ тѣмъ же псевдонимомъ (въ предисловіи уже подъ именемъ Реннера), въ книгѣ „Основы и тенденціи развитія австро-венгерской монархіи“.

Мерингъ далъ объ этой послѣдней книгѣ Реннера хвалебный отзывъ въ „Neue Zeit“, и эта похвала въ полной мѣрѣ должна быть отнесена также къ Отто Бауэру. Оба они великолѣпно знаютъ Австрію и умѣютъ

прекрасно пользоваться методомъ историческаго матеріализма. И при этомъ въ различіи работъ обоихъ авторовъ, несмотря на то, что они трактуютъ одинъ и тотъ же предметъ на основѣ одинаковаго метода и въ тѣсномъ личномъ общеніи другъ съ другомъ, ясно обнаруживается, что методъ историческаго матеріализма не есть нѣкій шаблонъ. Во всѣхъ существенныхъ пунктахъ Бауэръ и Реннеръ приходятъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ, и все же каждый даетъ нѣчто совершенно индивидуальное. Реннеръ выступаетъ передъ нами какъ реальный политикъ, Бауэръ — какъ изслѣдователь; Реннеръ — какъ юристъ, Бауэръ — какъ экономистъ. Сила перваго заключается въ томъ, что онъ выступаетъ, какъ краснорѣчивый защитникъ опредѣленныхъ практическихъ предложеній; сила же Бауэра въ томъ, что онъ вскрываетъ сложныя взаимозависимости между явленіями. Этимъ мы, впрочемъ, отнюдь не хотимъ отрицать, что каждый даетъ нѣчто цѣнное также и въ тѣхъ областяхъ, которыя составляютъ сферу господства другого. Можно было бы сказать, что у Реннера преобладаетъ лассалевскій, а у Бауэра марксовскій методъ мышленія.

Но тотъ фактъ, что марксизмъ менѣе всего является шаблономъ или некритическимъ повтореніемъ словъ учителя, этотъ фактъ становится еще яснѣе, если отъ различія, существующаго между Бауэромъ и Реннеромъ, обратиться къ тѣмъ различіямъ, которыя существуютъ между ними обоими, съ одной стороны, и другими представителями научнаго соціализма, также занимавшимися австрійской національной проблемой, — съ другой. Такъ, оба они стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчіи прежде всего къ самимъ основателямъ научнаго соціализма — *Марксу* и *Энгельсу*. Что точка зрѣнія послѣднихъ, относившаяся къ 1848 году, стала въ этомъ вопросѣ несостоятельной, это я показалъ уже въ 1896 году въ своемъ предисловіи къ изданію въ формѣ книжки серіи марксовыхъ статей о „Революціи и контръ-

революціи въ Германіи". Но какъ ни расхожусь я тутъ съ Марксомъ и Энгельсомъ, я не могу все же подписаться подъ всѣмъ тѣмъ, что развиваютъ Бауэръ и Реннеръ.

Наши расхожденія отчасти коренятся, повидимому, въ томъ, что мы являемся представителями трехъ поколѣній, изъ которыхъ каждое знакомилось съ Австріей въ другой обстановкѣ. Но въ основѣ этихъ расхожденій лежитъ также и то, что нація представляетъ собою, вообще, трудно уловимое общественное образованіе. Она является продуктомъ общественнаго развитія, однимъ изъ могущественнѣйшихъ факторовъ общественнаго прогресса, но при этомъ она все же ни разу не была обращена, путемъ опредѣленныхъ установленій или нормъ, въ ясно очерченный общественный организмъ. Нація представляетъ собой постоянно мѣняющееся общественное отношеніе; въ различныхъ условіяхъ она представляетъ нѣчто весьма различное; она, какъ нѣкій Протей, который ускользаетъ между пальцами, когда мы хотимъ его схватить, и все же всегда остается налицо, оказывая на насъ мощное вліяніе.

Какъ разъ въ настоящее время [1]), когда во Франціи процвѣтаетъ эрвеизмъ, когда германская соціалъ-демократія обсуждаетъ вопросъ объ обязанностяхъ по отношенію къ собственной націи, когда русская революція привела въ движеніе различныя націи въ царской имперіи, а еврейство хочетъ конституироваться въ націю, и когда, съ другой стороны, Англія вмѣстѣ съ Канадой, Австраліей и Южной Африкой пытается создать хотя и раздѣленное океанами, но единое національное государство, между тѣмъ какъ у врать его уже снова угрожающе поднимаетъ голову ирландскій націонализмъ, — въ такое время изслѣдованіе понятія и сферы дѣйствія націи снова пріобрѣтаетъ особый интересъ. И такимъ образомъ изслѣдованія, подобныя

[1]) Писано въ 1908 г. *Прим. ред. перев.*

работамъ Бауэра и Реннера, получаютъ болѣе, нежели только мѣстно-австрійское значеніе. И благодаря тому, что оба автора вполнѣ владѣютъ своимъ предметомъ и что методъ ихъ цѣлостенъ и плодотворенъ, они открываютъ новые горизонты и для того, кто не во всемъ можетъ слѣдовать по ихъ путямъ.

Книга Бауэра вызываетъ возраженія уже въ своемъ исходномъ пунктѣ — въ самомъ опредѣленіи понятія *націи*.

Правда, Бауэръ справедливо видитъ въ націи продуктъ общественнаго развитія. У него это выражено очень хорошо:

Итакъ, мы представляемъ себѣ націю, не какъ нѣчто застывшее, разъ навсегда данное, а какъ безпрерывный процессъ образованія. Въ основѣ же этого процесса лежатъ тѣ условія, въ которыхъ люди ведутъ борьбу за существованіе и за продолженіе рода. А такъ какъ націи еще нѣтъ въ ту эпоху, когда люди пользуются для поддержанія своей жизни готовыми, никому не принадлежащими дарами природы, такъ какъ нація возникаетъ лишь на той ступени развитія человѣчества, когда человѣкъ вынужденъ трудомъ отвоевывать у природы необходимыя ему для жизни блага, — то нація и ея характерныя особенности обусловливаются *способомъ производства*, орудіями труда, которыми люди пользуются, производительными силами, которыми они обладаютъ, отношеніями, въ которыя они становятся другъ къ другу въ процессѣ производства. Объяснить возникновеніе націи вообще и каждой данной націи въ отдѣльности, какъ одинъ изъ результатовъ *борьбы человѣка съ природой*, — разрѣшеніе этой великой задачи стало возможно, благодаря историческому методу Карла Маркса.

Это совершенно правильно. Но то особое опредѣленіе націи, которое намъ даетъ Бауэръ, либо приходится понимать такъ расплывчато, что въ немъ нѣтъ никакого указанія на то, чѣмъ собственно нація отличается отъ другихъ общественныхъ образованій, либо же это опредѣленіе не согласуется съ фактами.

Бауэръ называетъ націю *общностью культуры и характера, возникающей на основѣ общности судьбы.*

Общностью судьбы является каждое общественное образованіе; каждое общество имѣетъ свою общую

судьбу и традиціи; это относится къ роду, къ общинѣ, государству, къ цеху, къ партіи, даже къ акціонерному обществу. И многія изъ этихъ образованій представляютъ также общность культуры, строятся на общей культурѣ своихъ членовъ, которымъ они съ своей стороны передаютъ общую культуру. И эта общность судьбы и культуры легко можетъ, разумѣется, выработать также общій характеръ въ родѣ, какъ и въ городѣ, въ цехѣ, какъ и въ кастѣ, и даже въ партіи, если послѣдняя существуетъ достаточно долго и представляетъ собой классовую партію, стоящую въ рѣзкомъ противорѣчіи къ остальнымъ партіямъ и классамъ.

Но, съ другой стороны, общность судьбы и культуры какой-нибудь человѣческой группы не составляетъ еще ничего такого, что рѣзко отмежевывало бы одну націю отъ другой.

Нѣмецкаго и французскаго швейцарца, несмотря на различіе ихъ національности, связываетъ гораздо болѣе тѣсная общность судьбы и культуры, нежели нѣмецкаго швейцарца съ вѣнцемъ или гольштинцемъ.

И тамъ, гдѣ внутри одной и той же націи образуются крупныя классовыя различія, внутри ея вырастаютъ также и культурныя различія, гораздо болѣе глубокія, нежели многія культурныя различія между націями; и, наоборотъ, классовая общность часто устанавливаетъ также и культурную общность между членами одного и того же класса разныхъ націй. Нѣмецкій и датскій крестьянинъ въ Шлезвигѣ во всякомъ случаѣ находятся въ болѣе тѣсной культурной общности другъ съ другомъ, чѣмъ нѣмецкій крестьянинъ въ Шлезвигѣ и нѣмецкій же журналистъ или художникъ изъ западнаго квартала Берлина. А эти послѣдніе въ свою очередь находятся въ болѣе тѣсной культурной общности съ журналистами и художниками Парижа.

Классовыя различія и приводятъ Бауэра къ тому парадоксальному положенію, что націю образуютъ только тѣ части ея, которыя участвуютъ въ культурѣ,—до

настоящаго времени только господствующіе и эксплоатируемые классы.

Въ періодъ Штауфеновъ, — пишетъ Бауэръ, — нація ни въ какомъ иномъ видѣ и не существовала, какъ только въ качествѣ рыцарской культурной общности... Единообразный національный характеръ, созданный этимъ однороднымъ культурнымъ вліяніемъ, былъ характеромъ только одного національнаго класса...

Во всемъ томъ, что объединяетъ націю, крестьянинъ своей доли не имѣетъ.

Крестьяне такимъ образомъ тогда вовсе не составляютъ націи, они составляютъ лишь низы, фонъ націи.

Въ обществѣ же, основанномъ на правѣ частной собственности на орудія труда, націю образуютъ господствующіе классы, которыхъ одинаковое образованіе, передаваемое посредствомъ общаго языка и національнаго воспитанія, формируетъ родственные характеры. Широкія же массы народа не составляютъ націи.

Націей ихъ сдѣлаетъ впервые только соціализмъ, „эволюціонно-національная политика современнаго рабочаго класса“.

Ее можно назвать эволюціонной, такъ какъ она ставитъ себѣ цѣлью не только дальнѣйшее развитіе національнаго характера самого по себѣ, а и превращеніе всего народа въ націю. Ея задача состоитъ не только въ развитіи націи, но и въ развитіи всего народа въ націю.

Это очень глубокая мысль съ весьма правильнымъ зерномъ, но въ области національной проблемы она ведетъ насъ по ложному слѣду, ибо она придаетъ націи такой смыслъ, который дѣлаетъ для насъ какъ разъ невозможнымъ уразумѣніе силы національныхъ идей во *всѣхъ* классахъ *современности*, уразумѣніе причины *современныхъ* національныхъ противорѣчій, раздѣляющихъ цѣлые народы.

Бауэръ расходится здѣсь съ наблюденіемъ, сдѣланнымъ Реннеромъ, что какъ разъ *крестьянинъ* является охранителемъ національности. Въ Австріи (включая и Венгрію) цѣлый рядъ городовъ на протяженіи послѣдняго столѣтія перемѣнилъ свою національность: одни нѣмецкіе города стали мадьярскими или чешскими, другіе, и въ особенности Вѣна, поглотили колоссальный

притокъ чужихъ національныхъ элементовъ, впитанныхъ, такимъ образомъ, нѣмецкой націей. Но въ сельскихъ мѣстностяхъ, напротивъ, языковыя границы остались почти совершенно нетронутыми.

Въ болѣе крупныхъ городахъ Австріи процессъ онѣмеченія въ началѣ XIX столѣтія дѣйствительно удался: всѣ они стали нѣмецкими за исключеніемъ развѣ Галиціи, Хорватіи и итальянскихъ областей. Но что сохранило свой національный характеръ, это—крестьянское населеніе; о крестьянство именно разбились попытки превращенія Австріи въ національно-однородное государство. Какъ за все исконное, крестьянинъ крѣпко держится за свою національность, тогда какъ горожане, въ особенности же образованные, обнаруживаютъ гораздо бо́льшую способность приспособленія. И если бы націю составляли только образованные, тогда въ началѣ XIX столѣтія въ Австріи, за вычетомъ поляковъ и итальянцевъ, была только *одна* нація—нѣмецкая.

Но не лучше, чѣмъ съ культурной общностью, обстоитъ дѣло и съ *національнымъ характеромъ*, который будто бы составляетъ сущность націи.

Безъ сомнѣнія, отдѣльныя группы людей могутъ выработать свой особый групповой характеръ, который въ общемъ присущъ отдѣльнымъ членамъ данной группы: сходство въ способахъ выраженія, чувствованія и мышленія, облегчающее взаимное пониманіе и создающіе узы симпатіи. Такого рода характерныя черты выступаютъ тамъ, гдѣ группа людей живетъ въ теченіе болѣе продолжительнаго времени въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ,—въ одинаковомъ климатѣ, одинаковой средѣ, при одинаковомъ способѣ труда и образѣ жизни. И если эти условія не измѣняются на протяженіи ряда поколѣній, то групповые признаки могутъ стать наслѣдственными и проявляться еще долгое время у потомковъ, даже въ томъ случаѣ, когда послѣдніе попадаютъ въ другія условія: они могутъ принять форму *расовыхъ признаковъ*.

Каждая особая форма борьбы за существованіе требуетъ особыхъ тѣлесныхъ и духовныхъ качествъ. И пока эта особая форма существуетъ, легче всего сохранятся и продолжатъ свой родъ тѣ особи, которыя обладаютъ данными качествами. Но, кромѣ того, каждая особая форма въ образѣ жизни и во внѣшнихъ вліяніяхъ влечетъ за собой и такія послѣдствія, которыя не всегда обязательно полезны особи или роду, хотя отдѣлаться отъ нихъ они могутъ лишь съ трудомъ или вовсе не могутъ. Такъ, напримѣръ, у народовъ, вынужденныхъ пользоваться исключительно растительной пищей, развивается иной характеръ, нежели у тѣхъ что употребляютъ въ пищу главнымъ образомъ мясо.

Наконецъ, надо имѣть еще въ виду законъ соотносительности, въ силу котораго опредѣленныя измѣненія въ одномъ органѣ неизбѣжно вызываютъ опредѣленныя измѣненія въ другихъ.

Извѣстно, напримѣръ, какъ сильно вліяетъ кастрація на весь организмъ и характеръ.

„Если у растенія, вслѣдствіе пересадки его въ сухое мѣсто, увеличивается волосяной покровъ листьевъ, то это измѣненіе оказываетъ обратное воздѣйствіе на питаніе другихъ частей, и въ результатѣ можетъ получиться сокращеніе отдѣльныхъ частей стебля и тѣмъ самымъ болѣе сжатая форма всего растенія“ (*Геккель*).

Все это вмѣстѣ приводитъ къ тому, что въ группахъ людей, которыя живутъ достаточно продолжительное время въ одинаковыхъ условіяхъ, отдѣльные индивиды получаютъ тенденцію къ выработкѣ одинаковыхъ чертъ характера, составляющихъ ихъ отличительную особенность по отношенію къ членамъ другихъ группъ.

Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ вся нація живетъ въ одинаковыхъ условіяхъ, у нея выработается національный характеръ. Напротивъ, о такомъ національномъ характерѣ съ тѣмъ меньшимъ основаніемъ можетъ быть рѣчь, чѣмъ болѣе многообразны тѣ условія, въ кото-

рыхъ живутъ отдѣльные члены націи, чѣмъ болѣе различны, напримѣръ, географическія условія (равнины и горы, материкъ и морской берегъ) и чѣмъ дальше подвинулось раздѣленіе труда и классовое дѣленіе общества (сельское хозяйство и индустрія, крупный городъ и деревня, образованные и необразованные и т. д.), наконецъ, чѣмъ болѣе различенъ темпъ общественнаго развитія для отдѣльныхъ частей націи, что приводитъ, напримѣръ, къ такому положенію, когда въ однѣхъ частяхъ господствуютъ еще полуфеодальныя отношенія, а въ другихъ уже — высоко развитый капиталистическій способъ производства.

Можно было еще на худой конецъ нѣсколько десятилѣтій тому назадъ говорить о русскомъ или венгерскомъ національномъ характерѣ [1]), такъ какъ у этихъ народовъ толща націи состояла изъ крестьянъ или осѣвшихъ въ деревнѣ „дикихъ помѣщиковъ“, вся область ихъ разселенія отличалась одинаковымъ равнинным характеромъ, экономическое же развитіе шло такъ медленно впередъ, что въ отдѣльныхъ частяхъ націи еще не выступало замѣтныхъ различій: городское населеніе было еще незначительно и состояло отчасти изъ переселившихся въ городъ крестьянъ, сохранявшихъ еще свой деревенскій характеръ, а отчасти изъ чужаковъ (въ Венгріи, напримѣръ, изъ нѣмцевъ и евреевъ), которые не могли оказывать вліянія на націю.

Но какъ можно установить единый національный характеръ у какой-нибудь *современной* націи, скажемъ, у нѣмецкой, область разселенія которой обнимаетъ столько разнородныхъ территорій — побережье Сѣвернаго и Балтійскаго морей, сѣверо-германскую низменность, какъ и Альпы, а посрединѣ опять-таки разнороднѣйшія мѣстности отъ осіянной смѣхомъ и тепломъ долины Рейна съ культурой, насчитывающей скоро уже

---

[1]) Бауэръ въ своей книгѣ напрасно полемизируетъ со мной: я отрицалъ не *русскій*, а *общеславянскій* народный характеръ.

два тысячелѣтія, до отсталой, захудалой области Одера! А внутри этой націи колоссальныя общественныя раздѣленія: здѣсь полуфеодализмъ въ Мекленбургѣ и Познани, тамъ — капитализмъ въ его высшемъ завершеніи въ Саксоніи и Рурскомъ округѣ; здѣсь — города съ милліоннымъ населеніемъ, какъ Вѣна и Берлинъ, а рядомъ — заброшенные углы. А къ тому еще — раздѣленія по классамъ и профессіямъ.

Гдѣ могъ бы тутъ оказаться опредѣленный національный характеръ, отличающій нѣмецкую націю отъ другихъ. Кто является его представителемъ — житель рейнской долины или Верхней Баваріи, гольштинецъ или вѣнецъ? Кто составляетъ его типъ — Фаустъ или Карлъ Мооръ, Бисмаркъ или дѣдушка Брезигъ?

Съ другой стороны, мы находимъ, что тамъ, гдѣ двѣ націи живутъ по сосѣдству въ одинаковыхъ условіяхъ, у нихъ обѣихъ развивается одинаковый характеръ. Таковы нѣмцы и чехи въ Богеміи или западные фризы въ Голландіи и восточные фризы въ Пруссіи, которые принадлежатъ въ настоящее время къ двумъ различнымъ націямъ. Можетъ также случиться, что въ силу политическихъ событій данный народъ мѣняетъ свою національность, не измѣняя при этомъ вовсе своего характера, поскольку условія его жизни остаются тѣми же. Эльзасскій крестьянинъ остается тѣмъ же, все равно, называетъ ли онъ себя по-французски Жаномъ или по-нѣмецки Гансомъ.

Во всякомъ случаѣ, національный характеръ великихъ современныхъ народовъ представляетъ собой столь проблематическое и неуловимое явленіе, что совершенно невозможно въ этой тонкой, какъ паутинка, ниточкѣ, улетающей отъ малѣйшаго дуновенія вѣтра, усматривать ту скрѣпу, которая съ желѣзной силой соединяетъ націю, рѣзко отдѣляя ее отъ другихъ націй.

Не совсѣмъ понятно, почему Бауэръ отказывается признать такой скрѣпой, или, вѣрнѣе сказать, самой могучей изъ тѣхъ различныхъ скрѣпъ, что сплачиваютъ

націю, то именно, что напрашивается само-собой: *языкъ*. Онъ довольно бѣгло переходитъ черезъ этотъ вопросъ.

Объединяетъ ли людей въ націю общность языка? Но англичане и ирландцы, датчане и норвежцы, сербы и хорваты говорятъ на одномъ языкѣ, не представляя собою, однако, единаго народа; евреи вовсе не имѣютъ общаго языка и составляютъ тѣмъ не менѣе націю. Вопросъ о сущности націи можно развернуть, лишь исходя изъ понятія о *національномъ характерѣ*. Кто сталъ бы это отрицать, для того нація — ничто; можно ли сказать, что англичанинъ, живущій въ Берлинѣ и владѣющій нѣмецкимъ языкомъ, становится отъ этого нѣмцемъ?

Вотъ и все, что Бауэръ объ этомъ говоритъ.

Присмотримся прежде всего къ англичанину въ Берлинѣ. Никто и не утверждаетъ, что путемъ изученія второго языка человѣкъ теряетъ свою національность или что онъ принадлежитъ къ столькимъ націямъ, сколько онъ понимаетъ языковъ. Англичанинъ останется англичаниномъ до тѣхъ поръ, пока онъ по-англійски говоритъ лучше, чѣмъ на всякомъ другомъ языкѣ.

Но если онъ будетъ жить въ Берлинѣ, не поддерживая никакой связи съ англичанами, такъ долго, что онъ забудетъ англійскій языкъ и усвоитъ себѣ нѣмецкій, какъ тотъ языкъ, который онъ знаетъ лучше всякаго другого, то благодаря такой перемѣнѣ языка онъ несомнѣнно сталъ бы нѣмцемъ, для чего ему вовсе не пришлось бы мѣнять свой характеръ.

Ибо какимъ инымъ способомъ можно перемѣнить свою національность, если не путемъ перемѣны *языка*, на которомъ предпочтительно говорятъ и которымъ лучше всего владѣютъ? Не перемѣной же характера, въ самомъ дѣлѣ!

А теперь остановимся на примѣрѣ англичанъ и ирландцевъ, датчанъ и норвежцевъ, сербовъ и хорватовъ. Развѣ эти примѣры доказываютъ, что національная общность не есть общность языка? Развѣ не всѣ англичане говорятъ на одномъ и томъ же языкѣ? Или не всѣ датчане или не всѣ сербы? Правда, англичане раздѣляютъ свой языкъ съ ирландцами, датчане съ нор-

вежцами, сербы съ хорватами. Но это не доказываетъ вовсе того, что не всякая національная общность есть общность языка, а только то, что иногда эта общность языка можетъ обнимать двѣ націи (и болѣе, какъ, напримѣръ, англійскій языкъ обнимаетъ также австралійцевъ и др.), и что общность языка не является единственнымъ отличительнымъ признакомъ націи, а, напротивъ, рядомъ съ ней существуютъ другіе такіе признаки.

Но это никоимъ образомъ не можетъ служить доказательствомъ противъ того, что языкъ принадлежитъ къ этимъ отличительнымъ признакамъ и занимаетъ важнѣйшее мѣсто среди нихъ.

Иначе, конечно, обстояло бы дѣло, если бы существовали націи, изъ которыхъ каждая принадлежала бы одновременно къ различнымъ языковымъ общностямъ. Бауэръ и пытается привести такое доказательство, но онъ можетъ сослаться только на одинъ случай, и ему не легко было бы привести другой такой; и этотъ случай относится къ націи, относительно которой въ высшей степени спорнымъ является вопросъ, представляетъ ли она собой вообще націю, и которая во всякомъ случаѣ, если захотѣть признать ее таковой, образуетъ націю, не имѣющую себѣ подобныхъ, такъ что никто не приметъ ее за типъ націи. Никто не знаетъ этого лучше, чѣмъ самъ Бауэръ, который въ главѣ о національной автономіи евреевъ весьма убѣдительно показываетъ, что то, что имѣетъ силу по отношенію ко всѣмъ націямъ, не относится къ евреямъ, которые лишены всякой будущности въ качествѣ націи.

Несомнѣнно, евреи говорятъ на различныхъ языкахъ, но развѣ говорящіе по-нѣмецки евреи не принадлежатъ къ нѣмецкой націи, а говорящіе по-французски — къ французской? Особой націей евреи чувствуютъ себя только въ восточной Европѣ, но тамъ они говорятъ также *на собственномъ языкѣ*, не на древне-еврейскомъ, а на испорченномъ нѣмецкомъ, такъ называемомъ еврей-

скомъ жаргонѣ, который и отдѣляетъ ихъ отъ окружающей среды.

Въ дѣйствительности, еврейство первоначально было націей съ общимъ для всѣхъ ея частей языкомъ. Затѣмъ оно стало религіозной общностью, впитавшей въ себя членовъ самыхъ различныхъ націй и нашедшей доступъ къ самымъ различнымъ народамъ. Когда же затѣмъ христіанство положило конецъ этой способности еврейской религіозной общины къ дальнѣйшему распространенію среди народовъ путемъ пропаганды, еврейство стало особой расой, такъ какъ евреямъ были запрещены смѣшанные браки со стоящими внѣ ихъ религіозной общины; и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ качествѣ представителей перенесеннаго изъ римской эпохи денежнаго хозяйства посреди варварскаго натуральнаго хозяйства германцевъ, евреи образовали также особую профессію. Та роль, которую еврейство играло въ средніе вѣка и которую оно и понынѣ еще играетъ въ восточной Европѣ, гораздо лучше характеризуется не словомъ *нація*, а словомъ *каста*. Явленія, соотвѣтствующія еврейству, какъ оно формировалось послѣ разрушенія Іерусалима и возникновенія христіанства, мы встрѣтимъ не среди *націй современной Европы*, которыя насъ здѣсь занимаютъ, а лишь среди *кастъ Индіи*. И всѣ попытки сохранить еврейство, какъ націю, на дѣлѣ являются лишь попытками продлить его существованіе, какъ особой касты. Подобное стремленіе было бы совершенно непостижимо въ какомъ-нибудь современномъ государствѣ. Оно можетъ пользоваться успѣхомъ только при позорномъ хозяйничаньи московитской бюрократіи или румынскихъ бояръ.

Для познанія сущности націи ссылка на еврейство рѣшительно ничего не даетъ. Но это — единственный примѣръ, который Бауэръ можетъ привести противъ того взгляда, что національная общность есть общность языка.

Въ той же мѣрѣ, въ какой національный характеръ представляетъ собой нѣчто проблематическое и трудно

улоьимое, національный языкъ есть нѣчто несомнѣнное, ясное для каждаго съ перваго же взгляда, и если національный характеръ совершенно не имѣетъ значенія для совмѣстной дѣятельности людей въ обществѣ, то языкъ, напротивъ, составляетъ первую необходимую предпосылку всякой совмѣстной дѣятельности. Люди, не понимающіе нашего языка, люди, съ которыми мы не можемъ объясниться, стоятъ внѣ круга нашего общенія. По отношенію къ нимъ мы чувствуемъ себя общественно связанными со всѣми тѣми, которые говорятъ на нашемъ языкѣ, каковъ бы ни былъ ихъ характеръ и ихъ соціальное положеніе. На чужбинѣ національное различіе часто оказывается могущественнѣе, чѣмъ самая рѣзкая классовая противоположность. Нѣмецкій рабочій, попадающій во Францію, не зная ни слова по-французски и не имѣя возлѣ себя товарищей по классу, говорящихъ по-нѣмецки, будетъ себя чувствовать среди французскихъ пролетаріевъ заброшеннымъ и одинокимъ, несмотря на всю интернаціоналистскую классовую сознательность, и онъ съ радостью будетъ привѣтствовать перваго попавшагося нѣмца, который его окликнетъ, если бы даже то былъ эксплоататоръ, котораго онъ на родинѣ ненавидѣлъ отъ всей души.

Могучая роль, какую языкъ играетъ въ общественной жизни, можетъ намъ объяснить въ достаточной мѣрѣ силу національнаго чувства. Напротивъ, общность національнаго характера, относительно котораго никто толкомъ не знаетъ, какъ онъ выглядитъ, и который на практикѣ не оказываетъ замѣтнаго вліянія на нашу совмѣстную жизнь, не объясняетъ тутъ ровно ничего.

Что Бауэръ не хочетъ ничего знать о языкѣ, какъ о рѣшающемъ признакѣ націи, это тѣмъ болѣе замѣчательно, что какъ разъ въ Австріи національный вопросъ выступаетъ только въ формѣ вопроса о языкахъ.

2. Консолидація націи.

Языкъ — необходимое орудіе общественныхъ сношеній. Съ нимъ и изъ него возникаетъ всякое общеніе. Но тѣмъ самымъ мы сказали, что первоначально область господства даннаго языка опредѣляется общественными сношеніями. Люди, находящіеся въ регулярныхъ сношеніяхъ, должны говорить на одномъ и томъ же языкѣ. Кругъ такого общенія, а, слѣдовательно, также область господства особаго языка, который въ немъ употребляется, можетъ при разныхъ условіяхъ быть весьма различнымъ; его величина зависитъ отъ способа производства, отъ внѣшнихъ условій мѣстности, отъ условій сношенія. Тѣсная замкнутая горная долина, которая лежитъ далеко въ сторонѣ отъ всѣхъ путей народовъ и продукты которой достаточны для ея жителей, можетъ развить и сохранить на протяженіи вѣковъ особый языкъ; напротивъ, жители области, расположенной у большой рѣки, которая служитъ для нихъ путемъ сообщенія, легко создадутъ широко раскинувшуюся общность языка.

Но въ общемъ можно сказать, что первоначально сферы отдѣльныхъ языковъ должны были быть весьма маленькими, но въ ходѣ экономическаго развитія онѣ все болѣе расширялись, и все большее число языковъ исчезало. Общее число индѣйцевъ въ Сѣверной и Южной Америкѣ составляетъ около 10 милліоновъ, а число ихъ языковъ по скромному подсчету достигаетъ сотни; нѣкоторые же изслѣдователи насчитываютъ ихъ даже гораздо больше, до 400 и еще болѣе. Напротивъ, область господства одного только англійскаго языка охватываетъ въ настоящее время 125 милліоновъ человѣкъ, причемъ на протяженіи одного столѣтія она почти ушестерилась. Но до тѣхъ поръ, пока населеніе какой-нибудь языковой сферы не является осѣдлымъ, объемъ послѣдней остается въ высшей степени колеблющимся. Кочевые народы такъ же легко расходятся,

какъ и сходятся. Сегодня племени приходится удалить отъ себя часть своихъ членовъ, либо для поисковъ новыхъ пастбищъ и охотничьихъ районовъ, либо же потому, что населеніе стало чрезмѣрно большимъ, или стихійныя явленія, засуха, наводненіе, эпидемія сократили возможность пропитанія. Избыточное населеніе уходитъ въ даль и переноситъ туда съ собою свой языкъ, который затѣмъ, въ новыхъ условіяхъ жизни, получаетъ особое развитіе. Но можетъ также случиться, что цѣлое племя изгоняется нашествіемъ враговъ или стихійными явленіями съ насиженнаго мѣста и попадаетъ въ новую среду, которой оно, быть можетъ, передаетъ свой языкъ, но отъ которой оно, можетъ случиться, перенимаетъ также и ея языкъ, теряя свой собственный. И временами различныя племена легко соединяются на болѣе или менѣе продолжительное время для какого-нибудь общаго предпріятія, превосходящаго силы единичнаго племени: для обороны или нападенія или для болѣе продолжительнаго странствованія.

Совмѣстное пребываніе различныхъ элементовъ должно также вліять на ихъ языки и можетъ порою вести къ созданію новаго языка. Такъ, племена на этой стадіи развитія образуютъ какъ бы туманность первобытнаго хаоса, которая катится вверхъ и внизъ, мѣстами разрывается, мѣстами уплотняется и сильно затрудняетъ образованіе устойчивыхъ націй. Только осѣдлость выводитъ народы изъ состоянія такой неоформленности въ состояніе твердо отграниченныхъ корпорацій. Мы уже видѣли, какъ велико значеніе крестьянина для *сохраненія* націи. Но столь же велико его значеніе и для самаго *образованія* націи. Вмѣстѣ съ территоріей, на которой нація осѣдаетъ, она впервые получаетъ прочную почву подъ ногами, во всѣхъ смыслахъ этого слова. Съ этого момента всѣ отношенія ея становятся болѣе устойчивыми—нація консолидируется. Но территорія получаетъ значеніе не только для длительнаго *сплоченія*, но и для длительнаго *раздѣленія* націи.

Подобно общности языка, также и общность территоріи можетъ создать рядъ общихъ интересовъ, воззрѣній, чувствъ, которыхъ не раздѣляютъ другіе народы, населяющія другія территоріи, хотя бы они говорили на томъ же самомъ языкѣ. И если чужой народъ захватываетъ національную территорію, устанавливаетъ надъ ней свое господство и подвергаетъ ее эксплоатаціи, то онъ становится національнымъ врагомъ, безразлично говоритъ ли онъ на томъ же самомъ языкѣ или нѣтъ.

Вотъ какъ объясняются тѣ случаи, когда различныя націи говорятъ на одномъ и томъ же языкѣ, когда общность языка не совпадаетъ съ національной общностью. Сюда относятся перечисленные выше случаи, которые Бауэръ противоставляетъ тому взгляду, по которому общность языка является самымъ изначальнымъ признакомъ націи. Но эти случаи показываютъ лишь, что нація не такое уже простое явленіе, какъ многіе думаютъ, что она представляетъ собой историческій продуктъ многообразныхъ факторовъ.

Дальнѣйшее средство консолидаціи націи возникаетъ въ ходѣ общественнаго развитія въ формѣ *письменности*. Благодаря письменности, языкъ, составляющій основу національной общности, закрѣпляется, всякія измѣненія его затрудняются, образованіе новыхъ націй путемъ смѣшенія старыхъ и созданія общаго смѣшаннаго языка наталкивается отнынѣ уже на значительныя трудности. Напротивъ, процессъ расширенія націи легко совершается въ той именно формѣ, что языкъ одной націи становится литературнымъ языкомъ, который принимаютъ и другія націи, имѣющія родственные языки.

Устное слово можетъ быть передаваемо только путемъ личнаго сношенія. Напротивъ, *писанное* не связано съ личностью пишущаго; оно можетъ обращаться къ позднѣйшимъ поколѣніямъ, послѣ того какъ самъ авторъ уже мертвъ, оно можетъ говорить къ народамъ, съ которыми лично авторъ никогда не соприкасался. Но писанное слово не можетъ также никогда во всей

полнотѣ передать устную рѣчь. Нѣсколько буквъ алфавита не могутъ исчерпать богатства человѣческихъ звуковъ. Писанное слово всегда даетъ лишь *намекъ* на устную рѣчь, который въ силу привычки производитъ впечатлѣніе послѣдней. И вотъ тамъ, гдѣ два языка родственны между собою, гдѣ они зачастую обозначаютъ одинаковыя понятія сходными словами, получается возможность примѣненія одного и того же литературнаго языка, вызывающаго при чтеніи у каждой націи тѣ же впечатлѣнія. Члены обоихъ языковыхъ общностей могутъ, такимъ образомъ, въ области литературнаго языка понимать другъ друга, хотя въ устной рѣчи это было бы для нихъ невозможно.

Надо замѣтить, что подъ родственностью языковъ не надо непремѣнно понимать родство въ томъ смыслѣ, въ какомъ бываютъ родственны между собой человѣческіе индивиды; не надо думать, будто родственные языки обязательно ведутъ свое начало отъ одной общей матери, нѣкоего пра-языка, и будто въ конечномъ счетѣ всѣ языки возникли изъ одного единственнаго языка.

Въ основѣ такого рода представленій безсознательно лежитъ библейская сказка о сотвореніи міра, которая давно уже разъяснена, какъ наивный миѳъ, и тѣмъ не менѣе все еще держитъ подъ своимъ вліяніемъ наше мышленіе. Еще Лампрехтъ говоритъ о „первой родительской парѣ“, какъ родоначальницѣ народа. Но мы должны представить себѣ, что дѣло не происходило такъ, что гдѣ-то сначала возникла одна единственная человѣческая пара, а что на обширномъ пространствѣ, быть можетъ, въ различныхъ областяхъ, человѣко-обезьяны во многочисленныхъ стаяхъ постепенно развились въ людей. И каждая изъ этихъ стай, которая вначалѣ врядъ ли поддерживала какія-нибудь сношенія съ другими стаями, выработала для себя свой языкъ. Мы должны, такимъ образомъ, допустить, что въ начаткахъ человѣчества былъ не одинъ, а безчисленное множество пра-языковъ. Но это не значитъ,

что каждый изъ нихъ во всемъ цѣликомъ отличался отъ другихъ. И человѣческая дѣятельность, наперекоръ всѣмъ иллюзіямъ свободы воли, подчинена закону, согласно которому одинаковыя причины вызываютъ одинаковыя дѣйствія. При одинаковой тѣлесной организаціи и одинаковыхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ люди ведутъ себя одинаковымъ образомъ. Итакъ, у различныхъ народовъ совершенно независимо другъ отъ друга могутъ возникнуть совершенно одинаковыя общественныя явленія. На это часто не обращаютъ достаточнаго вниманія. Если у двухъ народовъ мы находимъ сходныя общественныя учрежденія, саги, творенія искусства и т. д., то многіе изслѣдователи тотчасъ готовы видѣть въ этомъ доказательство того, что нѣкогда оба эти народа находились въ какой-то взаимной связи, что они когда-то либо составляли одинъ народъ, потомъ раздѣлившійся, либо же во всякомъ случаѣ были сосѣдями, изъ которыхъ одинъ перенимаетъ у другого. Ясное дѣло, это могло и быть, но вовсе не необходимо, чтобъ это было именно такъ. Такое сходство мы находимъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда такого рода связь совершенно исключена. Такъ, какъ это прекрасно показалъ Куновъ, у *перуанцевъ* родовой строй существовалъ такъ же, какъ у *германцевъ*.

Подобнымъ же образомъ мы должны допустить, что и въ области языка одинаковыя условія вызываютъ одинаковые результаты, сходная обстановка—сходные результаты, и что, слѣдовательно, языки, возникавшіе у различныхъ ордъ независимо другъ отъ друга, но въ одинаковыхъ условіяхъ, въ одинаковой мѣстности, обнаруживали извѣстное родственное сходство между собою. Затѣмъ, еще другія родственныя связи возникли изъ того, что, разрастаясь, данный народъ раздѣлялся на нѣсколько народовъ, изъ которыхъ каждый уносилъ съ собой старый языкъ съ тѣмъ, чтобы дальше развить его. Съ другой же стороны, можетъ даже случиться, что народы съ различными языками приходятъ въ

длительное, болѣе тѣсное соприкосновеніе другъ съ другомъ и каждый такъ много перенимаетъ у своего сосѣда, что языки ихъ становятся, если не одинаковыми, то похожими, или, какъ говорятъ, родственными.

Итакъ, родственность языковъ народной массы, которая, какъ это было съ племенами, извѣстными подъ общимъ именемъ германцевъ, на протяженіи вѣковъ странствовала по материку вдоль и поперекъ, въ постоянномъ взаимномъ соприкосновеніи, схожденіи и расхожденіи,—можетъ имѣть самыя разнообразныя причины. Эта родственность языковъ ничего не говоритъ еще въ пользу ихъ происхожденія отъ „одного общаго народа-родоначальника германцевъ“, какъ полагаетъ Бауэръ, или въ пользу существованія общаго праязыка, расколовшагося на отдѣльные діалекты лишь послѣ перехода къ осѣдлости.

Вообще, ходъ развитія языка ведетъ насъ не отъ единства къ множественности, а наоборотъ. Но какимъ бы образомъ ни возникла родственность различныхъ языковъ, письменность во всякомъ случаѣ является тѣмъ средствомъ, которое объединяетъ всѣ народы, говорящіе на родственныхъ языкахъ, въ одну новую языковую общность, тѣмъ средствомъ, которое сплачиваетъ сосѣдніе народы съ родственными языками въ единую крупную націю. Обще-литературный языкъ становится національнымъ языкомъ, а языки, на которыхъ внутри новой національной общности говорятъ отдѣльные народы, низводятся на степень простыхъ діалектовъ. И эта новая національная связь становится тѣмъ крѣпче и тѣснѣе, чѣмъ больше на основѣ общаго литературнаго языка разрастается общая *національная литература*.

Но какъ территорія, такъ и письменность и національная литература, могутъ не только соединить воедино говорящіе на родственныхъ языкахъ народы, но и національно раздѣлить ихъ. Нижне-нѣмецкое нарѣчіе имѣетъ съ голландскимъ гораздо больше родства, чѣмъ,

напримѣръ, съ аллеманскимъ или съ баварско-австрійскимъ. Въ территоріальномъ и культурномъ отношеніяхъ жители Нѣмецкаго взморья тоже стоятъ ближе къ голландцамъ, нежели къ нѣмецкимъ альпійцамъ. Но они приняли вмѣстѣ съ послѣдними одинаковый литературный языкъ, они получили свою долю въ общей національной литературѣ въ то время, какъ голландскій развилъ собственную литературу. Собственная письменность и литературный языкъ, а не государственная граница—вотъ что отдѣлило голландцевъ отъ нѣмецкой націи, въ составѣ которой, напротивъ, остались нѣмецкіе швейцарцы, несмотря на ихъ государственную самостоятельность.

Житель сѣвернаго нѣмецкаго побережья устно легче объяснится съ обитателемъ голландскаго Зюдерзее, нежели съ жителемъ Цюрихскаго озера, но какой-нибудь Лиліенкронъ или Френсенъ пишетъ на томъ же языкѣ, что и Готфридъ Келлеръ или К. Ф. Мейеръ.

Отто Бауэръ имѣетъ, очевидно, въ виду прежде всего эту общность литературы, когда онъ представляетъ націю культурной общностью и находитъ, что въ эпоху Гогенштауфеновъ націю составляли только рыцари, а позже слой образованныхъ, тогда какъ массы націи, и прежде всего крестьяне, составляли только фонъ ея.

Такъ, Бауэръ говоритъ о томъ,

что наша классическая поэзія участвовала въ созданіи національнаго нѣмецкаго характера, ставши составной частью пережитаго въ жизни каждаго нѣмца. А то, что относится къ нашей классической поэзіи, одинаково справедливо и по отношенію къ эпохѣ нѣмецкаго *просвѣщенія*. То, что нѣмецкая буржуазія продумала въ то время и, слившись съ иноземными элементами, сдѣлала своимъ достояніемъ, еще и въ настоящее время составляетъ часть нашей культуры. Ту культуру создало экономическое развитіе XVIII столѣтія; но, однажды возникнувъ, эта культура стала живымъ, самостоятельно дѣйствующимъ факторомъ, который вырабатываетъ однородную національную индивидуальность и въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ, и, вліяя на каждаго индивидуума въ отдѣльности, сплачивала націю, какъ культурную общность.

Разумѣется, еще и въ настоящее время далеко не весь народъ находится въ сферѣ вліянія нѣмецкой культуры, еще и въ настоящее время подъ ея воздѣйствіемъ находятся только имущіе и господствующіе классы нашего народа.

Итакъ, не существуетъ вовсе обнимающей весь народъ нѣмецкой націи. Но имѣемъ ли мы надежду когда-нибудь дождаться этого? Никоимъ образомъ, если существованіе націи зависитъ отъ ея „единаго національнаго характера“, который долженъ быть созданъ единымъ характеромъ ея литературы. Ибо, поскольку литература нѣкогда обладала единымъ характеромъ, она все болѣе теряетъ его, и она никогда не въ состояніи сообщить нѣмецкой націи единый характеръ.

Литература не образуетъ всей совокупности культуры, а составляетъ только часть ея. Ее можно было бы, пожалуй, какъ *языковую* культуру, отдѣлить отъ *технической*, включая въ послѣднюю изобразительныя искусства и музыку. Послѣдній родъ культуры не нуждается въ передачѣ путемъ языка, чтобы перейти къ другимъ націямъ. Одна и та же общность технической культуры можетъ обнимать многочисленныя языковыя общности, но, съ другой стороны, и общность литературы не является единственной и даже не важнѣйшей и ужъ, во всякомъ случаѣ, не самой первоначальной скрѣпой національной общности. А меньше всего такой скрѣпой является общность національнаго характера, котораго съ точностью никто не можетъ опредѣлить, который нигдѣ не выступаетъ ясно и осязательно. Напротивъ, полной осязательностью, полной ясностью, на первый же взглядъ для всякаго, обладаютъ тѣ признаки и связи, которые нація имѣетъ въ своей устной рѣчи, въ территоріи, въ литературномъ языкѣ. Изъ этихъ общихъ элементовъ историческая общность судьбы можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, выработать еще и общность особаго національнаго характера, который затѣмъ, безъ сомнѣнія, способствуетъ тому, чтобы совмѣстная національная дѣятельность стала болѣе

тѣсной, а границы по отношенію къ чужакамъ болѣе рѣзкими. Но необходимаго условія для возникновеніяи существованія націи общность характера не составляетъ. Она, по бо̀льшей части, свойственна лишь примитивнымъ ступенямъ развитія, при отсутствіи замѣтнаго общественнаго расчлененія, или незначительнымъ по численности народамъ, и она имѣетъ тенденцію все болѣе исчезать по мѣрѣ того, какъ нація становится болѣе обширной и распадается на отдѣльныя профессіи и классы.

3. Интернаціональныя сферы культуры.

Мы видѣли, что языкъ представляетъ собою важнѣйшее средство общественнаго сношенія. По мѣрѣ того, какъ съ экономическимъ развитіемъ расширяются эти сношенія, необходимо долженъ возрастать также кругъ тѣхъ, которые говорятъ на одинаковомъ языкѣ. Отсюда возникаетъ также у отдѣльныхъ націй тенденція къ расширенію, къ поглощенію другихъ націй, теряющихъ свой языкъ и усваивающихъ другой, либо языкъ возобладавшей націи, либо смѣшанный языкъ.

Но эта тенденція встрѣчается съ противными тенденціями. На нашихъ глазахъ сношенія растутъ быстрѣе, нежели сами націи, общности человѣческихъ сношеній расширяются гораздо быстрѣе, чѣмъ языковыя общности.

И это развитіе сношеній между различными народами уже привело къ созданію трехъ великихъ культурныхъ общностей, изъ которыхъ каждая развиваетъ своеобразную культуру, основныя линіи которой мы можемъ одинаково найти у всѣхъ ея частей.

Эти три культурныя общности, обнимающія громаднѣйшую часть міра, можно лучше всего раздѣлить по религіи, господствующей въ каждой изъ нихъ. Мы имѣемъ христіанскую сферу культуры съ почти 600 милліонами членовъ, исламитскую съ 250 милліонами и буддистскую, которая вмѣстѣ съ родственной ей браманской насчитываетъ почти 700 милліоновъ членовъ.

Но каждая изъ этихъ сферъ культуры обнимаетъ весьма многообразные языки и націи. Внутри каждой изъ нихъ преобладающая часть культуры носитъ не національный, а интернаціональный характеръ.

Но сила міровыхъ сношеній оказываетъ еще дальнѣйшее дѣйствіе. Она все болѣе расширяется, повсюду приводя къ господству одинъ и тотъ же капиталистическій способъ производства; такимъ образомъ, въ хозяйственномъ отношеніи, эти три великія сферы культуры вмѣстѣ съ тѣмъ, что остается еще внѣ ихъ, все болѣе становятся единой областью съ общей культурой, и границы между отдѣльными націями и отдѣльными сферами культуры все болѣе падаютъ. А вмѣстѣ съ этимъ все больше выдвигается потребность въ единомъ міровомъ языкѣ. Но одновременно мы видимъ, что надстройка, поднимающаяся на этой хозяйственной основѣ, развивается въ прямо-противоположномъ направленіи, что сила національнаго чувства не уменьшается, а во многихъ случаяхъ даже возрастаетъ, и что изъ числа отсталыхъ націй одна за другой поднимается изъ стадіи безсознательности въ стадію національнаго сознанія, создавая себѣ особую національную литературу и тѣмъ мощно консолидируя свою національность.

На первый взглядъ, обѣ эти столь рѣзко противорѣчащія другъ другу тенденціи совершенно несовмѣстимы одна съ другой. Но, какъ это часто бываетъ, видимость и здѣсь обманчива. Одна и та же причина можетъ породить два весьма рѣзко расходящихся движенія. Если я брошу камень въ воду, онъ станетъ быстро падать вертикально на дно. Но одновременно онъ вызоветъ на поверхности воды движеніе, которое горизонтально, въ видѣ круговъ и движенія волнъ, будетъ расходиться все дальше и дальше и не остановится еще долгое время послѣ того, какъ камень уже достигъ дна и сталъ неподвиженъ.

Въ этомъ примѣрѣ связь между обоими разнородными движеніями проста и наглядна. Гораздо болѣе

сложный характеръ носитъ общественное движеніе, проходящее черезъ человѣческое сознаніе многочисленныхъ индивидуумовъ, изъ которыхъ всѣ, конечно, сознаютъ свое желаніе, но многіе не сознаютъ объема и характера того, что они могутъ, и весьма немногіе — дѣйствительныя причины своихъ желаній. Тутъ, на первый взглядъ, кажется невозможнымъ всегда приводить въ связь хозяйственныя явленія и духовную жизнь, тутъ послѣдняя часто кажется совершенно независимой отъ первыхъ. И все же, всякій разъ, когда мы, примѣняя марксистскій методъ, взглянемъ глубже,—связь между обоими движеніями и зависимость духовнаго отъ хозяйственнаго выступаетъ также и тамъ, гдѣ первое получаетъ направленіе, противоположное послѣднему.

Если развитіе языковой и національной общности не совпадаетъ съ развитіемъ культурной общности, если объемъ послѣдней скоро перерастаетъ объемъ первой, то это связано прежде всего, съ тѣмъ обстоятельствомъ, что человѣкъ вовсе не долженъ быть обязательно одноязычнымъ. Онъ можетъ, напротивъ, изучить нѣсколько языковъ и вполнѣ овладѣть ими. Это явленіе очень часто выступаетъ въ яркихъ формахъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вслѣдствіе постоянныхъ сношеній скрещиваются многочисленныя націи. Такъ, напримѣръ, въ Константинополѣ можно встрѣтить довольно много людей, владѣющихъ цѣлой дюжиной языковъ.

Но тамъ, гдѣ вся масса двухъ народовъ находится въ постоянной связи, поддерживая тѣснѣйшія сношенія между собой, тамъ возникающая на этой почвѣ двуязычность окажется только переходной стадіей. Тамъ, гдѣ каждый владѣетъ двумя языками, всегда въ концѣ концовъ общее предпочтеніе по тѣмъ или инымъ причинамъ будетъ отдано одному изъ нихъ,— потому ли, что это языкъ болѣе богатаго и сильнаго народа, потому ли, что онъ открываетъ доступъ

къ болѣе совершенной культурѣ, которая вовсе отсутствуетъ у другого народа, — или же изъ обоихъ языковъ выработается новый смѣшанный языкъ, какъ французскій или англійскій. Старая нація исчезаетъ не изъ-за вымиранія и не изъ-за прекращенія ея культурной общности, а просто потому, что она перестаетъ говорить на своемъ языкѣ, такъ какъ считаетъ другой языкъ болѣе для себя цѣлесообразнымъ.

Но въ ходѣ хозяйственнаго развитія возникаетъ особый классъ, дѣлающій сношенія между народами своей профессіей: — классъ *купцовъ*. Тамъ, гдѣ возникаетъ этотъ классъ, нѣтъ уже болѣе нужды въ томъ, чтобы весь народъ владѣлъ языкомъ своего сосѣда, съ которымъ онъ желаетъ поддерживать хозяйственныя сношенія. Достаточно, чтобы съ нимъ могли сноситься купцы. Но самое возникновеніе класса купцовъ совпадаетъ съ переходомъ народа къ осѣдлости и стоитъ въ прямой съ нимъ причинной связи. Гдѣ масса населенія прикована къ землѣ, тамъ, по крайней мѣрѣ, одной части ея необходимо продолжать кочевой образъ жизни, поддерживая сношенія между народами; но одновременно осѣдлость суживаетъ поле зрѣнія народной массы, увеличивая трудовое тягло, лежащее на ней. Этимъ создается замкнутость по отношенію къ чужимъ народамъ, уменьшается необходимость, желаніе и возможность изучать чужіе языки. Такъ, то самое экономическое развитіе, которое при посредствѣ купца создаетъ возможность постояннаго расширенія сферы сношеній и, благодаря распространенію товарнаго производства, все болѣе расширяетъ кругъ хозяйственно-культурной общности,—это же самое экономическое развитіе консолидируетъ націю и болѣе рѣзко отмежевываетъ ее отъ другихъ народовъ.

Дальнѣйшій ходъ общественнаго развитія создаетъ городъ и въ немъ выдѣляетъ кругъ образованныхъ людей; вначалѣ это были, большей частью, аристократы-землевладѣльцы, выбравшіе вмѣсто сельской

глуши и грубости нравовъ приманки бьющей ключомъ жизни города, гдѣ они могли наслаждаться искусствомъ и наукой или же отдаваться дѣламъ господства и управленія. Въ этихъ кругахъ пробудился духъ науки, духъ исканія болѣе глубокихъ причинъ вещей, но также и духъ новшества. Въ большомъ городѣ, подъ вліяніемъ торговли, общественное развитіе совершается быстрѣе, чѣмъ въ деревнѣ, но и классовыя противорѣчія нарастаютъ съ бо́льшей силой и сознаются болѣе рѣзко. Возникаетъ стремленіе къ новымъ соціальнымъ и политическимъ формамъ, а съ другой стороны — передъ власть имущими встаетъ необходимость защищать существующій строй убѣдительными доводами, такъ какъ строй этотъ уже не сходитъ болѣе за нѣчто естественное и само собой разумѣющееся. Въ подобной атмосферѣ торговыя сношенія съ чужими народами не могутъ не оказать воздѣйствія также и на образованныхъ, вызывая, помимо чисто-дѣлового интереса, еще и другого рода интересъ къ сношенію съ этими народами. За-границей начинаютъ искать высшей мудрости и высшаго искусства, образцовъ и примѣровъ; либо, по меньшей мѣрѣ,—объекта для наблюденій и изслѣдованія, наподобіе природы, чтобы путемъ сравненія получить новыя точки зрѣнія или новыя художественныя впечатлѣнія. Сношеніе съ чужестранцами все въ бо́льшей мѣрѣ становится потребностью образованныхъ, которую они удовлетворяютъ частью посредствомъ путешествій, частью путемъ изученія чужой художественной и научной литературы которую они привозятъ къ себѣ.

И чѣмъ болѣе расширяются сношенія, чѣмъ больше растутъ города и чѣмъ больше классъ образованныхъ отдается искусству, наукѣ и политикѣ, освобождаясь отъ наивнаго самобытнаго искусства, житейской мудрости и политики народной массы,—тѣмъ въ бо́льшей мѣрѣ высшее образованіе, слѣдуя за развитіемъ торговыхъ сношеній, принимаетъ интернаціональный ха-

рактеръ, тѣмъ въ бо́льшей мѣрѣ и образованному, подобно купцу, необходимо владѣть нѣсколькими языками, тѣмъ все меньше можетъ онъ обойтись однимъ только знаніемъ своего національнаго языка.

Гдѣ между нѣсколькими народами устанавливается болѣе длительная общность сношеній и культуры, тамъ одна или нѣкоторыя націи получаютъ перевѣсъ, въ силу болѣе высокихъ экономическихъ, военныхъ, научныхъ или художественныхъ данныхъ. Языками этихъ именно націй приходится владѣть каждому купцу и каждому образованному человѣку этой интернаціональной сферы культуры; ихъ именно культура—хозяйство, искусство, литература—задаетъ тонъ всей культурной общности. Такого положенія достигли на исходѣ древности въ бассейнѣ Средиземнаго моря греческій и латинскій языки. Въ мірѣ ислама такую роль играетъ арабскій языкъ; въ христіанской сферѣ культуры,—охватывающей также, разумѣется, евреевъ и атеистовъ,—міровыми языками стали нѣмецкій, англійскій и французскій. Каждый образованный, принадлежащій къ этой сферѣ культуры, безъ различія націи, будь то финнъ или португалецъ, норвежецъ или болгаринъ, долженъ знать по меньшей мѣрѣ одинъ изъ этихъ языковъ, если онъ желаетъ стать участникомъ современной культуры. И всякое научное, художественное или политическое завоеваніе въ средѣ одной изъ націй этой сферы только въ томъ случаѣ становится составной частью современной культуры, если его перевести на одинъ изъ трехъ міровыхъ языковъ, поскольку оно съ самаго начала не было добыто на одномъ изъ этихъ языковъ.

Возможно, что экономическое и политическое развитіе присоединитъ къ этимъ языкамъ еще русскій, въ качествѣ четвертаго мірового языка; но такъ же возможно, что одинъ изъ нихъ, англійскій, станетъ единственнымъ универсальнымъ языкомъ. Онъ не только шире всѣхъ другихъ распространенъ въ сферѣ

такъ называемой христіанской культуры, но и все болѣе становится также языкомъ образованныхъ въ буддистско-браманской и исламитской сферахъ культуры. Среди міровыхъ языковъ область господства англійскаго растетъ быстрѣе всего. Въ началѣ XIX столѣтія насчитывалось 20 съ лишнимъ милліоновъ англичанъ, 30 милліоновъ французовъ, столько же нѣмцевъ (все это по языку, а не по государственной принадлежности). Въ настоящее же время мы въ этомъ смыслѣ насчитываемъ 40 милліоновъ французовъ, свыше 70 милліоновъ нѣмцевъ и 125 милліоновъ англичанъ.

Въ формѣ образованія міровыхъ языковъ купцовъ и образованныхъ совершается сплоченіе націй въ интернаціональныя культурныя общности. И никогда это сплоченіе не было болѣе тѣснымъ, и никогда еще чисто-національная культура не была менѣе возможна, чѣмъ въ настоящее время.

Странное впечатлѣніе производитъ то, что Бауэръ все время говоритъ только о *національной* культурѣ, что онъ выставляетъ цѣлью соціализма то, чтобы масса народа овладѣла *національной* культурой. Но если присмотрѣться къ его иллюстраціямъ національной культуры, то національное выступаетъ передъ нами просто какъ „народное“, какъ то, что обще каждому демократическому и соціалистическому движенію безъ различія языка.

Такъ, Бауэръ указываетъ на *соціальную политику* рабочаго класса:

Повышеніе заработной платы и уменьшеніе рабочаго времени являются необходимыми предпосылками участія широкихъ народныхъ массъ въ національно-культурной общности. Поэтому, самымъ крупнымъ національнымъ дѣломъ XIX столѣтія является великая героическая борьба рабочаго класса за уменьшеніе рабочаго времени, великое движеніе 1-го мая.

Но, какъ бы велики ни были успѣхи этой борьбы, рабочій классъ знаетъ, что въ капиталистическомъ обществѣ онъ никогда не достигнетъ полнаго обладанія національной культурой. Только соціалистическое общество сдѣлаетъ національную культуру до-

стояніемъ всего народа, а тѣмъ самымъ превратитъ весь народъ въ націю. И поэтому-то эволюціонно-національная политика, въ какой бы области общественной жизни она ни примѣнялась, неизбѣжно является соціалистической политикой.

Чтобы показать несостоятельность этихъ дедукцій, достаточно на мѣсто общаго выраженія: „національная культура“ поставить обозначеніе какой-нибудь опредѣленной націи:

„Повышеніе заработной платы и уменьшеніе рабочаго времени являются необходимыми предпосылками участія широкихъ словенскихъ народныхъ массъ въ *словенской* культурной общности... Только соціалистическое общество сдѣлаетъ *словенскую* культуру достояніемъ всего словенскаго народа“.

И дѣло не измѣнится къ лучшему, хотя и не такъ будетъ бросаться въ глаза, если на мѣсто словенской націи поставить, скажемъ, нѣмецкую или французскую. Культура, къ которой стремятся словенскіе, русинскіе и румынскіе пролетаріи, это — та самая культура, за которую борются пролетаріи нѣмецкіе, французскіе и англійскіе, это—современная интернаціональная культура, и всякая національная культура—въ томъ числѣ и самыхъ развитыхъ культурныхъ націй—есть лишь частица интернаціональной культуры. Въ настоящее время одной національной культуры совершенно недостаточно для овладѣнія всей современной культурой. Для этого необходимо, напротивъ, овладѣть не только національной культурой, но и сверхъ того нѣсколькими языками или, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ міровыхъ языковъ.

Что наше *хозяйство* и *наука* интернаціональны, что никто не можетъ слѣдить за ихъ развитіемъ и составить себѣ ясное представленіе о нихъ, не зная по меньшей мѣрѣ одного мірового языка,—этого никто не станетъ отрицать. Но удовлетвориться одной только національной культурой нѣтъ никакой возможности даже и въ той области, которая по преимуществу но-

ситъ ярко выраженный національный характеръ, въ беллетристикѣ, гдѣ важнѣйшее значеніе имѣетъ сама языковая форма, гдѣ языкъ служитъ средствомъ не только для передачи мыслей, но и для достиженія художественныхъ воздѣйствій и гдѣ скорѣе всего еще можно говорить о національномъ своеобразіи. И тутъ необходимо знакомство съ міровой литературой, если хочешь въ полной мѣрѣ подвергнуться вліянію современной культуры. Въ виду важнаго значенія, какое здѣсь получаетъ языковая форма и въ виду своеобразія, присущаго каждому языку, какъ разъ въ этой области переводъ является лишь недостаточнымъ суррогатомъ, и притомъ такимъ суррогатомъ, который и вообще мало доступенъ маленькимъ націямъ съ узкимъ кругомъ читателей. Тутъ особенно необходимо знаніе міровыхъ языковъ, если не хочешь отстать отъ современной культуры. И можно найти не одного добраго нѣмца, который внесъ великій вкладъ въ современную культуру и на котораго, однако, національная нѣмецкая беллетристика послѣдняго полувѣка оказала гораздо меньшее вліяніе, чѣмъ какой-нибудь Зола или Мопассанъ, Ибсенъ и Киллонъ, Тургеневъ и Толстой. И если онъ вдохновляется Шиллеромъ и Гете, то не въ меньшей мѣрѣ, быть можетъ, и Шекспиромъ.

Когда соціалистическое общество сдѣлаетъ массы народа образованными, оно дастъ имъ также возможность овладѣть нѣсколькими языками, міровыми языками, и, такимъ образомъ, стать участниками всей интернаціональной культуры нашей культурной сферы, а не только участниками особой культуры одной единственной національно-языковой общности.

Но разъ мы дойдемъ до того, что масса населенія нашихъ культурныхъ государствъ будетъ знать, наряду съ нашими національными языками, еще одинъ или нѣсколько міровыхъ языковъ, то тѣмъ самымъ будетъ дана также почва для того, чтобы постепенно отошли на второй планъ и совершенно исчезли сна-

чала языки меньшихъ націй и чтобы, въ концѣ концовъ все культурное человѣчество сплотилось въ одинъ языкъ и въ одну націю, какъ въ свое время народы восточной части Средиземнаго бассейна послѣ эпохи Александра Македонскаго слились въ эллинистическую національность, а народы западной части позже—въ романскую.

Различіе языковъ внутри нашей сферы культуры затрудняетъ взаимное пониманіе ея членовъ, принадлежащихъ къ различнымъ націямъ, и становится препятствіемъ на пути ихъ дальнѣйшаго культурнаго развитія. Но преодолѣть это препятствіе сможетъ только соціализмъ, которому придется долгое еще время дѣйствовать, прежде чѣмъ ему удастся на такую высоту поднять всю толщу народныхъ массъ, чтобы стали возможны замѣтные успѣхи въ этомъ отношеніи.

Но уже въ настоящее время мы должны себѣ отдать отчетъ въ томъ, что нашъ интернаціонализмъ не представляетъ собою особаго вида націонализма, который отъ буржуазнаго отличается-де просто тѣмъ, что онъ не агрессивенъ, подобно ему, а оставляетъ каждой націи то самое право, на которое онъ притязаетъ для собственной націи, и признаетъ при этомъ за каждой націей полную суверенность. Такой взглядъ, переносящій точку зрѣнія анархизма съ индивидовъ на націи, не стоитъ въ соотвѣтствіи съ той тѣсной культурной общностью, которая существуетъ между всѣми націями современной культуры. Послѣднія образуютъ на дѣлѣ въ хозяйственномъ и культурномъ отношеніяхъ единый общественный организмъ, развитіе котораго основано на гармоническомъ сотрудничествѣ его частей, которое можетъ быть достигнуто только въ томъ случаѣ, если каждая изъ нихъ подчинена цѣлому. Соціалистическое международное общество должно будетъ явиться не конгломератомъ суверенныхъ націй, изъ которыхъ каждая можетъ дѣлать, что ей угодно, лишь бы это не задѣвало равноправія другихъ націй,

а организмомъ, который функціонируетъ тѣмъ болѣе совершенно, чѣмъ легче между отдѣльными его частями устанавливается взаимное пониманіе и чѣмъ съ большимъ единодушіемъ они дѣйствуютъ по одному общему плану.

Такого взгляда придерживается, правда, и Бауэръ. Но у него онъ совершенно отодвигается въ тѣнь, въ виду особаго подчеркиванія имъ національной культуры и суверенности націи. А между тѣмъ это вѣдь какъ разъ та сторона національнаго вопроса, которую слѣдовало выдвинуть на первый планъ какъ разъ въ соціалистической работѣ, посвященной всеобщей теоріи націи.

У Бауэра же выдвинута только та сторона демократическаго движенія, которая временно можетъ привести къ усиленію національнаго момента.

4. Національное государство.

Мы видѣли, что купцы и образованные становятся посредниками интернаціональной культурной общности. Но одновременно они становятся также піонерами національнаго сознанія, которое крѣпнетъ и пускаетъ корни въ народѣ въ той же мѣрѣ, въ какой развиваются международныя сношенія и интернаціональная общность культуры.

Средства личныхъ сношеній, личныхъ воспоминаній и передачи изъ устъ въ уста, какъ и счета въ умѣ, были достаточны лишь до тѣхъ поръ, пока каждое крестьянское хозяйство производило по примѣру отцовъ и въ общемъ и цѣломъ само изготовляло все, что нужно крестьянину. Но по мѣрѣ того, какъ производство становится товарнымъ, отдѣльный человѣкъ все меньше можетъ обойтись одними только этими средствами. Теперь приходится уже дѣлать болѣе сложные подсчеты, что возможно только на бумагѣ. Теперь приходится закрѣплять на бумагѣ права и обязательства,

надо умѣть писать и читать документы, писать и читать письма. Безъ писемъ, календаря, газетъ въ настоящее время не можетъ обойтись уже и крестьянинъ.

Если раньше сынъ изучалъ въ хозяйствѣ своего отца, дочь—въ домашнемъ хозяйствѣ матери все, необходимое для того, чтобы занять свое мѣсто въ жизни, то теперь для этого нужна уже *школа*. Если раньше школа была привилегіей имущихъ, то теперь извѣстный минимумъ школьнаго образованія для всего народа становится необходимымъ условіемъ преуспѣянія общества. Но это образованіе дѣйствительно сводится къ минимуму,—для изученія чужихъ языковъ у народа нѣтъ времени. Высшія школы — тѣ всегда служатъ, между прочимъ, также изученію культурныхъ языковъ, помимо родного; народная же школа съ самаго начала является чисто *національной*. Народъ можетъ и хочетъ только получить образованіе на родномъ языкѣ. Онъ требуетъ себѣ учителей изъ среды собственной націи, которыхъ онъ сразу понимаетъ.

Но съ развитіемъ производства и наукъ у народной массы возникаетъ потребность еще и въ другихъ работникахъ умственнаго труда, помимо учителей. Мелкому собственнику, крестьянину, лавочнику, ремесленнику нужны адвокаты, и всему населенію нужны врачи. И съ ними народъ можетъ объясняться тоже только въ томъ случаѣ, если они говорятъ на его родномъ языкѣ.

Наконецъ, вмѣстѣ съ грамотностью, для народной массы открывается также возможность принять хотя бы нѣкоторое участіе въ высшей культурѣ, поскольку она распространяется посредствомъ письма и печати.

Культура эта интернаціональна, но народная масса, знающая только *одинъ* языкъ, можетъ принять въ ней участіе лишь въ той мѣрѣ, въ какой языковая культура получаетъ *національную* оболочку. Необходимо, чтобы языковыя произведенія интернаціональной культуры были восприняты національными писателями и

ими переданы, для того, чтобы эти произведенія могли спуститься къ народу, стать ему знакомыми и быть имъ восприняты.

Такъ, вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ развитіемъ товарнаго производства, у народа возникаетъ потребность въ классѣ интеллигенціи, говорящей на его родномъ языкѣ, въ національной интеллигенціи, и эта потребность въ языковой культурѣ выливается въ потребность въ національной *по формѣ* культурѣ, хотя бы содержаніе ея было самымъ что ни на есть интернаціональнымъ.

И если, такимъ образомъ, у націи возникаетъ потребность въ національномъ классѣ интеллигенціи, то у этого класса, въ свою очередь, вырастаетъ потребность въ великой образованной націи. Величіе той націи, къ которой принадлежишь, не является чѣмъ-то безразличнымъ ни для одного изъ ея членовъ въ рамкахъ капиталистическаго способа производства, менѣе всего для современныхъ классовъ и также для наемнаго рабочаго. И у послѣдняго, при прочихъ равныхъ условіяхъ, создается тѣмъ лучшее положеніе, чѣмъ больше его нація. Ибо тѣмъ шире границы его свободы передвиженія. Правда, онъ можетъ эмигрировать и за эти границы и тамъ найти выгодную работу, но все же тамъ, гдѣ не говорятъ на его языкѣ, онъ находится въ большей зависимости отъ капиталиста, онъ съ большимъ трудомъ можетъ столковаться со своими товарищами. Точно также и капиталисту выгодно принадлежать къ большой націи—мы пока что не говоримъ еще о государствѣ. Люди, говорящіе на одномъ съ нимъ языкѣ, охотнѣе покупаютъ у него, чѣмъ у чужого. Хотя все же препятствіе, представляемое языкомъ, можно преодолѣть, и также пролетарій легко изучаетъ чужой языкъ настолько, насколько это ему необходимо, чтобы устроиться у другой націи. Не въ примѣръ болѣе, чѣмъ оба эти класса, заинтересованъ въ величіи своей націи интеллигентъ. Для него языкъ

есть нѣчто большее, чѣмъ простое лишь средство столковыванія въ общественныхъ сношеніяхъ; для него это—одно изъ важнѣйшихъ орудій, часто даже единственное орудіе и притомъ такое, которое онъ едва ли можетъ перемѣнить. Если капиталистъ и пролетарій могутъ безъ большого труда изучить чужой языкъ, насколько это имъ необходимо, чтобы какъ-нибудь объясняться на немъ, то интеллигенту въ большинствѣ случаевъ этого недостаточно. Поэтъ, какъ и ораторъ, будь то политикъ, юристъ или проповѣдникъ, долженъ владѣть своимъ языкомъ во всей его мощи и тонкости, во всемъ его богатствѣ и полнозвучности, а человѣкъ науки долженъ владѣть имъ во всей ясности и точности его различеній. Чѣмъ большимъ мастерствомъ въ области языка обладаетъ интеллигентъ, тѣмъ большаго успѣха—разумѣется, при прочихъ равныхъ условіяхъ—онъ можетъ добиться. Но за исключеніемъ немногихъ, ссобенно одаренныхъ личностей, вполнѣ овладѣть какимъ-нибудь языкомъ можетъ только тотъ, кто употреблялъ его съ самаго ранняго дѣтства. При современномъ воспитаніи, слѣдовательно, мастерски владѣть, какъ общее правило, можно только роднымъ языкомъ. Чтобы присвоить себѣ продукты интернаціональной культуры, интеллигентъ долженъ изучать чужіе языки; но поелику онъ самъ хочетъ внести свою лепту въ эту культуру, онъ въ состояніи это сдѣлать, по большей части, только на своемъ родномъ языкѣ. Его аудиторію, слѣдовательно, на первыхъ порахъ образуетъ только его собственная нація. Счастливъ тотъ интеллигентъ, который является членомъ великой націи и особенно такой націи, которой языкъ сталъ міровымъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ говоритъ къ цѣлому міру. Напротивъ, интеллигентъ, принадлежащій къ маленькой, и къ тому же къ бѣдной и отсталой, націи, насчитывающей въ своихъ рядахъ еще мало образованныхъ, можетъ, правда, путемъ изученія чужихъ языковъ, въ совершенствѣ овладѣть интернаціональной культурой,

о его собственный вкладъ въ эту культуру часто не будетъ находить вовсе публики, хотя бы то были необыкновенно геніальныя произведенія. Либо же онъ будетъ вынужденъ пользоваться чужимъ языкомъ, на которомъ его произведенія найдутъ себѣ только несовершенное выраженіе.

Никто, поэтому, не жаждетъ такъ страстно величія собственной націи, какъ интеллигентъ, особенно если онъ принадлежитъ къ маленькой націи.

Какъ разъ образованные, больше всѣхъ изучающіе чужіе языки и больше всѣхъ подверженные вліянію интернаціональной культуры, болѣе всего озабочены сохраненіемъ чистоты собственнаго языка, расширеніемъ круга его господства, сокращеніемъ чтенія иностранныхъ авторовъ. Короче говоря, самые интернаціональные элементы націи являются въ то же время и наиболѣе націоналистскими ея элементами.

Но національное чувство усиливается еще благодаря возникновенію современнаго государства, имѣющаго своимъ источникомъ то же, что и ростъ международныхъ сношеній,—именно капиталистическій способъ производства.

Въ средніе вѣка государство состояло изъ многочисленныхъ кантоновъ и областей, изъ объединеній по маркамъ, которыя сами собой управляли, въ хозяйственномъ отношеніи были самостоятельными и были связаны съ государственной властью лишь тоненькой ниточкой зависимости. Въ каждой изъ этихъ маленькихъ общинъ естественно господствовалъ одинъ только языкъ. Но не было вовсе необходимости въ томъ, чтобы всѣ эти общины, составлявшія одно государство, пользовались однимъ и тѣмъ же языкомъ. Государственная власть имѣла такъ мало общаго съ внутреннимъ управленіемъ отдѣльныхъ общинъ, что многоязычіе послѣднихъ не вызывало ощутительныхъ неудобствъ. Также и на войнѣ ополченіе каждой изъ этихъ маленькихъ общинъ выступало, какъ сплоченная единица, а не-

развитая въ то время еще военная тактика не вызывала во время сраженія необходимости въ искусныхъ маневрахъ, которые требовали бы того, чтобы отдѣльныя военныя единицы могли понимать другъ друга и общее командованіе. Войско могло выполнять свое заданіе безъ трудностей и въ томъ случаѣ, когда въ его рядахъ господствовало многоязычіе.

Дѣло измѣнилось, когда капитализмъ принесъ денежное хозяйство, когда отдѣльныя области и общины пришли въ болѣе тѣсныя хозяйственныя сношенія другъ съ другомъ и одновременно также самоуправленіе маленькихъ общинъ уступило мѣсто централизованному управленію посредствомъ оплачиваемой государствомъ бюрократіи, а феодальное войско вассаловъ—наемному войску. Это послѣднее, конечно, мирилось и теперь еще, на первыхъ порахъ, съ многоязычіемъ. Правда, войско стало теперь распадаться на различные роды оружія, а каждый изъ нихъ—на части, которыя должны были дѣйствовать планомѣрно и согласованно и изъ которыхъ каждой приходилось часто во время сраженія, по командѣ полководца, выполнять весьма искусные маневры. Но все же здѣсь двигались отдѣльныя сплоченныя части; армія была механизмомъ а не организмомъ, ея движенія были болѣе просты, шаблонны, повторялись въ одной и той же формѣ, которую можно было старательно заучить на плацу и затѣмъ выполнять безъ дальнѣйшихъ разсужденій при соотвѣтствующихъ словахъ команды. Языкъ командованія и языкъ высшаго офицерства долженъ былъ быть однороднымъ, въ остальномъ же каждый солдатъ могъ говорить на какомъ языкѣ ему угодно.

Большее значеніе получило одноязычіе для бюрократіи, на долю которой выпали важнѣйшія и многообразнѣйшія дѣла юстиціи и полиціи, какъ и хозяйства, таможеннаго и податного дѣла, путей сообщенія и т. д., что дѣлало необходимымъ долгія разбирательства и отчеты. И если не весь бюрократическій

аппаратъ былъ одноязычнымъ, это создавало безконечныя трудности и помѣхи при веденіи государственныхъ дѣлъ. Вотъ почему централизованный бюрократическій абсолютизмъ повсюду заботился о проведеніи одноязычія въ государственномъ управленіи.

Но бюрократамъ приходилось сноситься не только другъ съ другомъ, но и съ населеніемъ, въ движенія котораго полицейское государство вмѣшивалось на каждомъ шагу. А для этого представителю государства приходилось понимать также языкъ населенія. Одноязычіе народа получило отнынѣ столь же важное значеніе, какъ и одноязычіе бюрократіи.

Поэтому уже абсолютистское государство XVIII столѣтія стремится стать *національнымъ* государствомъ, въ границахъ котораго употреблялся бы *одинъ* языкъ. Оно ищетъ территоріальныхъ пріобрѣтеній охотнѣе всего въ тѣхъ областяхъ, гдѣ говорятъ на господствующемъ въ немъ самомъ языкѣ. Съ другой же стороны, оно стремится навязать государствующій языкъ тѣмъ своимъ подданнымъ, которые имъ не владѣютъ, прежде всего посредствомъ *школы*. Въ то время вѣдь полагали,—а многіе бюрократы и сейчасъ еще такъ думаютъ,—что школа въ состояніи сформировать человѣка совершенно такимъ, какимъ онъ требуется для ихъ властелиновъ. Во многихъ случаяхъ и удавалось достигнуть той національно однородной формы, къ которой стремились,—правда, не при помощи школы, а благодаря силѣ сношеній внутри государства.

Но тамъ, гдѣ сношенія не имѣли достаточной силы побудить членовъ чужихъ языковыхъ общностей къ употребленію господствующаго языка, тамъ стремленія бюрократіи навязать единый языкъ приводили къ прямо противоположнымъ результатамъ. Чужія націи чувствовали себя угнетенными и насильственно подавленными. Обученіе на господствующемъ языкѣ означало въ ихъ глазахъ только растрачиваніе силъ и времени ихъ дѣтей, которыя были не въ состояніи усваивать пред-

метъ преподаванія, означало отказъ въ дѣйствительно полезномъ обученіи, которое было имъ такъ необходимо. И когда въ присутственномъ мѣстѣ или на судѣ дѣла разбирались на господствующемъ языкѣ, члены другихъ націй точно такъ же были въ ущербѣ. Но сверхъ того еще въ рядахъ самой бюрократіи, уже по самой природѣ вещей, даже при полномъ равноправіи націй, преимущество получали члены той націи, языкъ которой былъ государственнымъ языкомъ, такъ какъ они свободно владѣли тѣмъ языкомъ, который ихъ коллегамъ изъ другихъ націй приходилось лишь съ трудомъ изучать. И въ ихъ распоряженіи были съ самаго начала тѣ образовательныя средства, которыя оставались закрытыми для членовъ другихъ націй, поскольку они не сумѣли усвоить себѣ господствующій языкъ государства. Такимъ образомъ, для дѣтей ремесленниковъ и крестьянъ тѣхъ націй, которыя не владѣли государственнымъ языкомъ, было въ высшей степени затруднено поднятіе въ ряды бюрократіи.

Такъ у такихъ націй внутри національно-смѣшанныхъ государствъ возникаетъ враждебное государству настроеніе, враждебное не всякому государству, а только тому, въ которомъ они живутъ, стремленіе отдѣлиться отъ него, чтобы организоваться въ качествѣ самостоятельной націи въ собственномъ государствѣ—быть можетъ, вмѣстѣ съ тѣми соплеменниками, которые раздѣляютъ подобную же судьбу въ сосѣднемъ государствѣ. Какъ у господствующей націи, такъ и у угнетенной, возникаетъ тяга къ національному государству.

Эта тяга еще усиливается ростомъ демократическаго движенія, которое съ необходимостью возникаетъ на извѣстной ступени капитализма, отчасти изъ стремленія класса капиталистовъ поставить къ себѣ на службу государственную власть, а съ другой стороны—изъ растущаго въ рядахъ трудящихся классовъ, ремесленниковъ, крестьянъ, наемныхъ рабочихъ, просвѣщенія,

изъ роста сношеній между ними, развитія почтоваго и газетнаго дѣла, что постепенно ведетъ къ преодолѣнію приходской ограниченности и пробуждаетъ интересъ къ государственной и даже міровой политикѣ.

Такъ возникаетъ демократическое движеніе, возникаетъ стремленіе, съ одной стороны, замѣстить бюрократію *самоуправленіемъ* болѣе мелкихъ административныхъ единицъ, а съ другой, поскольку такое замѣненіе невозможно полностью, поставить государственную бюрократію подъ контроль и власть *центральнаго парламента.*

Тамъ, гдѣ бюрократія и народъ принадлежатъ къ различнымъ націямъ, противоположность между ними принимаетъ теперь острый характеръ. А, съ другой стороны, стремленіе къ парламенту становится стремленіемъ къ *національному* парламенту, ибо только таковой можетъ удовлетворить потребностямъ націи и только въ таковомъ нація можетъ найти надлежащее выраженіе своимъ нуждамъ. Подобно тому, какъ бюрократія, чтобы имѣть возможность функціонировать безъ громоздкости и задержекъ, должна являться одноязычнымъ механизмомъ, такъ одноязычнымъ долженъ быть и парламентъ, который беретъ вѣдь и самое названіе свое отъ слова *говорить.* Можно, разумѣется, позволить каждому произносить свою рѣчь въ парламентѣ на какомъ языкѣ ему угодно, но какое дѣйствіе она сможетъ оказать, если масса слушателей ея не понимаетъ? Какъ возможны плодотворные дебаты или правильное веденіе собранія, если предсѣдатель не понимаетъ того, что говорятъ, если одни члены парламента не понимаютъ того, что говорятъ другіе, или не понимаютъ указаній предсѣдательствующаго?

Уже на многихъ нашихъ международныхъ конгрессахъ работа наталкивается на колоссальныя трудности, а тамъ, вѣдь, говорятъ всего на трехъ языкахъ, которыми многіе изъ присутствующихъ владѣютъ и которые каждый изъ предсѣдательствующихъ знаетъ, да и

дебаты продолжаются лишь съ недѣлю и касаются общихъ основныхъ положеній. Но представьте себѣ парламентъ, въ которомъ одинъ говоритъ по-венгерски, другой по-хорватски, третій по-румынски, четвертый по-нѣмецки. Ни одинъ не понимаетъ другого, а предсѣдатель владѣетъ только венгерскимъ. И такъ должны вестись занятія, скажемъ, двѣсти дней въ году, не только въ пленарныхъ засѣданіяхъ, но и въ комиссіяхъ, не только объ общихъ принципахъ, въ которыхъ каждый участвующій въ дебатахъ заранѣе достаточно оріентированъ, а объ отдѣльныхъ параграфахъ сложнаго законопроекта.

Не только съ точки зрѣнія населенія и демократическихъ принциповъ, но и самихъ правительствъ, въ эпоху парламентаризма и бюрократіи еще необходимѣе, нежели въ эпоху бюрократическаго абсолютизма, чтобы государство было національно-единымъ.

Въ современномъ государствѣ задачи и трудности, стоящія передъ правительствами, возрастаютъ; онѣ все въ бо́льшей мѣрѣ требуютъ единой бюрократіи; національныя же распри и стремленія грозятъ послѣдней все большимъ разложеніемъ. Ненавистная правительствамъ демократія получаетъ сильное подкрѣпленіе тамъ, гдѣ она совпадаетъ съ націонализмомъ угнетенныхъ націй. Наконецъ, и для арміи единство языка становится все болѣе необходимымъ. При современномъ способѣ веденія войны все бо́льшее значеніе получаетъ самодѣятельность мелкихъ частей, изъ которыхъ каждой приходится быстро приспособляться къ мѣняющейся обстановкѣ. Изъ механизма армія становится организмомъ, чудовищнымъ, но весьма чувствительнымъ организмомъ, функціонированіе котораго въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ того, чтобы офицеры могли не только выкрикнуть передъ своими частями нѣсколько словъ команды, а чтобы части и офицеры могли объясняться, могли дѣлиться своими наблюденіями. Но недостаточно того, чтобы офицеръ могъ объясняться

съ одной только своей частью. Въ современномъ боѣ полки легко перемѣшиваются, офицеры отдѣляются отъ своихъ частей и связываются съ другими. И какія трудности должны здѣсь возникнуть, если каждый полкъ будетъ говорить на другомъ языкѣ!

Мы не можемъ здѣсь писать цѣлаго тома и вынуждены поэтому ограничиться нѣсколькими бѣглыми указаніями на то важное значеніе, какое въ современномъ государствѣ пріобрѣтаетъ единство языка, чтобы стало ясно, какое колоссальное значеніе имѣетъ для государства то, чтобы оно состояло изъ одной единственной націи, и какое значеніе, съ другой стороны, для каждой націи имѣетъ то, чтобы она была организована въ собственномъ государствѣ.

Отто Бауэръ, къ сожалѣнію, не удѣлилъ достаточнаго вниманія этому значенію языка какъ для націи, такъ и для государства. Въ тягѣ къ собственному національному государству онъ видитъ лишь потребность въ огражденіи себя отъ всякаго чужеземнаго господства, а также потребность капитализма въ созданіи обширнаго внутренняго рынка; и, наконецъ, онъ усматриваетъ въ этомъ вліяніе революціоннаго раціонализма буржуазіи, которая хочетъ цѣлесообразно построить государство, считаетъ государство искусственнымъ, а націю естественнымъ образованіемъ и потому стремится приспособить государство къ націи.

Безъ сомнѣнія, всѣ эти мотивы тоже играли нѣкоторую роль, но ихъ недостаточно для объясненія могучей силы національнаго принципа въ современной политической жизни. Только тотъ, кто приметъ во вниманіе великое значеніе, какое языкъ пріобрѣтаетъ для государства, сможетъ въ полной мѣрѣ уразумѣть мощь національнаго принципа въ политикѣ нашего времени.

Но это не случайно, что Отто Бауэръ не дооцѣниваетъ силы стремленія къ созданію національнаго государства.

Его любовь принадлежитъ государству національностей. Его страстное стремленіе—сдѣлать государство національностей жизнеспособнымъ и уютнымъ, и этой цѣли служитъ его изслѣдованіе сущности и характера дѣятельности націи.

5. Государство національностей.

Національное государство является наиболѣе соотвѣтствующей современнымъ отношеніямъ формой государства,—формой, въ которой оно легче всего можетъ осуществлять свои задачи. Но не всякому государству дано достигнуть этой формы. Подобно тому, какъ въ современный способъ производства вкраплены еще многочисленные остатки производственныхъ формъ временъ феодализма и даже первобытнаго коммунизма, такъ при немъ продолжаютъ еще существовать пережитки того времени, когда государство могло безъ ущерба для своей силы и безъ особенныхъ внутреннихъ треній и противорѣчій состоять изъ самыхъ различныхъ въ національномъ отношеніи составныхъ частей. Даже національныя государства заключаютъ въ себѣ сплошь да рядомъ остатки стараго государства національностей. Но наряду съ этимъ существуютъ и государства, оставшіяся государствами національностей въ чистомъ видѣ.

Такими являются тѣ государства, внутреннее строеніе которыхъ осталось по какимъ-либо причинамъ отсталымъ или ненормальнымъ. По отношенію къ Турціи или Россіи это ясно, но это относится также къ двумъ экономически высоко-развитымъ государствамъ—Бельгіи и Швейцаріи. Оба они—нейтральныя государства, оба—обязаны своимъ существованіемъ—подобно Турціи—не въ малой степени тому обстоятельству, что ни одинъ сосѣдъ не желаетъ ихъ предоставить въ удѣлъ другому. Особенно относится это къ Бельгіи. Франція и Голландія устремляли въ семнадцатомъ и восемнад-

цатомъ вѣкѣ свои вожделѣнія на нее. Перейди это государство въ свое время, скажемъ въ семнадцатомъ столѣтіи, во французское владычество, оно приняло бы несомнѣнно чисто французскій характеръ. И, наоборотъ, если бы оно стало тогда на продолжительное время голландскимъ владѣніемъ, то фламандцы и голландцы образовали бы вмѣстѣ единую націю, и совсѣмъ поглотили бы, быть можетъ, валлоновъ. Но Франція не желала предоставить Бельгію никому другому, сама же она, благодаря противодѣйствію другихъ державъ, не имѣла возможности пріобрѣсти ее для себя, ибо соперники ея опасались, что это чрезмѣрно усилило бы мощь Франціи. Англія въ особенности должна была противодѣйствовать этому, ибо Антверпенъ, одна изъ самыхъ крупныхъ гаваней Европы, лежитъ какъ разъ противъ устья Темзы. Держава, пріобрѣтшая эту гавань и устье Шельды, стала бы опаснымъ сосѣдомъ для островнаго государства, которое ниоткуда не было болѣе открытымъ для нападенія, чѣмъ въ этомъ мѣстѣ. Такъ Бельгія должна была остаться маленькимъ, самостоятельнымъ государствицемъ, игрушечнымъ мячемъ для великихъ державъ; тенденціямъ къ превращенію его въ національное государство не дано было осуществиться. Франція и Голландія тянули каждая къ себѣ это государство и оно такъ и осталось наполовину французскимъ, наполовину нижне-германскимъ, а изъ 7 милліоновъ его жителей — 42 процента говорятъ только по-фламандски, а 38—только по-французски.

Швейцарія не была въ такой мѣрѣ объектомъ игры для сосѣдей. Кромѣ соперничества этихъ послѣднихъ, независимость ея обезпечивалась боеспособностью ея населенія, равно какъ и относительной скудностью и недоступностью ея территоріи. Но какъ разъ эта недоступность мѣшала также политическому развитію этой страны. Реннеръ хотѣлъ бы изъ Австріи сдѣлать „монархическую Швейцарію“—республику съ Францъ-Іосифомъ во главѣ. Но захотѣлъ ли бы онъ заодно за-

получить и суверенность кантоновъ, каждый изъ которыхъ имѣлъ до сихъ поръ свое собственное право? Какъ разъ то, съ чѣмъ Отто Бауэръ и Реннеръ, и съ полнымъ правомъ, такъ сильно борются, а именно—федерализмъ „исторически - политическихъ индивидуальностей“, т.-е., въ переводѣ съ австрійскаго, федерализмъ унаслѣдованныхъ отъ феодальныхъ временъ государственныхъ образованій ихъ отечества, королевствъ, герцогствъ и эрцгерцогствъ, маркграфствъ и княжескихъ графствъ,—все это мы находимъ въ чрезвычайно яркомъ видѣ въ Швейцаріи: это—союзъ почти суверенныхъ, сохранившихся со временъ феодализма карликовыхъ государствъ, а отнюдь не союзъ націй.

Швейцарія существуетъ какъ государство національностей безъ внутреннихъ національныхъ треній именно потому, что она не представляетъ собою современнаго цѣльнаго государства съ однороднымъ управленіемъ. Даже армія ея напоминаетъ, несмотря на происшедшія ограниченія правъ кантоновъ, все еще больше феодальное войско, составленное изъ контингентовъ отдѣльныхъ кантоновъ.

Но въ Бельгіи, какъ и въ Швейцаріи, національныя отношенія сложились гораздо благопріятнѣе, чѣмъ въ Австріи. Въ Бельгіи существуютъ лишь два языка, въ Швейцаріи, за исключеніемъ нѣсколькихъ очень незначительныхъ національныхъ осколковъ,—три. Но изъ двухъ бельгійскихъ языковъ одинъ является міровымъ языкомъ, который необходимо изучить всякому образованному человѣку. И существуетъ почти милліонъ бельгійцевъ, владѣющихъ обоими языками страны; въ большинствѣ это, пожалуй, фламандцы. Изъ трехъ швейцарскихъ языковъ два являются міровыми языками, а одинъ, итальянскій, первокласснымъ культурнымъ языкомъ. Всякій, изучившій эти языки, пріобрѣтаетъ богатый источникъ культуры. Знаніе двухъ или даже всѣхъ этихъ трехъ языковъ является не тяжелой обязанностью, а желаннымъ для

всякаго пріобрѣтеніемъ. Поэтому это языковое дѣленіе не ощущается тяжело ни въ союзномъ парламентѣ, ни на судѣ, ни даже въ школѣ. Лишь недавно Альбертъ Доза разсказывалъ въ „Courrier Européen“ о швейцарскихъ коммунахъ на границѣ нѣмецко-французскаго языка, въ которыхъ нѣкогда разговорнымъ языкомъ былъ французскій, а сейчасъ имъ является нѣмецкій; школьное же преподаваніе и проповѣди ведутся по прежнему обычаю все еще на французскомъ языкѣ. При широко распространенномъ двуязычіи это и не представляетъ никакихъ трудностей.

Иначе обстоитъ дѣло въ Россіи, но и тамъ отношенія сложились нѣсколько проще, чѣмъ въ Австріи. Россія— централизованное большое государство съ многочисленными націями, но главное ядро, преобладающую массу ея населенія составляютъ русскіе, другія же націи живутъ главнымъ образомъ на окраинахъ государства. Изъ населенія Европейской Россіи 84 милліона составляютъ русскіе, которымъ противостоятъ 8 милліоновъ поляковъ, 5 милліоновъ евреевъ, 3 милліона литовцевъ, приблизительно столько же финновъ, 2 милліона нѣмцевъ, по 1 милліону румынъ и армянъ и т. д. Россія можетъ поэтому спокойно предоставить этимъ національностямъ автономію. Эти народы могли бы даже, поскольку они населяютъ замкнутыя области, быть отдѣлены отъ метрополіи, безъ какого бы то ни было ущерба для существованія этой послѣдней.

Иначе обстоятъ дѣла въ Австріи. Она отличается отъ Швейцаріи и Бельгіи большимъ числомъ своихъ національностей, которыхъ въ ней насчитывается девять, а если наряду съ чехами считать и словаковъ, а наряду съ хорватами сербовъ, то — цѣлыхъ одиннадцать. И изъ языковъ всѣхъ этихъ народовъ лишь одинъ является міровымъ—нѣмецкій, лишь одинъ языкъ даетъ непосредственный ключъ къ интернаціональной культурѣ.

Отъ Россіи Австрія отличается тѣмъ, что ни одна изъ ея націй не обладаетъ какимъ-либо значительнымъ

численнымъ перевѣсомъ надъ другими, ни одна не живетъ въ центрѣ государства. Нѣмцевъ насчитывается 11 милліоновъ, венгровъ (мадьяръ) 9, чеховъ со словаками 8, поляковъ и русинъ по 4 милліона, почти столько же сербохорватовъ, румынъ 3, словенцевъ свыше 1 милліона, итальянцевъ почти 1 милліонъ. Послѣднія изъ названныхъ націй живутъ на периферіи, три же крупныя націи, нѣмцы, мадьяры и чехословаки, простираются каждая—до центра государства. Вблизи Вѣны, въ Пресбургѣ, они сталкиваются другъ съ другомъ. Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ національностей, за исключеніемъ развѣ европейской Турціи, ни одно не находится въ отношеніи своихъ національностей въ такомъ тяжеломъ положеніи, какъ Австрія. Она не представляетъ собою типа государства національностей; для послѣдняго вообще не существуетъ общаго типа, каждое такое государство является чѣмъ-то индивидуально-своеобразнымъ. Австрія являетъ собою проблему національностей въ ея наиболѣе сложной и трудной формѣ.

6. Будущность Австріи.

Отто Бауэръ не разсматриваетъ государства національностей въ плоскости общей проблемы. Это было бы и нелегко. Онъ изслѣдуетъ лишь отношенія въ Австріи, „этомъ самомъ развитомъ изъ всѣхъ большихъ европейскихъ государствъ національностей“. Это изслѣдованіе составляетъ главную часть его произведенія, не только по объему, но и по содержанію. Оно обнимаетъ наиболѣе блестящія и продуманныя части его труда. Кто хочетъ понять Австрію, тотъ долженъ наряду съ книгой Реннера изучить трудъ Бауэра.

Мнѣ пришлось бы написать объемистую книгу, если бы я захотѣлъ передать здѣсь всѣ тѣ мысли, на которыя меня наводятъ разсужденія Бауэра объ Австріи. Отъ этого я долженъ отказаться, ибо мой отзывъ и такъ уже непомѣрно растянулся, и по отношенію ко

многому, о чемъ мнѣ пришлось бы сказать, я долженъ былъ бы повторить въ другой связи лишь то, что я обосновалъ въ моихъ прежнихъ статьяхъ о національномъ вопросѣ Австріи.

Я оставлю поэтому безъ разсмотрѣнія описаніе Бауэромъ процесса становленія Австріи и судебъ ея національныхъ отношеній, хотя какъ разъ эти главы принадлежатъ къ лучшимъ въ его книгѣ. Я хочу подвергнуть анализу лишь то средство, которое онъ предлагаетъ для спасенія Габсбургской монархіи изъ ея, казалось бы, совершенно безнадежнаго положенія.

Можно что угодно думать о дальнѣйшихъ судьбахъ Австріи—а въ этомъ вопросѣ я во многомъ расхожусь съ Бауэромъ и Реннеромъ,—вѣрнымъ является лишь то, что при данномъ соотношеніи силъ въ этомъ государствѣ оно не стоитъ передъ распадомъ. Равнымъ образомъ вѣрно и то, что національныя отношенія въ немъ стали невыносимы и представляютъ помѣху для всякаго національнаго и политическаго прогресса.

При капиталистическомъ способѣ производства каждый общественный организмъ обладаетъ стремленіемъ къ безпрерывному увеличенію. Подобно всякому предпріятію, каждая отдѣльная нація стремится также къ своему расширенію. Въ національномъ государствѣ каждая нація можетъ расти лишь черезъ увеличеніе государства, а это въ Европѣ возможно лишь путемъ войны. Но одновременно буржуазія въ Европѣ стала заинтересована въ мирѣ, она боится революціи и знаетъ, что въ настоящее время за всякой войной слѣдуетъ по пятамъ революція. Это обстоятельство является одной изъ причинъ, почему современныя государства стараются всѣ, по мѣрѣ возможности, переходить къ колоніальной политикѣ, чтобы такимъ путемъ расширять свои границы. Это все же еще скорѣе возможно безъ европейской войны, чѣмъ расширеніе своей территоріи въ самой Европѣ. Однако, не всѣ государства располагаютъ возможностью вести успѣшную колоніальную

политику. Уже Германія оказалась, несмотря на свою большую военную и экономическую мощь, не въ состояніи пріобрѣсти какое-нибудь значительное колоніальное владѣніе. Италія потерпѣла въ своей колоніальной политикѣ жалкій крахъ. Равнымъ образомъ и Россіи приходится дорого расплачиваться за свою восточно-азіатскую захватную политику. Австрія же благодаря своему географическому положенію, расположена еще менѣе всѣхъ этихъ государствъ къ колоніальной политикѣ. Она на нее вполнѣ резонно не отважилась.

Но въ государствѣ національностей расширеніе государственной области является не единственнымъ средствомъ для увеличенія территоріи націи. Это можетъ также произойти черезъ оттѣсненіе другихъ націй въ предѣлахъ данныхъ государственныхъ границъ.

Національная борьба въ Австріи отвлекла ея правителей и руководящіе классы ея націй отъ колоніальной политики, и она именно является одной изъ причинъ, почему Австрія не втянулась въ эту политику. Съ другой же стороны отсутствіе всякой территоріальной политики экспанзій должно было чрезвычайно обострить взаимныя стремленія націй къ своему расширенію внутри самой страны.

Въ этихъ условіяхъ выросла австрійская соціалъ-демократія и стала политической силой, призванной вмѣшаться въ политическую жизнь партій и націй. Она хотя и не заинтересована жизненно въ существованіи государства, но — фактъ его существованія налицо и нѣтъ и признака того, чтобы оно собиралось исчезнуть до ближайшей европейской революціи. Но все же недостаточно того, чтобы соціалъ-демократія имѣла программу для этого момента, который можетъ раньше или позже наступить, но наступленіе котораго во всякомъ случаѣ не зависитъ отъ ея желанія. Ей нужна программа и для *настоящаго* времени, для цѣлей практической дѣятельности, какъ и для цѣлей пропаганды. Ибо *пропаганда дѣйствіемъ* всегда болѣе дѣйствительна,

чѣмъ *пропаганды словами*, если подъ пропагандой дѣйствіемъ понимать не безобразія, а плодотворную и обдуманную *дѣятельность*.

Такая программа возможныхъ уже сейчасъ реформъ совпадаетъ во многихъ пунктахъ съ реформаторскими программами буржуазныхъ политиковъ. Но въ своей дѣятельности сегодняшняго дня, какъ и во всей своей кропотливой будничной работѣ, соціалъ-демократія отличается отъ самыхъ радикальныхъ изъ этихъ политиковъ, какъ рѣшительной послѣдовательностью и энергіей при выставленіи и отстаиваніи своихъ требованій, такъ и той ясностью, съ которой она отдаетъ себѣ отчетъ въ недостаточности всѣхъ частичныхъ реформъ. Ибо реформы эти, сами по себѣ полезныя и необходимыя, встрѣчаютъ со стороны имущихъ классовъ неизмѣнно противодѣйствіе, для преодолѣнія котораго необходима опять новая борьба и новыя реформы. Никакая реформа не въ силахъ при существованіи частной собственности на средства труда измѣнить общій характеръ современнаго способа производства и обезпечить пролетаріату сносное существованіе.

Въ такомъ государствѣ, какъ Австрія, соціалъ-демократія должна была къ общей программѣ прибавить еще и спеціальную національную программу.

Кромѣ причинъ пропагандистскаго и дѣйственнаго характера, ее вынуждаютъ къ этому и соображенія организаціонныя. Раньше въ Австріи одинъ лишь нѣмецкій пролетаріатъ былъ достаточно развитъ для воспріятія соціалистической пропаганды, но за четыре десятилѣтія этой пропаганды одна нація въ государствѣ за другой втягивалась въ кругъ современной интернаціональной культуры. Каждая изъ этихъ націй создала такимъ образомъ пролетаріатъ, стремящійся къ этой культурѣ, но могущій принять въ ней участіе, поскольку она является культурой языковой, въ настоящее время лишь въ формѣ національной культуры: она дѣлается доступной для него лишь на языкѣ его націи. Такъ

соціалистическая пропаганда и организація, хотя и интернаціональныя по своему содержанію, должны становиться по формѣ національными. Національная программа нужна поэтому австрійской соціалъ-демократіи не только въ примѣненіи къ государству, но и для партіи и профессіональнаго союза. И здѣсь она должна создать формы, дѣлающія возможной согласованную дѣятельность различныхъ національностей внутри единой организаціи.

Когда Бауэръ и Реннеръ считаютъ основой этой программы автономію націй, то я заранѣе стою на одной почвѣ съ ними, ибо я вотъ уже почти десять лѣтъ тому назадъ указалъ въ „*Neue Zeit*“ на „федерализмъ націй“, какъ на единственное средство, способное постепенно устранить наиболѣе острыя національныя противорѣчія. (См. „Борьба національностей и государственное право въ Австріи“ и „Еще разъ къ борьбѣ національностей въ Австріи“. Ср. также „Богемское государственное право и соціалъ-демократія“ и „Кризисъ въ Австріи“).

Эта программа стоитъ въ противорѣчіи одинаково къ централизму, какъ и къ тому федерализму, который хотятъ создать на основѣ перешедшаго къ намъ отъ прошлаго раздѣленія на „королевства и земли“. Она не означаетъ никоимъ образомъ преодолѣнія идеи національнаго государства, а лишь приспособленіе этой идеи къ особымъ отношеніямъ Австріи, преобразованіе ея въ союзъ національныхъ организацій — своего рода національныхъ государствъ. Эта программа именно потому и отвергаетъ автономію королевствъ и земель, что многія изъ нихъ являются не національными государствами, а, въ свою очередь, государствами національностей, часто въ очень маленькомъ масштабѣ.

Такъ, напримѣръ, въ маленькой Силезіи съ неполными 600.000 жителей насчитывалось въ 1900 году 280.000 нѣмцевъ, 130.000 чеховъ и 180.000 поляковъ. Федерализмъ исторически унаслѣдованныхъ областей

обозначалъ бы не раздѣленіе Австріи на національныя государства, а перенесеніе всѣхъ плоскостей треній, которыя заключаетъ въ себѣ государство національностей, изъ цѣлаго въ его части, то есть умноженіе и дифференцированіе національныхъ треній.

Какъ же конституировать отдѣльную націю? Наиболѣе простымъ разрѣшеніемъ вопроса казалось отграниченіе области, въ которой живетъ данная нація, и предоставленіе ей внутри этой области самоуправленія въ національныхъ дѣлахъ.

Но противъ этого Реннеръ и Бауэръ выдвигаютъ то обстоятельство, что національности Австріи занимаютъ не совсѣмъ замкнутыя области, а живутъ во многихъ мѣстахъ въ перемежку, такъ что ихъ строгое территоріальное разграниченіе невозможно. Поэтому на мѣсто территоріальнаго принципа они предлагаютъ принципъ персональности. Націи должны конституироваться независимо отъ области, какъ особыя корпораціи, наподобіе религіозныхъ обществъ.

Правда, при проведеніи этого принципа обнаруживается, что безъ территоріи нація существовать не можетъ. Пусть многіе члены націи живутъ въ перемежку съ другими націями, ядро ея должно занимать всегда замкнутую территорію. Здѣсь бьется также пульсъ ея языковой культуры, и безъ постояннаго притока изъ этой территоріи и безъ постояннаго воздѣйствія ея языковой культуры живущіе разсѣянно члены націи потеряли бы въ короткое время свою языковую общность и національность.

Но языковая общность, связанная нѣкогда тѣснѣйшимъ образомъ съ общностью сношеній, осталась, какъ мы видѣли, позади роста этой послѣдней; она достигла весьма значительной отъ нея независимости, и территоріальное расчлененіе націй стало поэтому инымъ, нежели раздѣленіе областей экономическихъ сношеній. Эти послѣднія соединяютъ постоянно соприкасающіяся части данной географической области въ одно цѣлое.

Внутри же такой области могутъ уживаться члены многочисленныхъ націй, а, съ другой стороны, одна нація можетъ распространять свою область на многія области сношеній, на такія территоріи, которыя временами не граничатъ другъ съ другомъ, а образуютъ черезполосицу.

Строеніе государства соотвѣтственно потребностямъ хозяйственнаго общенія или технической культуры выражается поэтому въ другихъ формахъ, чѣмъ его строеніе на основаніи потребностей общенія языковаго или языковой культуры. Въ первомъ случаѣ это построеніе будетъ производиться по замкнутымъ, географически точно отмежеваннымъ границамъ. Во второмъ же случаѣ будутъ часто объединяться разбитыя на куски области, границы которыхъ находятся въ постоянномъ колебаніи, и здѣсь съ необходимостью долженъ будетъ примѣняться персональный принципъ; только въ этомъ случаѣ произойдетъ объединеніе всѣхъ членовъ націи въ одно цѣлое.

Реннеръ выработалъ въ высшей степени остроумный планъ организаціи Австріи по этому принципу въ своей книгѣ „Борьба австрійскихъ націй за государство“, и этотъ планъ принимается также и Бауэромъ. По этому плану, вся Австрія дѣлится на самоуправляющіеся округа. Каждый изъ этихъ округовъ обнимаетъ по возможности лишь жителей одной національности. Всѣ округа одной и той же національности образуютъ вмѣстѣ націю. Здѣсь мы имѣемъ конституированіе націи на основѣ территоріальнаго принципа. Такъ могъ бы, по мнѣнію Реннера, быть разрѣшенъ вопросъ для девяти десятыхъ округовъ. Осталась бы, такимъ образомъ, лишь одна десятая часть округовъ, въ которыхъ жили бы вмѣстѣ, въ значительной массѣ, двѣ или нѣсколько націй. Къ этимъ округамъ и примѣнялся бы принципъ персональности. Въ каждомъ такомъ округѣ члены одной національности образуютъ отдѣльную корпорацію, разрѣшающую свои національ-

ныя дѣла въ самомъ округѣ. Всѣ подобныя корпораціи одной и той же націи примыкаютъ къ большому организму всей націи, рѣшающей сама всѣ свои національныя дѣла. Но эти послѣднія обнимаютъ лишь вопросы языковой культуры.

Реннеръ поступаетъ вполнѣ правильно, когда онъ не передаетъ націямъ, конституированія которыхъ онъ требуетъ, всѣ государственныя функціи, а лишь функціи, служащія языковой культурѣ, въ особенности дѣло обученія. Для всѣхъ другихъ цѣлей онъ сохраняетъ дѣленіе государства на опредѣленныя, связанныя другъ съ другомъ административныя области, существующія въ каждомъ государствѣ.

Такъ производится двойная организація Австріи: по административнымъ областямъ и по націямъ.

Эта двойная организація представляетъ очень оригинальную и плодотворную идею, заслуживающую всяческаго вниманія и со стороны тѣхъ, кто несогласенъ съ отдѣльными ея частностями.

Но, къ сожалѣнію, я не могу раздѣлять тѣхъ оптимистическихъ ожиданій, которыя оба наши австрійскихъ товарища связываютъ со своими предложеніями. Бауэръ пишетъ:

> Эта предлагаемая Шпрингеромъ конституція прекращаетъ борьбу за власть между націями совершенно... Борьба классовъ *не тормозится отнынѣ никакими національными спорами.*

Такъ далеко я не заходилъ бы въ этомъ утвержденіи. Вѣрно то, что всякая другая конституція не способствовала бы въ такой мѣрѣ, какъ проектъ Реннера, устраненію національной борьбы и противодѣйствію борьбѣ націй за свое господство. Однако, и этотъ проектъ не въ состояніи устранить всѣ плоскости треній. Онъ не въ состояніи это сдѣлать даже въ той области, гдѣ автономія націи проявляется съ полной силой, а именно въ области обученія.

Эта автономія требуетъ, чтобы каждая нація содержала свое школьное дѣло на собственныя средства.

Въ Австріи живутъ очень бѣдныя и тутъ же рядомъ очень богатыя націи. Среди нѣмцевъ находится большинство капиталистовъ, забирающихъ себѣ прибавочную стоимость со всей Австріи, также ту ея часть, которая создана другими націями. Съ другой стороны, нѣмецкая Вѣна является центромъ государства; тамъ помѣщаются всѣ центральныя государственныя учрежденія съ ихъ доходами и ихъ аппаратомъ; туда же стекаются, наконецъ, на зиму крупные землевладѣльцы, проѣдающіе тутъ свою земельную ренту.

Но, наряду съ этимъ, существуютъ націи, состоящія изъ однихъ мелкихъ крестьянъ, ремесленниковъ и пролетаріевъ, производительность труда которыхъ, благодаря технической отсталости и часто также изъ-за неплодородности земли, очень низка. Эти націи должны отдавать весь излишекъ скудныхъ продуктовъ надъ малыми потребностями — государству и чужимъ эксплоататорамъ.

Такимъ образомъ, различія въ состоятельности и налоговой силѣ отдѣльныхъ коронныхъ земель очень велика.

По Раухбергу [1]) каждый русинъ платитъ лишь 3,5 кроны, каждый сербъ или хорватъ 3,6 кроны, каждый же нѣмецъ 22,4 кроны прямыхъ налоговъ (въ Нижней Австріи даже 42,6 кроны!).

Школьное дѣло у русинъ и далматинцевъ было бы, поэтому, обставлено гораздо бѣднѣе, чѣмъ школьное дѣло у нѣмцевъ. Что же удивительнаго, если бѣдныя націи смотрятъ на богатыя завистливымъ взоромъ и требуютъ отъ государства справедливаго уравненія. Но всякая попытка въ этомъ направленіи необходимо наталкивается на противодѣйствіе нѣмцевъ.

Еще труднѣе устранить національныя тренія въ тѣхъ областяхъ, къ которымъ національная автономія

---

[1]) Статистическія основы австрійской избирательной реформы. Брюннъ.

вообще непримѣнима. Какъ разрѣшить вопросъ о государственномъ языкѣ? Брюннская національная программа нашей австрійской партіи, принятая въ 1899 году, формулируетъ этотъ пунктъ весьма осторожнымъ образомъ:

„Мы не признаемъ никакихъ національныхъ привилегій и отвергаемъ поэтому требованіе государственнаго языка; въ какой мѣрѣ нуженъ какой-нибудь общій языкъ для сношеній, это разрѣшитъ государственный парламентъ“.

Ничего болѣе конкретнаго по этому вопросу Бауэръ и Реннеръ не говорятъ, а этотъ вопросъ — все равно о государственномъ ли языкѣ или языкѣ сношеній — чреватъ какъ разъ самыми большими конфликтами.

Вспомнимъ о томъ значеніи, какое единый языкъ имѣетъ сейчасъ для арміи. Съ чисто-военной точки зрѣнія многоязычность арміи является въ высшей степени осложняющимъ факторомъ. Если эта трудность неустранима, то тѣмъ минимумомъ, на которомъ будетъ настаивать высшее военное командованіе, является единство командnаго языка для всѣхъ частей арміи, равно какъ и „языкъ сношеній“ для офицеровъ. Но совершенно ясно, что всѣ націи, говорящія на другомъ языкѣ, чѣмъ этотъ языкъ командованія и сношеній, становятся какъ бы націями второго разряда.

Но, и какъ внутренне-служебный, необходимъ единый языкъ для бюрократіи. И безъ того уже достаточно волокитная бюрократическая процедура стала бы невыносимой, если бы въ сношеніяхъ между вѣдомствами господствовало многоязычіе и каждый актъ изготовлялся бы на различныхъ языкахъ. А область вѣдѣнія государственной бюрократіи растетъ безпрестанно. Достаточно указать на примѣръ огосударствленія желѣзныхъ дорогъ. Здѣсь мы также находимъ неизбѣжное умаленіе роли всѣхъ тѣхъ націй, чей языкъ не является внутреннимъ языкомъ вѣдомства и тѣмъ самымъ — постоянный источникъ для конфликтовъ.

А въ парламентѣ? И тамъ одерживаетъ верхъ, по уговору или самъ собою, общій языкъ сношеній, родной большинству членовъ парламента. Предсѣдатели и министры должны владѣть этимъ реальнымъ языкомъ сношеній — всѣ же, не понимающіе этого языка, осуждены и здѣсь на второстепенныя роли. Обдѣленныя націи стараются путемъ всяческихъ ухищреній и требованій возстановить опять для себя равенство, но, кромѣ возбужденія недовольства, ничего достигнуть не могутъ.

Наконецъ, однимъ націямъ можетъ быть центральнымъ правительствомъ оказано предпочтеніе при раздачѣ всякаго рода мѣстъ и титуловъ, при проведеніи желѣзныхъ дорогъ и каналовъ, другія же націи остаются обойденными.

Языкомъ, который самъ собою предназначенъ въ Австріи къ роли языка сношеній или языка государственнаго, и не можетъ быть замѣненъ никакимъ другимъ языкомъ, является *нѣмецкій*, не только какъ языкъ самой сильной и экономически наиболѣе развитой націи, но и какъ единственный міровой языкъ среди языковъ Австріи, какъ тотъ языкъ, который необходимо изучить всякому образованному человѣку въ странѣ, если онъ хочетъ получить доступъ къ современной культурѣ.

Но это значитъ, что тѣ элементы въ странѣ, которые владѣютъ нѣмецкимъ языкомъ, будутъ въ Австріи всегда пользоваться большимъ предпочтеніемъ, чѣмъ остальные. Исключительно для нихъ открыты высшія должности въ государствѣ, лишь они управляютъ государствомъ и вліяютъ на парламентскія рѣшенія.

Эта, вытекающая естественнымъ образомъ изъ самаго положенія вещей привилегированность, которую нельзя устранить никакой конституціей, будетъ всегда вызывать зависть и недовольство со стороны не-нѣмцевъ. Совершенно невозможно найти такую конституцію, которая бы совсѣмъ устранила въ Австріи борьбу націй за господство.

Но одно Реннеровская конституція дѣйствительно въ состояніи сдѣлать: она могла бы положить конецъ борьбѣ націй за школу, какъ и за господство въ самоуправленіи и округахъ, т.-е. самой мелочной и ожесточенной разновидности національной борьбы, захватывающей бо́льшую часть массы, мелкомѣщанскіе и крестьянскіе элементы. Это не значитъ, что этимъ была бы устранена въ Австріи борьба націй за господство въ государствѣ, но она простиралась бы, съ одной стороны, на большіе объекты, съ другой же стороны—на объекты, не очень интересующіе массы населенія. Появилась бы возможность возбуждать въ этихъ массахъ интересъ къ другимъ вопросамъ, чѣмъ только къ національнымъ, и тамъ, гдѣ національная борьба неизбѣжна, она могла бы потерять свою остроту, національная чувствительность уменьшилась бы и перестала бы затемнять сознаніе, и это вполнѣ цѣлесообразно и возможно.

Австрійское государство національностей не достигло бы этимъ еще работоспособности національнаго государства, но оно достигло бы во всякомъ случаѣ наивысшей ступени, какая возможна для такого государства.

Это не значитъ, что былъ бы уже и проложенъ путь для большой и плодотворной реформаторской работы. Какъ будто бы этой работѣ мѣшали одни національные споры! Мы видимъ, какъ безплоденъ сталъ всюду буржуазный парламентаризмъ, благодаря настоящему политическому и соціальному положенію различныхъ слоевъ буржуазіи. Мы не можемъ здѣсь этого обосновывать, такъ какъ это потребовало бы отдѣльной статьи. Но самъ фактъ неоспоримъ. Достаточно лишь указать на полную импотентность находящагося во Франціи и Англіи у руля правительства буржуазнаго радикализма. Гдѣ же тутъ ожидать бо́льшаго отъ какого-нибудь австрійскаго парламента? Національная борьба придаетъ здѣсь импотентности буржуазнаго парламентаризма лишь особый характеръ и усиливаетъ ее еще.

Но именно въ виду этой импотентности для насъ въ высшей степени сомнительно, осуществится ли автономія націй въ томъ видѣ, какъ ее предлагаютъ Бауэръ и Реннеръ, когда-нибудь до завоеванія пролетаріатомъ политической власти. Ибо только пролетаріатъ отстаиваетъ со всей силой и рѣшимостью это требованіе. Бауэръ самъ долженъ признать, какіе глубокіе корни національная вражда пустила въ другихъ классахъ, но онъ ожидаетъ, что національная борьба станетъ въ концѣ концовъ невыносимой для всѣхъ.

Не изъ мирнаго настроенія народовъ и классовъ, а изъ постоянно усиливающейся національной ненависти, изъ растущаго ожесточенія и силы національной борьбы, изъ полнаго паралича всѣхъ законодательныхъ учрежденій, родятся ведущія къ національному миру противоположныя тенденціи; изъ нихъ онѣ почерпнутъ растущую силу, болѣе опредѣленное содержаніе. Національная борьба родитъ національную автономію.

Бауэръ самъ ожидаетъ, такимъ образомъ, вначалѣ обостренія противорѣчій. Правда, эти послѣднія затѣмъ возбудятъ все бо́льшую тоску по національному миру. Но этимъ не сказано, что эта тоска приведетъ буржуазные классы къ тому же разрѣшенію вопроса, что и соціалъ-демократію. Эксплоатирующіе классы исчерпываютъ отвращеніе къ мѣстному самоуправленію, которое они еще гораздо больше ненавидятъ, чѣмъ всеобщее избирательное право въ центральный парламентъ. Въ этомъ послѣднемъ они разсчитываютъ на долгое еще время на перевѣсъ крестьянъ и мелкой буржуазіи надъ пролетаріатомъ. Но существуетъ уже сейчасъ много промышленныхъ областей, въ которыхъ преобладаетъ пролетаріатъ. Обостреніе національной борьбы въ ближайшее время очень вѣроятно, но совершенно невѣроятнымъ является обращеніе буржуазіи къ идеѣ демократическаго самоуправленія.

Наряду съ буржуазіей, значительнымъ факторомъ въ Австріи является бюрократія. На нее, и особенно на ея главу — монарха, разсчитываютъ Бауэръ и Реннеръ въ особенности. Безъ автономіи націй, говорятъ

они, государство погибаетъ, бюрократія же и монархія въ высшей степени заинтересованы въ сохраненіи государства, они должны поэтому являться поборниками автономіи для націй и дѣйствовать въ томъ же направленіи, что и соціалъ-демократія. Параллельное дѣйствіе этихъ факторовъ, приведшихъ только что къ счастливому исходу борьбу за избирательное право, должно продолжаться и дальше, и разрѣшеніе вопроса особенно ускорится развитіемъ отношеній въ Венгріи:

Внутреннія силы въ странѣ ведутъ къ цезаризму, которому суждено вопросъ *демократическаго равенства и національной свободы* сдѣлать орудіемъ могущества короны.

И раньше еще Бауэръ пишетъ:

Потребность государства жить — сильнѣе, чѣмъ жажда власти у бюрократіи. Какъ только бюрократія почувствуетъ себя не въ силахъ больше управлять раздираемой на части Австріей, она обратится сама къ народу съ призывомъ участвовать въ управленіи.

Это ожиданіе кажется мнѣ иллюзіей, и опасной иллюзіей. Оно противорѣчитъ всякому историческому опыту. Или мы должны предположить, что Габсбурги и ихъ бюрократія одарены какой-то особой интуиціей?

Не надо увлекаться вмѣшательствомъ короны въ Австріи въ пользу всеобщаго избирательнаго права. Независимо отъ вопроса, въ какой мѣрѣ русская революція повліяла на все это событіе—фактомъ остается, что октябрьскіе дни 1905 г. въ Россіи и внезапное воодушевленіе австрійскаго правительства въ пользу наканунѣ еще столь презираемаго всеобщаго и равнаго избирательнаго права въ полной мѣрѣ совпадаютъ во времени. Но и въ избирательной реформѣ правительство не отказалось ни на іоту отъ своей власти и своихъ правъ. Не на счетъ бюрократіи и короны было октроировано избирательное право,—а прежде всего на счетъ дворянства. Всеобщее равное избирательное право было всегда излюбленнымъ средствомъ „цезаризма“, выражаясь по Бауэру. Но соціалистамъ Франціи никогда бы не пришло въ голову питать за него особенную благо-

дарность къ Наполеону III, или нѣмецкимъ соціалистамъ къ Бисмарку, или дѣлать изъ этого тотъ выводъ, что отъ этихъ правителей слѣдуетъ ждать „демократическаго равенства“ и „національной свободы“. Цезаризмъ, правда, стремится къ извѣстному равенству, а именно къ равному *безсилію* всѣхъ классовъ предъ правительствомъ и орудіями его господства—бюрократіей и арміей. Именно для созданія этого безсилія, для уравновѣшенія нѣкоторыхъ высшихъ классовъ классами низшими всеобщее, равное избирательное кажется цезаризму въ опредѣленныхъ условіяхъ подходящимъ средствомъ; но лишь тогда, когда онъ можетъ опираться въ одинаковой степени и на бюрократію и на армію, когда онѣ неограниченно господствуютъ, и онъ такъ же неограниченно можетъ распоряжаться ими. Противъ всякаго ограниченія власти бюрократіи путемъ демократизаціи управленія боролась всегда самымъ рѣшительнымъ образомъ всякая бюрократическая монархія, безотносительно къ своему цезаристскому или всякому другому происхожденію. Скорѣе всего она можетъ примириться съ мѣстнымъ самоуправленіемъ—но лишь въ деревнѣ—въ чисто-аграрной странѣ. Тамъ центральная власть отъ этого не страдаетъ. Демократическій коммунизмъ деревни является, какъ извѣстно, основой восточнаго деспотизма. Напротивъ, въ странѣ съ многочисленнымъ городскимъ населеніемъ и особенно съ сильнымъ пролетаріатомъ, широкое мѣстное самоуправленіе,—особенно для большихъ областей, какъ обнимающихъ многія общины округовъ,—означаетъ такую угрозу абсолютному господству центральнаго правительства, что это послѣднее никогда добровольно не пойдемъ на него.

А Бауэръ и Реннеръ ожидаютъ, что такое правительство будетъ рука объ руку съ пролетаріатомъ стремиться къ такому самоуправленію.

Венгерскія отношенія также ничего тутъ не мѣняютъ. Въ Венгріи, правда, обстоятельства сложились такъ, что избирательная реформа въ духѣ всеобщаго и равнаго

избирательнаго права сдѣлалась необходимой въ интересахъ короны, еще болѣе настоятельно необходимой, чѣмъ по сю сторону Лейты. То, что Бауэръ и Реннеръ говорятъ объ этихъ отношеніяхъ и причинахъ ихъ,— превосходно. Хвалебный отзывъ Меринга по поводу освѣщенія этого вопроса Реннеромъ является вполнѣ заслуженнымъ. Бауэръ дополняетъ и исправляетъ Реннера въ одномъ важномъ пунктѣ.

Подобно западной Австріи, Венгрія становится также все болѣе ареной дикой національной борьбы. Всѣ эти сносившіе до сихъ поръ господство мадьярскаго дворянства народы, какъ словаки, румыны, юго-славяне, нѣмцы, пробуждаются, съ ростомъ экономическаго развитія, къ національному самосознанію и возстаютъ противъ своего безправія.

Въ этомъ они сходятся со стремленіями династіи, борющейся съ тѣмъ же мадьярскимъ дворянствомъ; это послѣднее всегда менѣе всего было сервильнымъ придворнымъ дворянствомъ, оно всегда выступало рѣшительно противъ монархіи, примѣрно такъ же, какъ его прусскіе коллеги. И подобно послѣднимъ, оно постоянно вопитъ о государственной помощи для себя, требуя различныхъ подачекъ. Въ этомъ оно ненасытно и идетъ все дальше, толкаемое къ этому растущимъ финансовымъ разореніемъ. Такъ оно дошло теперь до предѣла и бурно требуетъ перехода черезъ него, монархія же въ этомъ слѣдовать за нимъ не можетъ. Венгерское дворянство желало бы получить монополію на офицерскія мѣста въ венгерскихъ полкахъ, т.-е. венгерскій командный языкъ. Но въ интересахъ единства арміи корона должна держаться нѣмецкаго языка, какъ служебнаго языка въ арміи. Монархъ вѣдь чувствуетъ себя всегда прежде всего высшимъ военачальникомъ. Тутъ корень его господства, и кто покушается на него, тому онъ объявляетъ войну.

И венгерскій командный языкъ отнюдь еще не достаточенъ для мелкихъ дворянъ Венгріи. Мѣста, пре-

доставляемыя имъ бюрократіей и арміей, не удовлетворяютъ ихъ, какъ и ихъ въ равной мѣрѣ многочисленнаго и голоднаго потомства. Они желаютъ болѣе выгодныхъ мѣстъ, а для этого имъ нужна цвѣтущая индустрія: слѣдовательно она должна быть всѣми силами создана.

Поэтому они требуютъ такой таможенной политики, которая защищала бы ихъ противъ промышленности Австріи. Итакъ, наряду съ военнымъ, также хозяйственное отдѣленіе Венгріи отъ Австріи. Единственной связью для обѣихъ частей должна служить монархія. Какъ долго еще? Примѣръ Норвегіи показалъ, какъ легко разрывается связь на основѣ личной уніи, если каждая изъ частей имѣетъ противоположные интересы. Такъ все глубже становится пропасть между Габсбургами и венгерскимъ дворянствомъ.

Въ борьбѣ обоихъ этихъ факторовъ корона находитъ желаннаго союзника въ угнетенныхъ національностяхъ Венгріи. Усиленіе ихъ должно стать основнымъ ея стремленіемъ. Для этого всеобщее избирательное право является очень пригоднымъ средствомъ. И именно въ Венгріи, а не въ Австріи корона впервые открыла въ своемъ сердцѣ любовь къ избирательной реформѣ. И лишь бурному натиску и силѣ австрійскаго пролетаріата Австрія обязана тѣмъ, что избирательная реформа осуществилась въ ней раньше, чѣмъ въ Венгріи.

Борьба между короной и Венгріей только еще въ зачаткѣ. Каждая изъ частей сознаетъ опасность, грозящую ей со стороны другой, но также и силу своего противника, и ни одна не отваживается поэтому на рѣшительную атаку. Обѣ стороны стараются еще прійти къ соглашенію, но событія развиваются по своей внутренней логикѣ, черезъ головы участниковъ. Мы должны быть готовы въ Венгріи къ все бо́льшему обостренію національной борьбы, но также и къ обостренію противорѣчія между короной и дворянствомъ. Это чревато крупнѣйшими неожиданностями, могущими въ свою очередь

повліять на западную Австрію. Пролетаріатъ имѣетъ всѣ причины слѣдить за этими событіями съ напряженнѣйшимъ вниманіемъ и быть постоянно готовымъ использовать каждое положеніе въ своихъ интересахъ. Но и здѣсь вѣрно лишь одно: обостреніе противорѣчій и борьбы; напротивъ, весьма неправдоподобно пріятіе бюрократіей и короной системы національной автономіи и широкаго демократическаго самоуправленія. Наоборотъ: чѣмъ напряженнѣе будетъ борьба, тѣмъ больше будетъ бюрократія остерегаться выпустить вожжи изъ рукъ, предоставить борющимся возможность свободной борьбы, тѣмъ больше она будетъ цѣпляться за средства своего господства.

Программа автономіи націй не имѣетъ никакихъ шансовъ на то, чтобы привлечь къ себѣ какой-либо господствующій классъ въ Австріи. Отдѣльные идеологи могутъ еще, пожалуй, стать ея сторонниками. Бюрократія можетъ тоже замѣтить себѣ кое-что изъ предложеній Бауэра и Реннера, ту или другую частность можетъ даже провести въ жизнь,—но лишь такую, которая не нуждается въ *демократическомъ самоуправленіи*. Это послѣднее же можетъ найти серьезную и вооду-шевленную поддержку лишь въ одномъ классѣ: въ пролетаріатѣ.

Это отнюдь не означаетъ, что изслѣдованія Бауэра и Реннера о національномъ вопросѣ безполезны, а лишь то, что ихъ значеніе лежитъ отчасти въ другой области, чѣмъ предполагаютъ оба нашихъ товарища. Революціонизированію Австріи, которое бы превратило этотъ конгломератъ народовъ въ жизнеспособное государство, они наврядъ ли много поспособствуютъ: не потому, чтобы ихъ предложенія были нецѣлесообразны, а потому, что буржуазное общество и буржуазное государство стали неспособными дать что-либо большее, чѣмъ жалкія заплаты. Для стоящихъ у власти государственныхъ мужей Австріи предложенія Реннера и Бауэра явились бы развѣ лишь источникомъ для новыхъ заплатъ.

Напротивъ, для силы и сплоченности соціалъ-демократіи Австріи труды Бауэра и Реннера будутъ имѣть громаднѣйшее значеніе: при всѣхъ сомнѣніяхъ, которыя возбуждаютъ тѣ или иные ихъ частности, они даютъ значительное углубленіе и выясненіе тѣхъ взглядовъ, на которыхъ должна строиться національная политика въ государствѣ, странѣ, общинѣ, равно какъ и постановка внутренней организаціи и пропаганды нашихъ австрійскихъ товарищей.

Особенно плодотворное значеніе должно здѣсь имѣть предложеніе Бауэра—создать въ Австріи двойную организацію: одну—для цѣлей національной культуры по націямъ, причемъ долженъ быть проведенъ національный принципъ, и другую—для цѣлей технической культуры, на основѣ чисто-территоріальнаго принципа.

Независимо отъ практическаго значенія этого предложенія для государства, идея его имѣетъ значеніе и для организаціи партіи.

И эта послѣдняя преслѣдуетъ, подобно государству, двѣ задачи, одну—задачу языковой культуры: пропаганду, исчерпывающая и цѣлесообразная постановка которой требуетъ организаціи партіи по націямъ на основѣ персональнаго принципа. И наряду съ этимъ—необходимость развернуть свои силы, свою дѣятельность въ политической, профессіональной, кооперативной области, задача, требующая для своего осуществленія объединенія всѣхъ пролетарскихъ силъ, безъ различія національности, для опредѣленныхъ замкнутыхъ территорій.

И въ такой же мѣрѣ, въ какой важна и необходима автономія націй для задачъ письменной и устной, политической и профессіональной *пропаганды*, можетъ она стать опасной въ области *дѣйствія*.

Здѣсь кроется какъ будто противорѣчіе, но, какъ мы видѣли, противорѣчіе это проходитъ черезъ все развитіе современной культуры, которая, съ одной стороны, все больше расширяетъ область интернаціональной культуры

и международныхъ связей, а съ другой—выдвигаетъ для нѣкоторыхъ культурныхъ областей все сильнѣе на первый планъ національный моментъ. Преодолѣніе этихъ противорѣчій станетъ когда-нибудь повсюду задачей побѣдоноснаго пролетаріата. Преодолѣніе ихъ сегодня уже внутри пролетарскихъ организацій является задачей борющагося пролетаріата въ государствахъ національностей, особенно же рабочаго класса Австріи, наиболѣе развитого изъ всѣхъ большихъ государствъ національностей, государства, въ которомъ національный вопросъ принимаетъ наиболѣе сложную форму. Здѣсь необходимо прежде всего найти синтезъ для національной автономіи и централистическаго объединенія; синтезъ принциповъ, одинаково необходимыхъ для борьбы пролетаріата, принциповъ, являющихся каждый въ отдѣльности недостаточнымъ и способнымъ стать даже пагубнымъ.

Бауэръ дѣлаетъ и на эту тему много превосходныхъ и вѣрныхъ замѣчаній, но, къ сожалѣнію, онъ закрылъ себѣ путь для принципіальнаго вскрытія синтеза между націонализмомъ и интернаціонализмомъ, ибо націю онъ разсматриваетъ не какъ языковую, а какъ культурную общность, какъ общность всей культуры, въ которой онъ не разграничиваетъ національнаго и интернаціональнаго характера. Въ этомъ основная слабость его книги, этимъ онъ помѣшалъ себѣ уяснить очень важныя вещи, благодаря этому онъ впалъ въ непомѣрную переоцѣнку національнаго при полной недооцѣнкѣ интернаціональнаго момента.

Труды Реннера этимъ недостаткомъ не страдаютъ. Во-первыхъ, потому, что онъ разсматриваетъ лишь частныя, австрійскія отношенія, не задаваясь цѣлью исчерпать сущность націи вообще, а затѣмъ также и потому, что нація для него является въ гораздо большей мѣрѣ языковой, нежеливсеобщей культурной общностью.

Если Бауэру удастся преодолѣть этотъ недостатокъ, то тогда его работы о націи и національномъ вопросѣ

станутъ основой не только для австрійской практики партіи, но и для интернаціональной теоріи, и тѣмъ самымъ и для интернаціональной соціалистической практики. И то двойное расчлененіе государства и партіи по націямъ и территоріямъ, которое обосновываютъ и требуютъ Реннеръ и Бауэръ, должно получить также важное значеніе и для соціалистической организаціи управленія.

Съ завоеваніемъ политической власти пролетаріатомъ исчезнутъ, вмѣстѣ съ разными другими унаслѣдованными пережитками, также и государственныя границы. Интернаціональныя связи стали столь тѣсными, что европейскій или по крайней мѣрѣ среднеевропейскій таможенный союзъ становится въ настоящее время все болѣе настоятельнымъ требованіемъ даже буржуазныхъ политиковъ. Но капиталистическое развитіе съ его постояннымъ обостреніемъ экономическихъ противорѣчій ведетъ ко все большему усиленію раздѣляющихъ государства таможенныхъ границъ. Какъ и многое другое, что явилось бы для буржуазнаго міра выгоднымъ и даже настоятельно нужнымъ, но къ чему онъ неспособенъ или осуществленію чего мѣшаютъ ему разъединяющіе его интересы, такъ и Соединенные Штаты Европы станутъ возможными лишь черезъ побѣду пролетаріата. И не только станутъ возможными, но и навѣрно будутъ осуществлены.

Союзное государство національностей, какимъ Бауэръ и Реннеръ хотѣли бы видѣть Австрію, образуется тогда изъ государствъ Европы. Та самая проблема, которая сейчасъ имѣетъ такое значеніе для устройства Австріи, встанетъ тогда и передъ новой общественной организаціей: двойная организація по націямъ и хозяйственнымъ областямъ представитъ собою счастливое разрѣшеніе и этой новой проблемы. Въ этомъ отношеніи Австрія можетъ стать еще образцомъ: всѣ идеи, развиваемыя по этому вопросу соціалистическими мыслителями Австріи, весь опытъ, накопляемый въ этой области пролетар-

скими организаціями Австріи, и, наконецъ, весь тотъ успѣхъ, который достигается этими идеями и этими организаціями по національному вопросу въ различнѣйшихъ областяхъ австрійской политики,—все это сыграетъ свою плодотворную роль для преобразованія всей Европы, и даже всего круга европейской культуры.

Но Австрія станетъ тогда ненужной и для тѣхъ націй, которыя сейчасъ еще вѣрятъ въ необходимость ея существованія для себя. При организаціи Европы по націямъ и хозяйственнымъ областямъ—какое значеніе будетъ имѣть еще союзное государство въ союзномъ государствѣ? И когда всѣ націи теперешней Австріи объединятся со своими товарищами по языку, стоящими внѣ нынѣ существующей государственной границы, въ организаціи, автономныя по вопросамъ языковой культуры, то что останется еще для особаго государства національностей?

ОСВОБОЖДЕНІЕ НАЦІОНАЛЬНОСТЕЙ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изслѣдованія цѣлей войны побудили меня дать исчерпывающее изложеніе и теоретическое обоснованіе тѣхъ условій мира, къ которымъ, по моему мнѣнію, должна стремиться международная соціалъ-демократія.

Первую часть этого труда я сейчасъ предлагаю вниманію читателя. Мнѣ казалось неумѣстнымъ отложить ея опубликованіе впредь до окончанія всего труда. Никогда въ общественной жизни непредвидимое не играло бо́льшей роли, чѣмъ теперь. Окончанію или появленію слѣдующихъ частей могутъ противостать непреодолимыя нынѣ и непредвидимыя мною препятствія.

Предлагаемая вниманію читателя первая часть представляетъ собою совершенно замкнутое цѣлое. Она разбираетъ тѣ основоположныя соображенія, которыя, по нашему мнѣнію, являются рѣшающими въ національномъ вопросѣ.

Вторая часть труда ставитъ себѣ цѣлью примѣненіе основныхъ началъ къ опредѣленнымъ конкретнымъ случаямъ, стоящимъ нынѣ на первомъ планѣ,— Сербіи, Бельгіи, Эльзасу, Богеміи и т. д.

Наконецъ, въ третьей части я займусь тѣми требованіями, которыя вызываются борьбою противъ имперіализма и горячки вооруженій.

Я постараюсь по возможности скорѣе закончить эти обѣ части. Однако, ничто не осчастливило бы меня болѣе, чѣмъ согласительный миръ, основанный на принципѣ: „живи и жить давай другимъ“,—миръ, наступленіе котораго сдѣлало бы безпредметнымъ и излишнимъ появленіе продолженія настоящей работы.

К. Каутскій.

Берлинъ, начало іюня,
передъ отъѣздомъ въ Стокгольмъ.

1. Самоопредѣленіе національностей.

Соціалъ-демократія является международной и демократической партіей.

Казалось бы, что послѣ полувѣка ея работы въ этомъ направленіи никакихъ сомнѣній въ этомъ быть не можетъ. Тѣмъ не менѣе, это необходимо категорически установить, ибо въ теченіе этой войны въ средѣ самой соціалъ-демократіи раздавались голоса, объявлявшіе требованіе самоопредѣленія національностей пустой словесностью. Но что же такое борьба за демократію, какъ не борьба за самоопредѣленіе народа, и какъ вообще возможна международная демократія, если она рядомъ съ самоопредѣленіемъ народа, къ которому ты принадлежишь, не потребуетъ въ равной мѣрѣ самоопредѣленія для всѣхъ націй?

Со стороны радикаловъ возражаютъ, что самоопредѣленіе національностей недостижимо въ рамкахъ капиталистическаго способа производства, что оно имѣетъ смыслъ въ соціалистическомъ обществѣ. Въ дѣйствительности, однако, дѣло обстоитъ такъ, что въ соціалистическомъ обществѣ требованіе самоопредѣленія, уже осуществленнаго, явилось бы излишнимъ. Пролетарскій соціализмъ въ самомъ существѣ своемъ есть соціализмъ демократическій, демократія является той основой, на которой онъ долженъ быть построенъ. Требовать въ соціалистическомъ обществѣ, чтобы была создана та основа, на которой оно уже покоится,— было бы явной безсмыслицей.

Напротивъ, въ предѣлахъ капиталистическаго способа производства слѣдуетъ тѣмъ настойчивѣе добиваться демократіи, самоопредѣленія націй, чѣмъ менѣе въ немъ проведена подлинная демократія. Борьба пролетаріата за демократію равнозначуща борьбѣ его за государственную власть, за политическую мощь. Объявить безнадежной борьбу за самоопредѣленіе націй въ предѣлахъ капиталистическаго способа производства—значитъ объявить безнадежной борьбу пролетаріата за политическую власть, значитъ отказаться отъ овладѣнія государственной властью, какъ рычагомъ сверженія капитализма, значитъ въ борьбѣ за его преодолѣніе ограничиться экономическими, не-политическими средствами.

Этотъ ходъ мыслей до сихъ поръ отличалъ анархизмъ отъ соціалъ-демократіи. Тотъ, кто, исходя изъ радикализма, отвергаетъ требованіе самоопредѣленія націй, тѣмъ самымъ — безсознательно или противъ воли—переходитъ на почву анархизма. Съ такими радикалами нѣтъ надобности долго спорить,—наша прежняя партійная литература уже давно отвѣтила имъ, а новые мысли и доводы не выявились въ этой области.

Но, съ другой стороны, требованіе самоопредѣленія націй отвергаютъ имперіалисты среди соціалъ-демократовъ. Прежде всего потому, что, согласно марксистскаго пониманія, не существуетъ никакого естественнаго права, а, слѣдовательно, и права на самоопредѣленіе національностей. Это хотя и вѣрно, но относится не къ самому требованію самоопредѣленія, а лишь къ его естественно-правовому обоснованію. Съ точки зрѣнія марксизма требованіе это вытекаетъ изъ условій жизни и борьбы пролетаріата. Пролетаріатъ не можетъ ждать себѣ помощи ни отъ какого иного класса, онъ долженъ себя самъ освободить. Сила его въ его массахъ. Лишь тамъ онъ можетъ побѣдить, гдѣ онъ представляетъ народную массу, гдѣ народная масса ведетъ его классовую борьбу, гдѣ государственная конституція или

политическое положеніе превращаетъ народную массу въ рѣшающій факторъ государства. Поэтому всякій, желающій способствовать освобожденію пролетаріата, долженъ стремиться къ демократіи, къ праву народа на самоопредѣленіе. Правда, обладаніе демократическими правами еще не обозначаетъ освобожденія пролетаріата—это послѣднее требуетъ еще особыхъ соціальныхъ предпосылокъ. Но освобожденіе пролетаріата невозможно безъ обладанія или завоеванія политическихъ правъ. Чѣмъ больше эти права, чѣмъ шире право на самоопредѣленіе, тѣмъ легче и успѣшнѣе — при прочихъ равныхъ условіяхъ — классовая борьба пролетаріата.

До сихъ поръ это считалось неоспоримымъ въ соціалъ-демократіи. И имперіалистическіе соціалъ-демократы не оспариваютъ этого относительно ихъ собственной націи. Но они отвергаютъ общее примѣненіе этого начала по отношенію ко всѣмъ націямъ. Они утверждаютъ, что слѣдуетъ провести различіе между націями. „Великія культурныя націи“, по ихъ мнѣнію, имѣютъ право на „извѣстное принудительное присоединеніе или поглощеніе малыхъ народцевъ (Natiönchen)“ [1]).

Этому, однако, противостоитъ международный характеръ соціалъ-демократіи, который, точно такъ же, какъ и ея демократическій характеръ, покоится на условіяхъ жизни и борьбы пролетаріата. Пролетаріи различныхъ государствъ и національностей не имѣютъ отличныхъ другъ отъ друга интересовъ, а противоположныхъ интересовъ у нихъ подавно нѣтъ. Лишь въ тѣснѣйшемъ общеніи могутъ они вести свою освободительную борьбу. Для нихъ международность не прекрасная мечта, но насущная потребность.

Международность (или интернаціональность) обозначаетъ, однако, что я за другими націями долженъ признать тѣ же права, которыхъ я требую для соб-

[1]) *H. Cunow*, Parteizusammenbruch, Berlin 1915, стр. 36.

ственной. Равенство правъ, которое требуется для отдѣльныхъ индивидовъ внутри демократіи одного народа, должно быть признано и въ отношеніяхъ между отдѣльными націями внутри международнаго общенія въ качествѣ одного изъ послѣдствій интернаціонализма. Подраздѣленіе націй на болѣе управомоченныя, большія и менѣе управомоченныя, малыя, на народы бо́льшей или меньшей „способности къ культурѣ“, на націи господъ и націи слугъ,—все это составляетъ духовное оружіе современныхъ политиковъ колоніальныхъ и завоевательныхъ войнъ, присяжныхъ враговъ собственнаго и чужого пролетаріата, все это несовмѣстимо съ интернаціональнымъ мышленіемъ.

Правда, при этомъ Куновъ ссылается на нѣкоторыя статьи „Новой Рейнской Газеты“ 1849 года, которыя онъ приписываетъ Марксу. Я полагаю, что онѣ скорѣе принадлежатъ Энгельсу, но это для нашихъ цѣлей безразлично. Эти статьи были направлены противъ стремленій австрійскихъ славянъ (исключая поляковъ) къ національной независимости. Эти славяне, говорится въ этихъ статьяхъ, относятся-де къ „народамъ-отбросамъ“, „народамъ-обломкамъ“ („Völkerabfälle“), которые „вплоть до ихъ окончательнаго уничтоженія и денаціонализаціи остаются фанатическими носителями контръ-революціи“.

Въ одной изъ этихъ статей, направленныхъ противъ Бакунина, ссылавшагося въ защиту славянъ на „суверенную волю народовъ“ и проповѣдывавшаго „братаніе націй“, приводился примѣръ Соединенныхъ Штатовъ, какъ республики, ведшей противъ другой республики,—Мексики,—завоевательную войну. У тѣхъ и другихъ существовала демократія, въ той и другой республикѣ народы были суверенны, и все же дѣло дошло до завоевательной войны. Тѣмъ не менѣе, говорилось въ этой статьѣ, мы должны были бы съ радо с тью привѣтствовать эту войну, ибо „она велась исключительно лишь въ интересахъ цивилизаціи“. Далѣе

статья иронически продолжаетъ: „Наконецъ, въ самомъ дѣлѣ подумаешь, какое „преступленіе“ совершили нѣмцы и мадьяры, какую „проклятую политику“ повели они тѣмъ, что—въ ту пору, когда вообще крупныя монархіи являлись „историческою необходимостью“ въ Европѣ—сковали всѣ эти мелкіе, вырождающіеся, безсильные народцы (Natiönchen) въ одну мощную державу и тѣмъ дали имъ возможность принять участіе въ историческомъ развитіи, котораго они, будучи предоставлены самимъ себѣ, остались бы совершенно чуждыми“.

Если бы приведенныя предложенія дѣйствительно говорили то, что вычитываетъ изъ нихъ Куновъ, то они должны были бы заставить радостно биться сердце всякаго аннексіониста и политика завоеваній.

Обратимъ прежде всего вниманіе на время появленія этихъ статей: то былъ 1849 годъ. А, между тѣмъ, извѣстно, что углубленіе и созрѣваніе историческаго матеріализма и его практическаго примѣненія шли наиболѣе успѣшно именно въ теченіе десятилѣтія, слѣдовавшаго за крушеніемъ революціи 1848 года. По вопросу о войнѣ и по цѣлому ряду другихъ вопросовъ Марксъ и Энгельсъ въ эпоху Интернаціонала и „Капитала“ держались совершенно иного мнѣнія, чѣмъ въ эпоху Коммунистическаго манифеста. Но тамъ, гдѣ обнаруживается различіе между первичной и позднѣйшей точками зрѣнія, позднѣйшая имѣетъ для насъ бо́льшее значеніе, нежели первичная.

Осужденіе завоевательной войнѣ, высказанное Марксомъ въ его адресахъ Интернаціоналу по поводу франко-прусской войны, имѣетъ для насъ бо́льшее значеніе, чѣмъ его условное признаніе такой войны въ 1849 году.

Да и самыя предложенія, цитированныя Куновымъ, далеко не говорятъ того, что онъ вычитываетъ изъ нихъ. То, что Энгельсъ (или Марксъ) говоритъ о политикѣ нѣмцевъ и мадьяровъ „въ ту пору, когда вообще круп-

ныя монархіи стали историческою необходимостью", очевидно относится къ прошедшему времени, но не къ нашей политикѣ настоящаго времени, ибо иначе можно было бы съ равнымъ правомъ изобразить Маркса и Энгельса не только какъ защитниковъ національнаго угнетенія, но и какъ приверженцевъ династической политики, какъ защитниковъ насильственнаго расширенія монархій, которыя благодаря этому продолжали бы быть „исторической необходимостью".

Поскольку, однако, Марксъ и Энгельсъ въ 1849 г. дѣйствительно выступали въ защиту права завоеваній при извѣстныхъ условіяхъ, имъ не особенно повезло съ тѣми доказательствами, на которыя они ссылались.

Врядъ ли можно было говорить о явно выраженной народной волѣ въ Техасѣ. Эта страна, превосходящая по величинѣ Германію, насчитывала во время своего отпаденія отъ Мексики, въ 30-хъ годахъ девятнадцатаго столѣтія, всего-на-всего 40.000 жителей, между которыми наиболѣе энергичную часть составляли переселенцы изъ Соединенныхъ Штатовъ. Эти-то переселенцы и подняли знамя возстанія противъ Мексики и превратили Техасъ въ независимую республику, которая послѣ десятилѣтняго существованія, въ 1846 г., присоединилась къ Соединеннымъ Штатамъ. Мексика попыталась воспрепятствовать этому войною, въ которой она была бита. По всему видно, что это „завоеваніе" носитъ совершенно исключительный и сложный характеръ.

Но ни въ коемъ случаѣ это завоеваніе не произошло „единственно лишь въ интересахъ цивилизаціи". Переселенцы изъ Соединенныхъ Штатовъ въ большинствѣ своемъ были владѣльцами чернокожихъ рабовъ, плантаторами, стремившимися къ новымъ и дешевымъ землямъ, возмущенными противъ мексиканскаго господства именно потому, что въ Мексикѣ было отмѣнено право работорговли. Путемъ аннексіи Техаса рабовладѣльцы Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ добыли

новый рабовладѣльческій штатъ, ставшій въ гражданской войнѣ [1]) на сторону Юга.

Не менѣе удачной, чѣмъ ссылка на Америку, было обозначеніе австрійскихъ славянъ „народами-отбросами", якобы идущими навстрѣчу „полному уничтоженію и денаціонализаціи" и до этого необходимо являющимися „фанатическими носителями контръ-революціи". Конечно, въ 1849 г. это могло такъ казаться, но послѣдующее развитіе очевиднѣйшимъ образомъ показало, сколь невѣрно было такое пониманіе. Можетъ ли быть что-нибудь болѣе смѣхотворное, чѣмъ ссылка именно на это пониманіе? Если Куновъ еще сегодня осмѣливается привести въ качествѣ довода нежизнеспособность австрійскихъ славянъ, то это только говоритъ о полномъ отсутствіи иныхъ доказательствъ. Какую же степень политической безграмотности приписываетъ Куновъ своимъ читателямъ?

Даже и то невѣрно, будто славяне Австріи (за исключеніемъ поляковъ) всегда были контръ-революціонны, а нѣмцы, мадьяры и поляки всегда революціонны. Однимъ изъ основныхъ началъ австрійскаго искусства управленія всегда являлось умѣніе натравливать націи другъ противъ друга и тѣмъ поставить правительство въ независимое отъ нихъ положеніе. При этомъ то поощрялись однѣ, то другія національности. Неблагопріятствуемые всегда вели себя революціонно, благопріятствуемые—контръ-революціонно. Вътеченіе послѣдняго столѣтія каждая изъ крупныхъ націй Австріи колебалась, подчасъ весьма непосредственно, между государственной измѣной и византійскимъ угодничествомъ; вождямъ крупныхъ австрійскихъ націй столь же часто мерещилась висѣлица, какъ и министерскій постъ. Это относится не только къ мадьярамъ, полякамъ

[1]) Авторъ имѣетъ въ виду гражданскую войну между сѣверными и южными рабовладѣльческими штатами Сѣв.-Ам. Соед. Штатовъ, закончившуюся въ 1862 г. побѣдою сѣверныхъ штатовъ.
Прим. ред. пер.

и нѣмцамъ, но и къ чехамъ, русинамъ и хорватамъ. Уже въ 1848 г. чувствовались намеки на это. Первоначально чехи отнюдь не были контръ-революціонны. Первый австрійскій мятежъ, безпощадно подавленный Виндишгрецомъ, былъ чешскій мятежъ въ Прагѣ. И съ другой стороны вѣнцы, даже въ первые дни вновь завоеванной свободы, были столь мало единодушны въ своей революціонности, что они дали большое число воодушевленныхъ добровольцевъ въ армію Радецкаго, предназначенную для подавленія итальянской революціи.

Австрійская революція 1848 г. потерпѣла крушеніе столько же изъ-за стремленія нѣмцевъ къ господству надъ чехами и итальянцами, а венгерцевъ—надъ хорватами, сколько изъ-за объясняющагося этими стремленіями контръ-революціоннаго поведенія славянъ.

Если уже пожелать извлечь урокъ изъ революціи 1849 г., то она показываетъ, сколь опасно для всякаго современнаго революціоннаго движенія забвеніе интернаціональной точки зрѣнія самоопредѣленія націй.

Между тѣмъ, если бы даже Марксъ и Энгельсъ въ 1849 г. вполнѣ правильно оцѣнили историческую будущность австрійскихъ славянъ, то это ничего не говорило бы противъ того требованія самоопредѣленія націй, которое было предъявлено въ нынѣшнюю войну. Марксу и Энгельсу никогда не приходило въ голову провозглашать верховенство одной націи надъ другой, а войну — средствомъ осуществленія этого верховенства. То, что они провозглашали, было— верховенство *европейской революціи* надъ отдѣльными націями. Они отвергали стремленіе къ самоопредѣленію отдѣльной націи тамъ, гдѣ оно шло вразрѣзъ съ общей революціей или угрожало послѣдней. Этимъ они нисколько не противорѣчили интернаціональной точкѣ зрѣнія, а, наоборотъ, вывели изъ нея лишь необходимое слѣдствіе.

Именно потому, что народы, и прежде всего ихъ трудящіеся классы, въ своемъ благополучіи тѣснѣй-

шимъ образомъ связаны внутри современнаго способа производства, всѣ они въ равной мѣрѣ заинтересованы въ общественномъ прогрессѣ и удаленіи всѣхъ препятствій прогресса. Отъ крушенія революціи 1849 г. пострадали всѣ народы Австріи въ одинаковой мѣрѣ: тѣ, которые въ качествѣ контръ-революціонеровъ привели къ этому крушенію, не меньше тѣхъ, что дѣйствовали революціонно. Побѣда революціи пошла бы имъ всѣмъ на пользу. Свобода, конечно, не принесла бы національнаго мира, но разожгла бы національныя распри, подобно тому, какъ она посодѣйствовала борьбѣ классовъ, но при этомъ былъ бы достигнутъ духовный и хозяйственный подъемъ каждой изъ націй. Доказательствомъ этого служитъ относительно либеральная эра Австріи, послѣдовавшая за пораженіемъ 1866 г. [1]). Оно на первыхъ порахъ повело къ верховенству нѣмцевъ и мадьяръ, но оно же неизбѣжно способствовало подъему австрійскихъ славянъ.

Марксъ и Энгельсъ и впослѣдствіи требовали подчиненія потребностей отдѣльной націи потребностямъ всего современнаго общественнаго цѣлаго и при томъ не только въ отношеніи европейской революціи, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Ничто не можетъ повредить обществу больше, чѣмъ война, въ особенности война міровая... Поэтому Энгельсъ неоднократно противился проведенію самоопредѣленія націи или ея части путемъ разжиганія міровой войны. Такъ, напримѣръ, въ 1881 г. Энгельсъ въ письмѣ къ Бернштейну слѣдующимъ образомъ высказался по поводу возстанія въ Далмаціи (кривоши):

„Мы должны работать въ пользу освобожденія западно-европейскаго пролетаріата и этой цѣли мы должны подчинить все остальное. Какъ бы балканскія государства и т. п. ни были интересны, если только ихъ осво-

[1]) Это пораженіе Австрія потерпѣла въ войнѣ съ Пруссіей. *Прим. ред. пер.*

бодительныя стремленія столкнутся съ интересами пролетаріата, я ничего больше знать не хочу объ этихъ государствахъ. Эльзасцы также угнетаются.. Но если они наканунѣ явно приближающейся революціи вызываютъ войну между Франціей и Германіей, натравливаютъ одинъ народъ противъ другого и тѣмъ откладываютъ революцію, то я говорю имъ: „Стойте! Терпите такъ долго, пока терпитъ пролетаріатъ. Если онъ освободится, то и вы будете свободны, а до тѣхъ поръ мы не допустимъ того, чтобъ вы испортили все дѣло борющемуся пролетаріату".

Здѣсь право народовъ на самоопредѣленіе подчиняется потребностямъ общаго соціальнаго развитія, величайшимъ двигателемъ котораго является пролетарская классовая борьба. Но этимъ отнюдь не отвергается самое право самоопредѣленія, скорѣе наоборотъ, его полное проведеніе разсматривается лишь какъ необходимое слѣдствіе нашей побѣды. Отвергается лишь особый способъ осуществленія самоопредѣленія. Энгельсъ отвергаетъ міровую войну, какъ средство къ этой цѣли, а онъ вправѣ это сдѣлать, не отрекаясь отъ цѣли, ибо онъ знаетъ лучшее и болѣе дѣйственное средство: пролетарскую революцію.

Революція и война суть два способа проведенія самоопредѣленія народовъ. Пока буржуазія была революціонной и вѣрила въ революцію, стремилась къ ней, до тѣхъ поръ она лишь въ революціи, лишь въ борьбѣ народовъ противъ правительствъ видѣла средство проведенія самоопредѣленія народовъ, будь то въ видѣ борьбы за свободныя конституціи или же въ видѣ сверженія чужестраннаго господства. При этомъ демократическія партіи различныхъ странъ поддерживали другъ друга, образуя зачатки Интернаціонала. Въ противовѣсъ имъ международно соединялись и монархи. Въ періодъ съ 1815 г. по 1848 г. не было европейскихъ войнъ.

Послѣ 1848 г. европейская буржуазія сама стала сомнѣваться въ своей революціонной силѣ; она стала

бояться революціи, какъ пролетарской силы. Поскольку буржуазія еще стремилась къ самоопредѣленію народовъ, она все болѣе сводила его къ самоопредѣленію собственной націи, не взирая на прочія, она пыталась достигнуть своей цѣли не путемъ борьбы съ правительствами, но путемъ сдѣлокъ съ отдѣльными правительствами, которыхъ она противоставляла другимъ. Ея стряпчими отнынѣ стали Наполеонъ III, Викторъ-Эммануилъ и Бисмаркъ. Тѣмъ самымъ средствомъ проведенія права на самоопредѣленіе стали вмѣсто народныхъ революцій династическія войны. Если періодъ съ 1815 г. по 1848 г. былъ эпохой всеобщаго европейскаго мира между правительствами и все повторявшихся революціонныхъ возстаній, то послѣдовавшее за нимъ тридцатилѣтіе стало эпохой европейскихъ войнъ, во время которыхъ революціонныя возстанія играли развѣ только роль побочнаго явленія.

Новый способъ оказался въ высшей степени неусовершенствованнымъ. Онъ оставилъ неосвобожденную Италію [1]), нерѣшеннымъ остался польскій вопросъ, австрійскіе нѣмцы оказались выброшенными изъ Германіи, не взирая на самоопредѣленіе націй. Германская Имперія обогатилась областями, присоединеніе которыхъ не удовлетворяло, но оскорбляло національныя чувства; поводы для международныхъ конфликтовъ этимъ не устранялись, но создавались заново. Наконецъ, способъ этотъ воспрепятствовалъ созданію на Балканахъ крупнаго государства, равно независимаго отъ Россіи и Австріи.

Партіи крѣпнущаго пролетаріата не могли воспріять этого способа проведенія самоопредѣленія націй. Онѣ отринули войны буржуазныхъ правительствъ, какъ величайшее препятствіе общественнаго развитія, имъ

[1]) Имѣются въ виду нѣкоторыя южныя области Австріи, населенныя итальянцами, не отошедшія къ Италіи, какъ, напримѣръ, итальянскій Тироль, Тріестъ и Трентино. Эти области образуютъ такъ называемую „итальянскую ирреденту". *Прим. ред. пер.*

и въ голову не приходило надѣлять какое бы то ни было изъ существующихъ правительствъ миссіей освобожденія народовъ. Мы ни одному изъ этихъ правительствъ не предлагали зажечь съ этой цѣлью пожаръ войны. Было бы, однако, крайне нелогично теперь, когда война уже разгорѣлась, поступить иначе и предлагать одному изъ воюющихъ правительствъ вести войну дальше впредь до освобожденія какой-либо еще не освобожденной націи. Допустивъ даже, что это освобожденіе безукоризненно удастся, это значило бы предпочесть частичный интересъ этой націи общему интересу всей Европы, настоятельно нуждающейся въ мирѣ. Но помимо того у насъ нѣтъ ни малѣйшей гарантіи въ томъ, что какое-либо побѣдоносное буржуазное правительство станетъ уважать право самоопредѣленія націй и не воспользуется своей властью побѣдителя для нарушенія свободы угнетенной націи и для завоеванія новыхъ противящихся этому областей, сопряженнаго съ новыми нарушеніями самоопредѣленія націй и возбужденіемъ новыхъ національныхъ противорѣчій.

Если мы обязаны рѣшительно противостать всякому разжиганію и продолженію войны буржуазныхъ правительствъ за мнимыя цѣли освобожденія національностей, то это еще, однако, отнюдь не значитъ, что тамъ, гдѣ намъ не удается воспрепятствовать начатію войны или ея продолженію, мы должны остаться равнодушными къ тому или иному исходу ея. Мы при нынѣшнихъ условіяхъ отвергаемъ войну, какъ средство измѣненія границъ, но тамъ, гдѣ она, вопреки намъ, приводитъ къ такимъ измѣненіямъ, мы должны отличать пріемлемыя для насъ измѣненія отъ тѣхъ, противъ которыхъ мы должны бороться. И здѣсь-то находитъ свое практическое примѣненіе принципъ самоопредѣленія націй. Мы, международные соціалисты, должны отклонить всякое измѣненіе границъ, отвергаемое населеніемъ соотвѣтственной области. Въ качествѣ представителей рабочаго класса мы можемъ признать

областью даннаго народа лишь ту область, которая имъ *обрабатывается*. Это отнюдь не должно совпадать съ областью, которой онъ *владѣетъ* или надъ которой онъ *господствуетъ*. Международная соціалъ-демократія не вступается за сохраненіе исконныхъ отношеній владѣнія или господства. Поэтому не соотвѣтствуютъ ея духу составленныя Давидомъ [1]) положенія о цѣляхъ войны, принятыя 15 августа 1915 г. фракціей и партійнымъ правленіемъ германской соціалъ-демократіи и гласящія въ первомъ раздѣлѣ:

„Обезпеченіе политической независимости и неприкосновенности Германской Имперіи требуетъ отпора всяческимъ завоевательнымъ цѣлямъ, направленнымъ противъ *территоріальныхъ предѣловъ ея властвованія*".

Международная соціалъ-демократія исходитъ не изъ потребностей имперій, но изъ потребностей народовъ, и она для каждаго изъ нихъ требуетъ независимости и неприкосновенности населяемой и обрабатываемой имъ территоріи, но не „предѣловъ его властвованія". Мы являемся партіей *рабочихъ*, но не *властителей*.

Не менѣе противорѣчитъ духу международной соціалъ-демократіи текстъ третьяго раздѣла указанныхъ положеній:

„Въ интересахъ безопасности *Германіи* и свободы ея хозяйственной дѣятельности на юго-востокѣ мы отвергаемъ всякія военныя цѣли союзниковъ, направленныя къ ослабленію и уничтоженію Австро-Венгріи и Турціи".

Здѣсь опять-таки нѣтъ и рѣчи о самоопредѣленіи и потребностяхъ народовъ Австріи и Турціи. Здѣсь обращается вниманіе не на то, чего требуютъ и въ чемъ нуждаются эти народы, а только на ту пользу, которую можетъ изъ нихъ извлечь Германія. Въ резолюціи Давида они принимаются во вниманіе лишь въ качествѣ орудій Германіи. Это мысли, насквозь про-

---

[1]) Давидъ — одинъ изъ вождей праваго крыла германской соціалъ-демократіи.

никнутыя недемократичностью и націоналистичностью. Если интернаціонально мыслящему всякій народъ представляется одинаково цѣннымъ, то націоналистъ заботится только о собственномъ народѣ. У другихъ онъ спрашиваетъ лишь о томъ, насколько они могутъ быть полезны или вредны собственному народу.

Если бы Германія въ тотъ моментъ случайно была бы связана съ Россіей, какъ это до того долгое время продолжалось, то, согласно принципамъ Давида, германская соціалъ-демократія „въ интересахъ безопасности Германіи и свободы ея хозяйственной дѣятельности на востокѣ“ должна была бы отвергнуть „всякія военныя цѣли, направленныя къ ослабленію и уничтоженію Россіи“.

Но такъ какъ Россія принадлежитъ къ враждебной сторонѣ, то Давидъ потребовалъ въ своемъ пятомъ положеніи (которое, правда, потомъ не было принято):

Образованія изъ *завоеванныхъ* русско-польскихъ областей самостоятельнаго государства, союзнаго съ Германіей и Австро-Венгріей.

„Неприкосновенность территоріальныхъ предѣловъ властвованія“ является, такимъ образомъ, для Давида не международнымъ требованіемъ, предъявляемымъ въ отношеніи всѣхъ государствъ, а лишь въ интересахъ Германіи и ея союзниковъ. То, что онъ отклоняетъ для Эльзасъ-Лотарингіи, онъ требуетъ для Польши. Но отнюдь, однако, не во имя самоопредѣленія польскаго народа. „Самостоятельною“ должна стать только часть, отвоеванная отъ Россіи, но тотчасъ же однимъ же духомъ эта самостоятельность упраздняется, ибо „самостоятельному“ польскому государству предписывается союзъ съ Германіей и Австро-Венгріей, т.-е. напередъ устанавливается его внѣшняя политика.

Все это нѣмецки-національно, но не интернаціонально и также не демократично, стало быть, и не соціалъ-демократично.

2. Первобытная демократія.

Соціалъ-демократія, какъ международная и соціалъ-демократическая партія, должна неизмѣнно вступаться за право народовъ на самоопредѣленіе. Но подобно тому, какъ сама соціалъ-демократія есть продуктъ особыхъ историческихъ условій и не можетъ появиться тамъ, гдѣ этихъ условій нѣтъ,—а именно условій капиталистическаго производства, — такъ и самоопредѣленіе народовъ въ свою очередь связано съ опредѣленными историческими условіями. Оно означаетъ нѣчто совершенно различное у различныхъ народовъ и въ различныя времена у одного и того же народа.

Поэтому съ полнымъ основаніемъ можно возставать противъ подведенія всѣхъ народовъ подъ одну гребенку при примѣненіи права на самоопредѣленіе. Но нельзя выдвигать этого довода противъ насъ, ибо мы именно постоянно боролись здѣсь съ шаблонами.

Съ 1893 г., когда появилась въ первомъ изданіи моя работа о „Парламентаризмѣ и соціалъ-демократіи“, я все вновь подчеркивалъ отличіе между современной и первобытной демократіей. Оно имѣетъ основное значеніе для пониманія тѣхъ формъ, которыя можетъ принимать самоопредѣленіе народовъ при опредѣленныхъ историческихъ условіяхъ, слѣдовательно оно крайне важно и для уразумѣнія мирной программы соціалъ-демократіи. Поэтому, раньше, чѣмъ пойти дальше, постараемся еще разъ вкратцѣ обрисовать это отличіе. Читатель, желающій ближе познакомиться съ этимъ предметомъ, можетъ помимо названной работы обратиться къ моей статьѣ о „Національности и международности.

Человѣкъ отъ природы является не только соціальнымъ, но и демократическимъ существомъ, или, правильнѣе выражаясь, стремленіе къ демократической дѣйственности является одной изъ сторонъ его соціаль-

ной сущности, унаслѣдованной имъ отъ животныхъ предковъ.

Существованіе и благополучіе всякаго индивида зависитъ отъ существованія и благополучія общества, въ которомъ онъ живетъ. Всякій индивидъ поэтому въ высшей степени заинтересованъ въ общественныхъ дѣлахъ, они его занимаютъ, онъ стремится воздѣйствовать на нихъ. При этомъ первоначально всѣ индивиды—по крайней мѣрѣ одинаковаго пола и возраста—почти равны другъ другу. Существуютъ, конечно, естественныя различія между индивидами, одни сильнѣе и умнѣе другихъ, и поэтому пользуются бо́льшимъ вліяніемъ въ обществѣ. Но въ первобытныхъ условіяхъ эти различія не выходятъ за очень узкіе предѣлы. Всѣ живутъ при одинаковыхъ условіяхъ, средства производства и оружіе легко добываются или изготовляются каждымъ, никто не можетъ достигнуть такого знанія, которое на долгое время осталось бы скрытымъ для другихъ, никто не можетъ сдѣлать прочихъ своими слугами и увеличить свои силы за счетъ другихъ. Какъ бы высокъ ни былъ почетъ, оказываемый отдѣльному индивиду за его личныя заслуги передъ обществомъ, онъ все же остается постоянно зависимымъ отъ всего общенія, оно гораздо сильнѣе его, никто не можетъ овладѣть обществомъ, всякій долженъ ему служить, оно остается высшей инстанціей. Сила этого общества сказывается на его собраніяхъ, на которыхъ участвуютъ по крайней мѣрѣ всѣ взрослые мужчины.

Эта первобытная демократія сохраняется на бо́льшую часть минувшей исторіи человѣчества, вплоть до перехода къ осѣдлости, развитія земледѣлія и возникновенія городовъ. Сельскіе міры и городскія общины первоначально были организованы демократически.

Эта демократія покоилась на устномъ дѣлопроизводствѣ. Всѣ общественныя дѣла разбирались исключительно устно, выборы происходили путемъ выкриковъ, законъ и право наряду съ исторіей передавались

изъ поколѣнія въ поколѣніе устно, всѣ важныя для общества извѣстія сообщались дальше также устно.

Эта исключительная устность покоилась на простотѣ существенно не мѣнявшагося процесса производства, предполагавшаго малыя знанія, передававшіяся путемъ примѣра и устнаго обученія отъ отца къ сыну, отъ матери къ дочери съ незапамятныхъ временъ. Устность эта покоилась далѣе на ограниченности экономическихъ отношеній, существовавшихъ лишь въ узкомъ кругу, такъ что они могли быть легко обсуждаемы во всей ихъ совокупности. Для экономики того времени народная масса не нуждалась въ чтеніи и письмѣ. Эти знанія оставались чуждыми ей и для цѣлей политики. Этимъ и ограничивались первобытно-демократическія общенія. Они могли раздвигать свои границы лишь такъ далеко, чтобы каждому члену оставалась возможность посѣщать суверенное народное собраніе, говорить на немъ, понимать обсуждающіяся на немъ дѣла и принимать участіе въ рѣшеніяхъ и выборахъ путемъ устнаго голосованія.

Всякое распространеніе общенія за эти предѣлы шло за счетъ демократіи. Соединеніе первобытныхъ демократій и общинъ въ болѣе крупное общеніе въ *государство* шло путемъ созданія господствующей надъ этими демократіями власти. Это соединеніе могло произойти лишь тогда, когда стала возможна подобная власть. Государство съ самаго начала его возникновенія является организаціей господства, оно противостоитъ демократіи. Это относится и къ такъ называемымъ демократическимъ государствамъ древности. И они являлись организаціями подчиненія и эксплоатаціи народной массы классомъ, захватившимъ государственную власть. Демократичнымъ въ этихъ государствахъ было лишь то, что они являлись демократически организованными общинами, выступавшими въ качествѣ властительницъ надъ другими общинами (или надъ несвободными и безправными рабочими внутри собственной общины).

Впрочемъ, демократическія государства этого рода нигдѣ надолго не удержались. Ни знанія народныхъ массъ, ни организаціонныя формы, на которыхъ покоилась первобытная демократія, не были достаточны для тѣхъ задачъ, которыя неизбѣжно вытекали изъ властвующаго характера государства. Къ этимъ задачамъ относились также задачи внѣшней политики и войны.

Общины первобытной демократіи, какъ мы уже видѣли, ограничивались предѣлами, созданными ихъ внутренними условіями. Разъ осѣвши, такая община уже не чувствовала потребности расширить свою территорію. Отъ времени до времени естественное размноженіе населенія приводило къ переполненію этихъ границъ. Но результатомъ этого являлось не стремленіе къ расширенію даннаго общенія, но выдѣленіе избыточнаго населенія для образованія собственнаго новаго общенія. Потребная для этого территорія получалась либо путемъ непосредственной борьбы съ природой, напр., путемъ очистки и обработки лѣсныхъ пространствъ, либо путемъ отнятія у слабѣйшаго народа. Такимъ образомъ отъ времени до времени возникали войны, проистекавшія изъ естественныхъ причинъ роста населенія.

Иначе дѣло обстоитъ въ государствахъ, образовавшихся путемъ соединенія первобытныхъ общеній. Они не находятъ предѣловъ внутри самихъ себя. Новая организація власти можетъ быть расширена до безконечности, она обнаруживаетъ стремленіе къ постоянному расширенію, ибо вмѣстѣ съ величиной государства растетъ богатство и мощь господствующихъ въ немъ классовъ; мало того, стремленіе къ расширенію становится въ каждомъ государствѣ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше государство, ибо тѣмъ сильнѣе его власть по отношенію къ другимъ государствамъ. Слѣдствіемъ этого является постоянное стремленіе къ войнамъ у сильныхъ государствъ и постоянная же необходимость обороны для слабыхъ государствъ, непрерывная угроза войны и частыя войны. Эти послѣднія уже не про-

истекаютъ болѣе изъ естественной необходимости вслѣдствіе усиленнаго роста населенія, но изъ безмѣрнаго стремленія господствующихъ классовъ къ богатству и власти. Съ возникновеніемъ государства отмираетъ демократія и возникаетъ вѣчная опасность войны. Эта послѣдняя отнюдь не есть особый признакъ капитализма или имперіализма, эти оба явленія вносятъ лишь новые моменты въ указанное исконное стремленіе всякой государственной власти.

Но промышленный капитализмъ обнаруживаетъ такіе элементы, которые приканчиваютъ съ указаннымъ развитіемъ; онъ рождаетъ своихъ собственныхъ могильщиковъ: промышленный пролетаріатъ и условія современной демократіи.

3. Современная демократія.

Промышленный капитализмъ кладетъ конецъ производству тѣхъ отдѣльныхъ, служившихъ лишь для собственнаго потребленія домашнихъ производствъ и хозяйствъ, которыя до возникновенія капитализма являлись преобладающей формой производства въ обществѣ. Товарное производство становится всеобщей формой производства; торговля и обмѣнъ, ограничивавшіеся до тѣхъ поръ преимущественно предметами роскоши, все болѣе охватываютъ и предметы массоваго потребленія. Растутъ въ неимовѣрной степени средства массоваго и дальняго обмѣна товаровъ и людей. Все менѣе достаточными становятся способы устнаго взаимопониманія между людьми. Одновременно съ этимъ естественныя науки овладѣваютъ техникой и подвергаютъ ее непрерывному процессу переворотовъ. Все менѣе удовлетворительной становится устно передаваемая традиція производства, все болѣе важнымъ становится научное умѣніе хотя бы немногихъ предковъ, не только для завѣдывающихъ производствомъ, но и для многочисленныхъ рабочихъ.

При существованіи капиталистическаго способа производства увеличеніе площади и интенсивности обмѣна, а также переворотъ въ техникѣ, совершаемый естественными науками, превращаютъ чтеніе и письмо во все большую необходимость для народныхъ массъ. Это знаніе перестаетъ быть привилегіей благопріятствуемыхъ общественныхъ верховъ.

Вмѣстѣ съ этимъ возникаютъ условія для общедоступной печати и литературы, возникаетъ матеріальная основа для класса интеллигенціи, независимаго отъ господствующихъ классовъ и служащаго народнымъ массамъ. Литературный языкъ, поднявшійся надъ народными говорами и діалектами, покоющимися на изустной передачѣ, отнынѣ самъ превращается въ народный языкъ и этимъ приводитъ къ образованію новаго народнаго сознанія, идущаго такъ же далеко, какъ и литературный языкъ. Изъ общности литературнаго языка возникаетъ современная національность.

Все это приводитъ къ тому, что народнымъ массамъ становится все легче слѣдить за государственной политикой и разобраться въ томъ, что ихъ положеніе зависитъ не только отъ условій окружающей ихъ среды, но отъ состоянія и политики всего государственнаго цѣлаго. А, между тѣмъ, зависимость положенія отдѣльныхъ классовъ отъ государственной политики растетъ по мѣрѣ развитія капиталистическаго способа производства, ибо вмѣстѣ съ этимъ растутъ экономическія задачи и силы государственной политики.

Этотъ ростъ не только порождаетъ увеличивающуюся заинтересованность всѣхъ классовъ въ государственной политикѣ, но и дѣлаетъ эту заинтересованность все болѣе необходимой въ глазахъ самой государственной власти. Ибо задачи этой власти настолько вырастаютъ, механизмъ ея настолько усложняется, что онъ все чаще можетъ останавливаться, если на него не будутъ воздѣйствовать двигающая сила и свободная критика и контроль дѣйственнаго общества. Уже при самомъ воз-

никновеніи капиталистическаго государства стало необходимымъ замѣнить дилетантское государственное управленіе, осуществлявшееся крупнымъ землевладѣніемъ феодальнаго государства, системою вышколенныхъ профессіональныхъ чиновниковъ съ широкимъ раздѣленіемъ труда. Но чѣмъ больше растетъ и усиливается чиновная бюрократія, тѣмъ болѣе она превращается изъ прислужницы общества въ его госпожу, тѣмъ выше она возноситъ свои собственные профессіональные интересы надъ интересами общества, тѣмъ непоротливѣе и формалистичнѣе становится она и тѣмъ больше становится ея подкупность и узкосердечіе. Подчинить бюрократію обществу; противопоставить *должностной тайнѣ* критику свободной *печати*; *должностной* организаціи — организаціи свободно образующихся политическихъ *партій*; централизованной вершинѣ государственной бюрократіи, *правительству*— *парламентъ*, т.-е. централизованную корпорацію, существующую волей народной и дѣйствующую народною властью,—все это стало потребностью не только народныхъ массъ, но и самого государства, мощь котораго падала тамъ, гдѣ народу не удалось добиться этихъ политическихъ учрежденій. Такъ возникаетъ современная демократія, распространяющаяся не на отдѣльное племя, или общину—подобно первобытной демократіи, а на цѣлое государство, превращая тѣмъ самымъ государство въ современное.

Это движеніе является необходимымъ слѣдствіемъ развитія капиталистическаго способа производства и столь же неудержимо, какъ это послѣднее. Оно начинается въ крупныхъ городахъ, особенно въ тѣхъ, которые одновременно съ тѣмъ являются столицами, т.-е. мѣстопребываніемъ правительствъ, но затѣмъ мало-помалу охватываетъ и меньшіе города и деревню.

Но чѣмъ мощнѣе становится современное демократическое движеніе, тѣмъ больше нарастаютъ на ея пути противоположныя стремленія, лежащія внѣ тѣхъ реак-

ціонныхъ классовъ, преодолѣнію которыхъ оно обязано своимъ существованіемъ. Если современная демократія является плодомъ капиталистическаго способа производства, и если оно въ начаткахъ своихъ поощряется даже промышленными капиталистами, то оно таитъ въ себѣ смертную угрозу этому самому способу производства. Ибо ростъ демократіи означаетъ ростъ политической мощи народной массы, и успѣхъ капиталистическаго способа производства означаетъ все растущее превращеніе народныхъ массъ въ пролетаріатъ. Конечной неизбѣжной цѣлью этого процесса служитъ завоеваніе политической власти пролетаріатомъ. Этому со всей силой противодѣйствуютъ господствующіе классы.

Три великихъ средства, показательныхъ для правильнаго функціонированія современной демократіи, суть — печать, партійная организація и парламентъ.

Мощь печати растетъ неимовѣрно, но тѣмъ самымъ она все болѣе становится орудіемъ классоваго господства капиталистовъ. Отдѣльныя газеты превращаются въ гигантскія капиталистическія организаціи и важнѣйшіе способы распространенія извѣстій, крупныя телеграфныя агентства превращаются въ монополіи правительствъ. Эти послѣднія и мошны капиталистовъ начинаютъ все сильнѣе господствовать надъ тѣми источниками, изъ которыхъ народная масса черпаетъ свое политическое освѣдомленіе.

Политическая партія, въ случаѣ, если ея ростъ приводитъ къ вліянію на государственную политику, нуждается въ рядѣ политиковъ и должностныхъ лицъ, окончательно посвящающихъ ей свои профессіональныя знанія. Въ уменьшенномъ, но не улучшенномъ изданіи и здѣсь выявляются тѣ неустройства и противодѣйствія демократіи, т.-е. практическому овладѣнію политики народной массою, съ которыми мы уже ознакомились при изученіи государственнаго чиновничества.

Наиболѣе ядовитые ростки пускаетъ профессіональная политика въ парламентахъ, гдѣ она часто приво-

дить къ парламентскому кретинизму, т.-е. къ ограниченію всего политическаго мышленія происшествіями въ парламентѣ, который разсматривается какъ особый мірокъ, создающій законы для внѣшняго міра, но не получающій отъ этого послѣдняго никакого закона.

Наконецъ, при парламентскихъ выборахъ сказывается наряду съ вліяніемъ капиталистической печати и непосредственное экономическое засиліе класса капиталистовъ, и это засиліе въ общемъ не уменьшается, а, наоборотъ, увеличивается вмѣстѣ съ распространеніемъ и усиленіемъ предпринимательскихъ организацій. Профессіональные союзы необходимы для того, чтобы обезпечить рабочимъ тотъ максимумъ экономической власти, какой они въ состояніи развить при данныхъ условіяхъ, но эти союзы не въ состояніи сломить экономическое преобладаніе класса капиталистовъ. Отдѣльный капиталистъ во столько же разъ сильнѣе отдѣльно взятаго рабочаго, во сколько разъ организованный капиталистъ сильнѣе организованнаго рабочаго. Только въ тѣ времена и въ такихъ странахъ, гдѣ организація рабочихъ развилась раньше или скорѣе, чѣмъ организація капиталистовъ, только тамъ центръ тяжести временно передвигается въ сторону рабочихъ.

Всѣ эти противоположныя тенденціи способствуютъ тому, что въ современномъ капиталистическомъ государствѣ демократія никогда не можетъ достигнуть своего совершенства, что только вмѣстѣ съ побѣдой пролетаріата она можетъ стать политической формой соціалистическаго государства.

Но это еще не означаетъ, что эти противоположныя тенденціи достаточно сильны для того, чтобы задержать успѣхъ демократіи и пролетаріата, проистекающій изъ хода экономическаго развитія. Онѣ могутъ лишь временно помѣшать ему, покуда слѣдствія этой помѣхи не скажутся столь сильно, что они станутъ ощутительны для самыхъ широкихъ слоевъ и необученныхъ и плохо освѣдомленныхъ головъ. Конечное

преодолѣніе помѣхи скажется въ прорывѣ плотины, въ катастрофѣ, будь то сверженіе правительства, партійный расколъ или что-либо тому подобное.

По существу своему демократія должна создать условія для самаго мирнаго политическаго развитія. Если современная демократія этого еще не сдѣлала, если она не предохраняетъ отъ временныхъ политическихъ катастрофъ, то это объясняется тѣмъ, что она является одновременно продуктомъ и смертельнымъ врагомъ экономически господствующей власти, промышленнаго капитализма.

4. Созданіе современнаго національнаго государства путемъ приспособленія національностей къ государству.

Языкъ является неустранимымъ средствомъ совмѣстной работы и взаимопомощи, а, слѣдовательно, всякихъ общественныхъ отношеній и связей. Общность языка является мощнымъ связующимъ звеномъ людей, различіе языковъ—трудно преодолимая преграда между ними.

Для того, чтобы въ какомъ-либо обществѣ политика была демократической, т.-е. для того, чтобы она велась народной массой, необходимо, чтобы языкомъ политики: политической агитаціи и освѣдомленія, политическихъ обсужденій и рѣшеній, управленія и правосудія былъ языкомъ народа,—языкомъ, которымъ владѣетъ каждый членъ народа. Въ обществахъ первобытной демократіи это само собой подразумѣвалось. Въ государствахъ, выросшихъ изъ этихъ обществъ, вмѣстѣ съ демократіей исчезло и единство языка. Мы уже видѣли, что стремленіе государствъ къ расширенію становилось безпредѣльнымъ, останавливающимся только передъ силой. Народные элементы различнѣйшихъ языковъ могли оказаться объединенными въ одномъ государствѣ. На первыхъ порахъ этимъ народамъ предоставлялось мѣстное самоуправленіе. Для государственныхъ надоб-

ностей, состоявшихъ, главнымъ образомъ, во взиманіи податей, въ привлеченіи людей на военную службу, дорожное строительство и т. п.,—было довольно и того, чтобы нѣсколько представителей государства въ отдѣльныхъ округахъ понимали употреблявшійся тамъ языкъ.

Въ виду замкнутой жизни небольшихъ первобытныхъ обществъ различіе языковъ, употреблявшихся въ нихъ, достигало широкихъ предѣловъ. Не было почти ни одного значительнаго государства, которое не обнаруживало бы внутри себя языковыя различія и при этомъ не только различіе діалектовъ, нарѣчій, но и различіе языковъ. Даже въ такомъ государствѣ, которое считается ярко выраженнымъ національнымъ государствомъ,—во Франціи,—въ 1872 г. среди гражданъ насчитывалось—160.000 басковъ, 100.000 говорившихъ поиспански, на юго-востокѣ 350.000 говорили по-итальянски, въ Бретани свыше 1.000.000 чел. говорили побретонски. Въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ округахъ близъ бельгійской границы народнымъ языкомъ является фламандскій.

Когда возникла современная демократія, то одною изъ ея необходимыхъ цѣлей было превращеніе народнаго языка въ государственный языкъ, въ языкъ политики, законодательства и управленія, правосудія и государственной школы.

Этого можно было достигнуть двумя путями: либо всѣ тѣ, кто въ данномъ государствѣ не говоритъ на государственномъ языкѣ, должны были изучить его и сдѣлать его своимъ, либо государство должно было ограничить себя предѣлами территоріи одного языка, спаять всѣхъ, говорящихъ на этомъ одномъ языкѣ и оставить за своими предѣлами тѣхъ, кто до сихъ поръ въ государствѣ говорилъ на иномъ языкѣ. Но рѣшающимъ явился при этомъ отнынѣ не устно-употребляемый, но литературный языкъ. Литературный языкъ сталъ средствомъ взаимопониманія, взаимодѣйствія и совмѣстной работы элементовъ, нарѣчія кото-

рыхъ были столь различны, что устное взаимопониманіе было подчасъ невозможно, и попытки такового постоянно оживляли лишь чувство отчужденности.

По первому изъ обоихъ указанныхъ путей пошла еще до возникновенія современной демократіи государственная бюрократія (чиновничество), пытавшаяся во всѣхъ областяхъ, а не только въ одеждѣ солдатъ и чиновниковъ, добиться единой формы — Uniform — т.-е. однообразія. Языкъ господствующаго класса становится государственнымъ языкомъ, знаніе котораго навязывается и тѣмъ народнымъ слоямъ государства, которые говорятъ на иныхъ языкахъ. Запрещается употребленіе всякаго иного языка, кромѣ государственнаго, въ школѣ, судѣ и управленіи. Это означаетъ не только крупное удобство для бюрократовъ, но и предпочтеніе и благопріятствованіе тѣмъ народнымъ слоямъ государства, для которыхъ государственный языкъ является роднымъ языкомъ, усваиваемымъ въ семьѣ. И низшіе классы этихъ частей народа оказываются въ извѣстномъ льготномъ положеніи, проникаются чѣмъ-то вродѣ чувства господствующаго класса. Одновременно съ этимъ даже и высшіе классы тѣхъ частей народа, которыя говорятъ на не-государственномъ языкѣ оказываются въ невыгодномъ положеніи подчиненныхъ классовъ. Такимъ путемъ, съ одной стороны, внутри одного и того же класса создаются національныя противорѣчія, съ другой стороны—различные, въ остальномъ противоположные, классы взаимно сближаются, благодаря общности языка и проистекающихъ изъ нея интересовъ. Какъ однимъ, такъ и другимъ путемъ классовая борьба затемняется и искажается. Частью борьбы расцвѣтающей демократіи противъ бюрократіи является борьба противъ бюрократическаго метода насильственнаго національнаго уравненія (Uniformierung).

Менѣе насильственно, но тѣмъ болѣе надежно дѣйствуетъ растущій обмѣнъ, проистекающій изъ развитія капиталистическаго способа производства.

Этотъ послѣдній превращаетъ государство, правда, не въ особую хозяйственную область, довлѣющую въ главномъ самой себѣ,—какъ это замѣчается въ первобытныхъ обществахъ. Въ основѣ своей капиталистическій способъ производства покоится на междугосударственномъ обмѣнѣ. Тѣмъ не менѣе, если капитализмъ и не превращаетъ государство въ особую *хозяйственную область*, то онъ все же превращаетъ его въ *область обмѣна*, во *внутренній рынокъ*, внутри котораго обмѣнъ напряженнѣе и менѣе подверженъ помѣхамъ, чѣмъ обмѣнъ съ внѣшнимъ рынкомъ. Уничтожаются областныя и мѣстныя промежуточныя пошлины, но въ то же время возникаютъ болѣе или менѣе высокія таможенныя преграды у государственныхъ границъ. Государству ставится задача устройства и приведенія въ дѣйствіе важнѣйшихъ средствъ сообщенія, шоссейныхъ путей, каналовъ и, наконецъ, желѣзныхъ дорогъ. Они служатъ прежде всего и главнымъ образомъ потребностямъ *внутренняго*, а не внѣшняго обмѣна. Обмѣнъ внутри государства становится гораздо напряженнѣе, чѣмъ обмѣнъ международный, онъ — подобно послѣднему — приводитъ въ соприкосновеніе не только купцовъ, но всѣ части населенія и при томъ не только въ случайное, но во все болѣе постоянное соприкосновеніе.

Если въ государствѣ говорятъ на различныхъ языкахъ, то уже не изъ потребностей господствующаго класса, а изъ экономическихъ потребностей всѣхъ классовъ возникаетъ необходимость въ одномъ понятномъ для всѣхъ языкѣ обмѣна. Напередъ можно сказать, что этимъ языкомъ станетъ языкъ экономически наиболѣе развитой національности въ государствѣ, въ особенности если она одновременно съ этимъ является наиболѣе многочисленной и политически господствующей. Всякій мало-мальски предпріимчивый человѣкъ, стремящійся достигнуть извѣстнаго положенія въ обществѣ, постарается изучить этотъ языкъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ растущій обмѣнъ приводитъ и къ увеличенію внутреннихъ переселеній. Повсюду капиталистическій способъ производства обнаруживаетъ тенденціи къ относительному уменьшенію числа рабочихъ, т.-е. къ уменьшенію ихъ по отношенію къ величинѣ приложеннаго капитала. Но въ промышленности эта тенденція съ излишкомъ замѣняется усиленнымъ увеличеніемъ капитала. Въ сельскомъ хозяйствѣ капиталъ увеличивается значительно медленнѣе, здѣсь относительное уменьшеніе легко превращается въ абсолютное. Поэтому мы во всѣхъ капиталистическихъ странахъ можетъ отмѣтить постоянное возрастаніе промышленнаго пролетаріата, не только вслѣдствіе естественнаго размноженія, но и изъ-за усиленнаго притока рабочихъ изъ сельскаго хозяйства въ промышленность. Въ національно-смѣшанныхъ областяхъ это означаетъ, что національности, состоящія только изъ аграрнаго, сельскаго населенія, постоянно принуждены отдавать извѣстное количество своихъ членовъ промышленнымъ округамъ, гдѣ говорятъ на иномъ языкѣ, который и долженъ быть изученъ и усвоенъ пришельцами. Чисто аграрныя національности отдаютъ во все возрастающихъ количествахъ свои наиболѣе энергичные и интеллигентные элементы промышленной націи. Подобно тому, какъ деревня вообще духовно опустошается и бѣднѣетъ, такъ и аграрныя національности опустошаются въ пользу промышленныхъ, что еще болѣе увеличиваетъ неспособность первыхъ къ сопротивленію и бѣгство всѣхъ интеллигентныхъ элементовъ этихъ національностей. Такимъ образомъ, національности, остающіяся аграрными, все болѣе и болѣе разсасываются и, наконецъ, совершенно исчезаютъ въ государствѣ національностей. Онѣ безповоротно осуждены на гибель.

Вотъ это и есть тѣ „народы-отбросы“ и „народы-остатки“, „совершенное исчезновеніе и денаціонализацію“ которыхъ Марксъ и Энгельсъ въ 1849 г. объявили неизбѣжнымъ, это, напр., гэлы (по англійски Gaels) въ

Шотландіи, бретонцы во Франціи, баски въ Испаніи, ладинцы въ Тиролѣ, сорбы или венды въ Пруссіи и Саксоніи. Въ 1870 году въ Пруссіи еще насчитывалось 86.000 вендовъ, въ 1905 году ихъ оказалось только 63.000 чел. Здѣсь передъ нами нѣтъ того, что наблюдается у индѣйцевъ Сѣверной Америки, — вымиранія расы. Наоборотъ. Именно экономически наиболѣе отсталыя націи оказываются по общему правилу крайне плодовитыми. То, что кажется вымираніемъ націи, есть на самомъ дѣлѣ отказъ отъ языка, оказавшагося безполезнымъ въ оборотѣ.

Этотъ процессъ всасыванія маленькихъ „народовъ-остатковъ“ крупными націями внутри государства не слѣдуетъ смѣшивать съ всасываніемъ малыхъ государствъ большими. Оба процесса нерѣдко приравниваются другъ другу, второй точно такъ же, какъ и первый, объявляется необходимымъ слѣдствіемъ капиталистическаго способа производства, будто-бы переходящаго во всѣхъ областяхъ отъ мелкаго хозяйства къ крупному. Это звучитъ вполнѣ марксистски и выдается за марксизмъ, но не является таковымъ. Вмѣсто того, чтобы въ экономикѣ усматривать лишь послѣднюю причину политики, это воззрѣніе непосредственно превращаетъ законы экономики въ законы, коимъ подчиняется и политика, а это не менѣе нелѣпо, чѣмъ то воззрѣніе, которое безъ всякаго разбора примѣняетъ законы животнаго организма къ общественному организму.

Мы уже видѣли, что постоянное стремленіе государства къ расширенію путемъ поглощенія болѣе мелкихъ общеній различныхъ національностей не является отличительнымъ признакомъ капиталистическаго способа производства, но скорѣе всего присуще изначальной внутренней природѣ государства. Поскольку капиталистическій способъ производства создаетъ тенденціи современной демократіи, онъ даже ограничиваетъ расширительныя стремленія господствующихъ въ государствѣ классовъ, превращая форму національнаго го-

сударства въ цѣлесообразнѣйшую форму государства и способствуя тому, что дальнѣйшее принудительное присоединеніе національно-чуждыхъ областей, развившихъ мощную политическую жизнь современнаго государства, становятся весьма опасными и вредными для присоединяющаго государства.

Правда, не повсюду побѣждаетъ тенденція къ національному государству,—мы ниже еще познакомимся съ тѣми препятствіями, которыя при извѣстныхъ условіяхъ противостоятъ ей. Но ни въ одномъ изъ современныхъ государствъ, ставшемъ національнымъ государствомъ, мы до нынѣшней войны не замѣчали тенденціи вырасти въ государство національностей. И ни въ одномъ современномъ государствѣ національностей мы не вскрыли тенденціи увеличить число включаемыхъ имъ націй путемъ присоединенія новой націи и тѣмъ усугубить свои національныя затрудненія. Факты, говорящіе какъ будто о противоположномъ, являются либо только кажущимися, либо слишкомъ незначительны для того, чтобы уничтожить общую тенденцію. И даже эти небольшія отклоненія трудно перевариваются государствами, позволившими себѣ такую роскошь. Мы здѣсь не говоримъ о колоніальной политикѣ, которая совершенно сюда не относится. Мы имѣемъ здѣсь въ виду лишь аннексію современныхъ государствъ съ развитой демократіей, населеніе которыхъ либо фактически принимаетъ участіе въ политической жизни государства, либо рѣшительнымъ образомъ требуетъ такого участія.

Каковы тѣ аннексіи, путемъ которыхъ европейскія государства за послѣднія сто лѣтъ увеличили свои владѣнія?

Тутъ передъ нами Франція, присоединившая къ себѣ въ 1860 г. Савойю и Ниццу, послѣ того, какъ народное голосованіе громаднымъ большинствомъ высказалось за присоединеніе. Языкомъ Савойи служитъ французскій языкъ; маленькая Ницца, расположенная

у самой французской границы, по составу населенія носитъ смѣшанный характеръ.

Далѣе идетъ Россія, — это великое государство завоеваній. Изъ всѣхъ великихъ державъ Европы она дольше всѣхъ оставалась нетронутой современными тенденціями и, въ частности, демократической тенденціей. Несмотря на это, даже она впродолженіе послѣднихъ ста лѣтъ остерегалась присоединить къ завоеваннымъ уже ею землямъ какую-либо область болѣе или менѣе многочисленной европейской національности. За весь этотъ періодъ измѣненіе предѣловъ владѣній Россіи коснулось только кусочка Бессарабіи. Въ 1812 г. Россія аннексировала почти всю Бессарабію. Въ 1829 г. она присоединила еще сюда небольшую полосу у устья Дуная, которую она принуждена была въ 1856 г. отдать обратно Румыніи, съ тѣмъ, чтобы получить ее обратно въ 1878 г. Это было все, что Россія завоевала въ Европѣ за сто лѣтъ, протекшихъ съ вѣнскаго конгресса 1815 г.

Болѣе значительнымъ было завоеваніе Австріи въ 1878 г., „оккупировавшей“ тогда Боснію и Герцеговину. Благодаря этому населеніе увеличилось на 1.300.000 чел. что, однако, не повлекло за собой присоединенія новой національности къ государству, ибо увеличились только въ своей численности сербо-хорваты, до тѣхъ поръ числившіе 3 милліона человѣкъ.

Все это имѣло лишь небольшое значеніе и нигдѣ не приводило къ присоединенію новой національности къ государству. Дѣйствительно крупныя измѣненія границъ и аннексія, имѣвшія мѣсто въ Европѣ за послѣднія 100 лѣтъ: въ Италіи, Германіи и на Балканахъ, шли въ направленіи національнаго государства. Незначительными побочными явленіями можно считать аннексію Сѣвернаго Шлезвига съ 150.000 датчанъ и Лотарингіи съ 300.000 французовъ. Область вокругъ Меца включаетъ большинство французовъ Эльзаса и Лотарингіи и образуетъ собою сплошную языковую область;

Бисмаркъ совершенно не желалъ присоединенія этой мѣстности. По стратегическимъ причинамъ, оно было ему навязано генеральнымъ штабомъ.

„Бисмаркъ былъ не только чуждъ, но прямо-таки враждебенъ всякой мысли о присоединеніи къ Германіи чужеязычной области, поэтому онъ крайне неохотно и лишь подъ давленіемъ настояній Мольтке согласился на присоединеніе Меца по Версальскому миру“. (Дельбрюкъ, „Наслѣдіе Бисмарка“, стр. 169).

Помимо образованія національныхъ государствъ Германіи, Италіи и Балканскаго полуострова и только что упомянутыхъ небольшихъ аннексій, не присоединившихъ къ государствамъ-завоевателямъ новую чуждую націю, заслуживаютъ нашего вниманія еще три крупныхъ измѣненія, происшедшія въ послѣднія сто лѣтъ въ междугосударственной жизни Европы: отдѣленіе Бельгіи отъ Нидерландъ въ 1830 г., полу-отдѣленіе Венгріи отъ Австріи въ 1867 году и полное отдѣленіе Норвегіи отъ Швеціи въ 1905 году. Всѣ эти измѣненія совершенно не идутъ въ направленіи поглощенія одного государства другимъ. Тенденція современной демократіи, слѣдствія прогрессирующаго капитализма дѣйствуютъ скорѣе въ противоположномъ направленіи.

Такимъ образомъ явленія концентраціи великихъ державъ путемъ поглощенія болѣе мелкихъ, проистекающаго будто бы изъ законовъ накопленія капитала, совершенно не наблюдается и поэтому оно и не нуждается въ объясненіи. Только въ настоящую войну пробудились тѣ аппетиты, которымъ стараются дать оправданіе на основаніи указаннаго мнимаго закона современной международной жизни. Въ чемъ нуждается шествующій впередъ капитализмъ, — такъ это возрастающемъ расширеніи *оборота*, а не *государственной территоріи*. Увеличеніе государства, влекущее за собою уничтоженіе существующихъ таможенныхъ границъ можетъ также дѣйствовать въ этомъ направленіи, но

оно достижимо только путемъ сокрушительныхъ войнъ, предполагающихъ тягчайшія военныя вооруженія. Гораздо надежнѣе и при томъ безъ всякаго обремененія и торможенія экономической жизни достигается расширеніе оборота, если прибѣгнуть къ сооруженію желѣзныхъ дорогъ и заключенію торговыхъ договоровъ, уменьшающихъ значеніе таможенныхъ границъ и способствующихъ процвѣтанію экономической жизни.

Это, а не постоянное расширеніе государственной территоріи, является завѣтомъ экономическаго развитія.

Иначе, конечно, дѣло обстоитъ не съ поглощеніемъ мелкихъ государствъ большими, но мелкихъ отсталыхъ націй болѣе крупными и развитыми внутри одного и того же государства. Относительно нѣкоторыхъ малыхъ націй этотъ процессъ совершается безпрепятственно, но не для всѣхъ.

Процессъ денаціонализаціи маленькой аграрной народности встрѣчается съ сильной противодѣйствующей тенденціей тамъ, гдѣ эта народность подхватывается движеніемъ современной демократіи. Въ связи съ этимъ движеніемъ эта народность создаетъ себѣ собственный классъ интеллигенціи и собственный языкъ съ мощной литературой,—языкъ, который становится не только языкомъ поэзіи, но и языкомъ прозы. Беллетристической литературой можетъ обладать и діалектъ, и нарѣчіе. Лишь будничное примѣненіе языка въ газетахъ, письмахъ, обученіи, популярно-научной литературѣ претворяетъ литературный языкъ въ языкъ народный, въ политическій факторъ и превращаетъ пользующіяся имъ народныя массы въ современную національность. Разъ достигши такой высоты, народъ въ отстаиваніи своего языка можетъ развить невѣроятное упорство.

Письменность всегда имѣетъ консервирующій характеръ. Она является лучшимъ средствомъ постоянно оживлять въ сознаніи народа прошлое и его плоды. Это, между прочимъ, доказывается тѣмъ вліяніемъ, которое до сихъ поръ сохранила библія. Тамъ, гдѣ на-

родъ достигъ литературнаго языка, этотъ послѣдній дѣйствуетъ консервирующе, охранительно и затрудняетъ сліяніе данной націи съ другой.

Когда въ 1849 году Марксъ и Энгельсъ были убѣждены въ томъ, что австрійскихъ славянъ ждетъ судьба басковъ или бретонцевъ, эти славяне не обладали еще достойной вниманія литературой. Даже у чеховъ примѣненіе ихъ языка, въ качествѣ литературнаго языка массъ, находилось въ зачаточномъ состояніи. Въ гораздо бо́льшей степени это относилось къ юго-славянамъ, сплошь неграмотнымъ.

Нынѣ это совершенно измѣнилось, чехи и юго-славяне обладаютъ университетами, сильной печатью и богатой литературой. Ссылаться на слова, произнесенныя въ 1849 году, какъ на руководящее мнѣніе для нашего времени, а не какъ на характеристику тѣхъ временъ, означаетъ либо полное незнаніе обстоятельствъ, либо смѣлую спекуляцію на подобное незнаніе.

Тамъ, гдѣ въ многонаціональномъ государствѣ аграрный народъ достигаетъ собственнаго литературнаго языка и тѣмъ получаетъ въ руки средство болѣе тѣснаго національнаго сплоченія, дѣло можетъ принять прямо обратное направленіе. Аграрныя массы, направляющіяся въ промышленные округа, не должны тамъ потерять свою національность. Если ихъ иммиграція (переселеніе) достаточно сильна, то онѣ могутъ оттѣснить исконный языкъ промышленнаго округа и въ конечномъ счетѣ превратить свой языкъ въ господствующій. Этотъ процессъ нынѣ разыгрывается въ городахъ Богеміи и Моравіи.

Правда, процессъ этотъ можетъ имѣть мѣсто лишь тамъ, гдѣ переселеніе чужой національности является сплошнымъ и преобладающимъ. Чешское переселеніе въ Вѣну или польское — въ бассейнъ Рура не могутъ поколебать нѣмецкаго характера этихъ округовъ. То, что славянское переселеніе въ эти мѣстности совершa-

лось массами, умѣющими читать и писать, располагающими собственной печатью и литературой, можетъ лишь замедлить ихъ разсасываніе. Старое поколѣніе остается вѣрнымъ родному языку, новое поколѣніе, родившееся и выросшее на новыхъ мѣстахъ, говоритъ на языкѣ этихъ мѣстъ, но не на языкѣ переселенцевъ.

Всякое препятствованіе неизбѣжному процессу дѣйствуетъ вредоносно. Замедленіе поглощенія переселенцевъ, ихъ изученія мѣстнаго языка мѣшаетъ взаимному пониманію рабочихъ различныхъ національностей данной мѣстности и совмѣстной классовой борьбѣ.

Наименѣе значительны измѣненія языковыхъ границъ тамъ, гдѣ крестьянство выходитъ изъ стадіи неграмотности и переходитъ къ употребленію литературнаго языка своей національности. Консервирующее дѣйствіе крестьянскаго хозяйства усиливается здѣсь консервирующей силой письменности. При такихъ условіяхъ національность оказывается особенно упорной. Такъ, напр., въ Германской Имперіи до сихъ поръ оказалось невозможнымъ сдѣлать нѣмецкій языкъ народнымъ языкомъ въ сѣверномъ Шлезвигѣ, Лотарингіи или восточной Познани.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что распространеніе національности не есть что-то постоянное, но очень измѣнчивое. Не только естественныя условія размноженія, но и экономическія и политическія условія, постоянно мѣняющіяся въ ходѣ исторіи, глубочайшимъ образомъ обуславливаютъ ея распространеніе.

Каждое изъ болѣе крупныхъ новѣйшихъ государствъ ко времени возникновенія современнаго способа производства и демократіи состоитъ изъ различныхъ національностей, говорящихъ на совершенно различныхъ языкахъ. Часть этихъ элементовъ ассимилируется и растворяется въ той національности, которая въ данномъ государствѣ господствуетъ численно, экономически и политически. Относительно другой части это не удается. Чѣмъ лучше удается вышеупомянутый

процессъ, тѣмъ больше государство приближается къ типу національнаго государства. Чѣмъ менѣе выступаетъ наружу этотъ процессъ, тѣмъ больше государство носитъ отпечатокъ государства національностей. Въ старыхъ капиталистическихъ государствахъ преобладаетъ первый типъ. Въ нихъ ассимилирующія тенденціи современнаго государства и способа производства могли обнаружить свое дѣйствіе раньше, чѣмъ возникла современная демократія, и раньше, чѣмъ народное образованіе успѣло и у маленькихъ націй создать основы для литературнаго языка и литературы. Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ капиталистическій способъ производства развился лишь поздно, въ то время, какъ въ нихъ уже сказываются нѣкоторыя тенденціи современной демократіи, — тамъ труднѣе становится образованіе національнаго государства при помощи сліянія подчиненныхъ націй съ господствующей. Но и тамъ процессъ этотъ происходитъ. Изъ 142 національностей, которыхъ будто бы насчитываетъ Россія, навѣрное не всѣ разовьются въ современныя націи, большинство изъ нихъ, какъ, напримѣръ, осетины, вогулы, черемисы, калмыки, самоѣды и пр., пойдутъ по пути басковъ и бретонцевъ. Но цѣлый рядъ ихъ уже превратился въ современныя національности, за ними послѣдуютъ и другія...

Гдѣ бы ни образовалась современная національность, она повсюду настойчиво требуетъ себѣ права на самоопредѣленіе, куда относится и поднятіе народнаго языка на степень политическаго государственнаго языка. Если развивающаяся національность не можетъ превратить то государство, въ которомъ она выросла, въ государство своей національности, то она пытается разрушить его или отдѣлиться отъ него съ тѣмъ, чтобы въ качествѣ самостоятельной націи образовать самостоятельное государство.

5. Созданіе современнаго государства національностей [1]) путемъ приспособленія государства къ національности.

Разсмотрѣнные выше способы образованія національнаго государства изъ различныхъ національныхъ элементовъ суть методы медленнаго, постепеннаго, хотя и не всегда мирнаго преобразованія народовъ внутри предѣловъ даннаго государства, размѣры котораго остаются при этомъ совершенно неизмѣненными, по крайней мѣрѣ этотъ процессъ не измѣняетъ ихъ. Совершенно иначе дѣло обстоитъ тамъ, гдѣ внутри общаго государства другъ другу противостоятъ различныя національности, изъ которыхъ ни одна не въ состояніи поглотить другую, и изъ которыхъ каждая развиваетъ мощную политическую жизнь своихъ народныхъ массъ, каждая стремится къ государству, которое она могла бы подчинить своимъ нуждамъ. Мы уже указали на то, какъ въ этой борьбѣ національныя противоположности легко оттѣсняютъ классовыя противорѣчія внутри націй.

Тамъ, гдѣ національность наталкивается на подобныя условія, въ особенности тогда, когда она находится въ меньшинствѣ и ея положеніе въ данномъ государствѣ является безнадежнымъ, она будетъ стремиться не къ преобразованію государства, а къ его уничтоженію или по крайней мѣрѣ къ уходу изъ него, путемъ измѣненія его границъ.

Цѣль этого процесса не можетъ быть достигнута путемъ постепеннаго преобразованія, но лишь путемъ внезапной катастрофы государства,—путемъ революціи или войны.

Многіе называли общество *организмомъ*. Соотвѣтственно этому можно было бы разсматривать государ-

[1]) Терминъ „Nationalitätenstaat“ можно перевести либо терминомъ „государство національностей“, либо же терминомъ „многонаціональное государство“. *Прим. ред. пер.*

ство, какъ *механизмъ*. Государство гораздо неподатливѣе общества. Это послѣднее управляется законами, дѣйствующими съ силой законовъ природы и дѣйствительно проистекающими изъ природы, природы человѣка.

Государство, напротивъ того, управляется на основаніи законовъ, возлагаемыхъ на населеніе во имя опредѣленныхъ цѣлей властителей,—будь то монархи, аристократы или организаціи народныхъ массъ. Общество подвергается постоянному измѣненію, въ большинствѣ случаевъ совершающемуся незамѣтно. Вмѣстѣ съ общественными условіями измѣняются и общественные законы. Человѣческая природа реагируетъ на всякое раздраженіе способомъ, соотвѣтствующимъ ея существу. Если мѣняется раздраженіе или тѣ условія, при которыхъ оно осуществляется, то тѣмъ самымъ по необходимости измѣняются и его дѣйствія на человѣка. Законы государства, наоборотъ, остаются одинаковыми, пока они не будутъ явно измѣнены или отмѣнены. Само собою разумѣется, что дѣйствіе ихъ и мѣра проводимости находятся въ зависимости отъ измѣненія общественныхъ отношеній. Но государственные законы могутъ сохраниться, хотя бы по привычкѣ и неразумію, особенно если властители заинтересованы въ нихъ, даже и въ то время, когда общественныя условія, породившія эти законы, уже исчезли. Такимъ путемъ, по слову Гёте, законъ и права переходятъ по наслѣдству, какъ вѣковѣчная болѣзнь. Государственные и общественные законы могутъ становиться все болѣе противорѣчивыми, пока государственная катастрофа опять не приведетъ ихъ къ согласію.

Еще неподатливѣе внутренняго строя—предѣлы государства. Во внутренней жизни государства возможны катастрофы, но не при всѣхъ условіяхъ онѣ неизбѣжны, государство можетъ мирно приспособиться къ измѣнившимся условіямъ. Болѣе того, насильственныя катастрофы являются здѣсь исключеніями, правиломъ же

служатъ измѣненія отдѣльныхъ законовъ въ результатѣ измѣненія силъ среди различныхъ классовъ, партій и группъ, борющихся на почвѣ даннаго государства.

Но сохраненіе этой почвы въ неуменьшенномъ видѣ является, однако, общимъ интересомъ всѣхъ классовъ государства, ибо они всѣ участвуютъ въ эксплоатаціи этой почвы или надѣются принять въ ней участіе. Этотъ общій интересъ, являющійся интересомъ всей націи, т.-е. совокупности всѣхъ классовъ, противостоитъ всякому умаленію государственной территоріи.

И здѣсь сказывается существенное различіе между обществомъ и государствомъ. Не всегда возможно установить предѣлы общества. Общество означаетъ совокупность или сумму людей, стоящихъ другъ къ другу въ длительныхъ и необходимыхъ отношеніяхъ. Величина этой суммы измѣняется вмѣстѣ съ экономическими условіями, въ особенности съ условіями обмѣна. Тамъ, гдѣ какое-либо общеніе живетъ совершенно обособленно, оно равно этой совокупности индивидовъ. При капиталистическомъ способѣ производства, наоборотъ, существуетъ тенденція превратить общество и человѣчество въ равнозначныя понятія. Между этими двумя крайностями предѣлы государства могутъ занимать различнѣйшій объемъ. Античное общество, напримѣръ, занимало области, лежащія вокругъ Средиземнаго моря. Но къ нему не принадлежали, конечно, ни Америка съ Австраліей, ни восточная Азія, Африка южнѣе Сахары и самая сѣверная часть Европы. Однако, установить точныя границы античнаго общества внутри указанныхъ областей было бы невозможно. Границы этого общества никогда и не оспариваются, и если онѣ расширяются, то это происходитъ незамѣтно.

Совершенно иначе дѣло обстоитъ съ границами государства. Онѣ устанавливаются точнѣйшимъ образомъ и оберегаются ревниво въ качествѣ общаго достоянія какъ господами, такъ и тѣми, кто надѣется стать господами государственной территоріи, — нисколько не

менѣе ревниво, чѣмъ личное владѣніе каждаго изъ нихъ. Сокращенію этого владѣнія противостоятъ всѣ эти слои; такое сокращеніе возможно только путемъ насилія.

Если для внутренняго строя какого-либо государства показателенъ путь постоянныхъ измѣненій при помощи мирнаго детальнаго законодательства, а насильственная катастрофа является лишь исключеніемъ, то измѣненіе объема государства до сихъ поръ почти исключительно происходило насильственнымъ путемъ мятежа или войны. Здѣсь катастрофа образуетъ общее правило.

Уклоненіе отъ этого правила имѣетъ мѣсто развѣ лишь тамъ, гдѣ государство не является достояніемъ одного или нѣсколькихъ классовъ, гдѣ ни одна часть народа не имѣетъ и не ждетъ участія въ государственной власти, но гдѣ государство стало частной собственностью одной семьи, династіи, располагающей имъ по своему усмотрѣнію и предоставляющей его цѣликомъ или частью другимъ династіямъ въ качествѣ наслѣдства, приданаго, благопріобрѣтеннаго или закладываемаго имущества. На этой стадіи развитія государственныя границы подвергаются постояннымъ измѣненіямъ, безъ того, чтобы войны были единственными причинами ихъ. Но все же и тутъ войны составляютъ главнѣйшую причину этихъ измѣненій. Кромѣ того, стадія самодержавной власти (абсолютизма) является лишь переходнымъ и узко-ограниченнымъ явленіемъ въ исторіи.

Итакъ, образованіе новыхъ національныхъ государствъ изъ существующихъ многонаціональныхъ государствъ возможно только насильственнымъ путемъ. Онъ можетъ сказаться, во-первыхъ, въ формѣ насильственной революціи, насильственнаго возстанія угнетенной или раздѣленной (между двумя или нѣсколькими государствами) націи противъ тѣхъ государственныхъ властей, угнетающихъ ихъ или мѣшающихъ ихъ объединенію. Второй возможною формою примѣненія насилія является здѣсь война какого-либо государства, заинтересованнаго въ освобожденіи и объедине-

ніи данной націи противъ государства, противящагося этому.

Мы уже видѣли, что революціонный путь созданія многонаціональныхъ государствъ, оказывается все менѣе пригоднымъ, ибо буржуазные классы перестали быть революціонными. Кромѣ того, классовая борьба пролетаріата не допускаетъ длительнаго совмѣстнаго хожденія съ имущими классами націи, а тѣмъ болѣе—добровольнаго подчиненія пролетаріата эксплоатирующимъ классамъ для веденія національной борьбы. Нынѣ эти классы предпочитаютъ состояніе національнаго угнетенія, не затрагивающаго ихъ экономическаго господства, революціи, которая освободила бы ихъ въ національномъ отношеніи, но экономически грозила бы экспропріировать ихъ.

Такимъ образомъ, съ обѣихъ сторонъ революція потеряла свое значеніе въ качествѣ средства національнаго освобожденія въ предѣлахъ существующаго общественнаго строя. Поэтому все чаще стала учитываться въ качествѣ средства освобожденія нѣкоторыхъ націй война однихъ властителей противъ другихъ. Во всѣхъ династическихъ войнахъ, начиная съ Наполеона I, впервые выдавшаго себя въ минувшемъ столѣтіи освободителемъ народовъ, народы, по общему правилу, оставались въ дуракахъ, выступая въ качествѣ покорнаго орудія провозглашенія національнаго освобожденія. Какъ бы то ни было, это столь расхваливаемое передъ народами средство является для нихъ крайне ненадежнымъ и обоюдоострымъ.

Обрисованное политическое положеніе является не единственнымъ препятствіемъ на пути образованія совершеннаго національнаго государства. Экономическія причины могутъ вызвать и иныя препятствія.

Съ демократической точки зрѣнія національное государство безспорно является совершеннѣйшей формой современнаго государства, ибо въ немъ народная масса лучше всего можетъ политически проявить себя, вла-

дѣя во всемъ своемъ составѣ государственнымъ языкомъ, языкомъ политической жизни, политическаго освѣдомленія и агитаціи. Но современное государство должно обладать формой, соотвѣтствующей не только *политическимъ*, но и *экономическимъ* потребностямъ. Гдѣ эти два вида потребностей приходятъ въ столкновеніе, политическая, демократическая потребность очень легко можетъ оказаться въ тискахъ. И здѣсь мы должны еще разъ указать на факторъ, порожденный современнымъ способомъ производства и создавшій современное государство, современную національность: на *обмѣнъ*.

Нелѣпо утверждать, будто современное государство должно образовать *хозяйственное* единство. Ни одно государство не есть такое единство. Но государство должно образовать то, что мы уже раньше назвали единствомъ *обмѣна*, т. - е. внутри государственныхъ границъ обмѣнъ между отдѣльными областями долженъ быть болѣе облегченъ, нежели обмѣнъ съ заграничными странами. Это достигается путемъ закрытія границъ при помощи таможенныхъ пошлинъ и, съ другой стороны, путемъ уничтоженія внутреннихъ таможенъ и устройства сѣти сообщеній—дорогъ, каналовъ и желѣзнодорожныхъ путей. Создать такое единство оборота возможно, очевидно, только тогда, когда всѣ части государственной территоріи пространственно связаны.

Феодальное государство не нуждалось въ такой связи. Его отдѣльныя области были экономически независимы одна отъ другой и въ главномъ довлѣли самимъ себѣ. Феодальный князь могъ стоять во главѣ владѣній, разбросанныхъ по различнѣйшимъ областямъ. Такъ, напр., Габсбурги [1]) вплоть до XIX-го столѣтія владѣли нѣкоторыми областями въ Баденѣ и Вюртембергѣ, Гогенцоллерны [2]) — въ Швейцаріи.

Рука объ руку съ потребностями оборота идутъ

---

[1]) Австрійская династія.

[2]) Германская династія.

тѣсно связанныя съ ними потребности веденія войны. При прочихъ равныхъ условіяхъ бо́льшая армія обладаетъ и бо́льшими шансами. Увеличеніе арміи обуславливается, однако, состояніемъ средствъ сообщенія. Чѣмъ совершеннѣе эти послѣднія, тѣмъ больше можетъ быть армія, тѣмъ скорѣе можно сосредоточить въ какомъ-либо пунктѣ большія войсковыя массы и обезпечить ихъ продовольственными и военными припасами. Средневѣковыя арміи были малы, неподвижны и трудно сосредоточимы; противъ нихъ легко было защищаться отдѣльнымъ замкамъ и городамъ, даже если осажденнымъ не улыбалась возможность вылазки. Въ тѣ времена еще не было необходимости устроить государство такъ, чтобы была возможность наскоро сосредоточить большія массы войскъ въ одномъ мѣстѣ. При современныхъ же способахъ веденія войны эта необходимость сказывается все сильнѣе и дѣйствуетъ на образованіе государственныхъ границъ въ томъ же направленіи, если не всегда такимъ образомъ, какъ и экономическая необходимость.

Въ настоящее время потребности веденія войны и оборота порождаютъ стремленіе къ сплошной замкнутой территоріи. Но область языка или національности отнюдь не всегда бываетъ сплошной. Со временъ переселенія народовъ въ Европѣ не происходило больше переселеній цѣлыхъ народностей. Но переселенія отдѣльныхъ частей народа продолжаютъ постоянно повторяться; въ наши дни дѣло идетъ о переселеніи въ города, гдѣ переселенцы легко ассимилируются, если они говорятъ и не на родномъ языкѣ. Въ прежнія столѣтія многіе изъ переселявшихся были крестьянами, которые на землѣ новаго своего поселенія продолжали вести свою особую хозяйственную жизнь и сохраняли, поэтому, свой первоначальный языкъ. Вслѣдствіе этого мы и находимъ въ различнѣйшихъ странахъ Европы, въ особенности же на востокѣ, *языковые острова*, жители которыхъ говорятъ на языкѣ, отличномъ отъ языка

той бо́льшей области, въ которую этотъ островъ вкрапленъ. Съ другой стороны, *границы языковыхъ областей* не всегда могутъ быть точно установлены. Лица различныхъ національностей живутъ въ нѣкоторыхъ областяхъ столь черезполосно, что трудно бываетъ установить, какой изъ національностей принадлежитъ та или иная область.

Созданіе національнаго государства не должно быть, такимъ образомъ, понято такъ, будто рѣчь идетъ при этомъ о возсоединеніи въ данномъ государствѣ всѣхъ областей, населенныхъ тождественною національностью. Даже и тѣ, кто страстно стремится провести будущему нѣмецкому національному государству наиобширнѣйшія границы, никогда не думаетъ о присоединеніи къ нему хотя бы трансильванскихъ саксонцевъ, живущихъ въ предѣлахъ Венгріи. Національное государство имѣетъ въ виду лишь сплошную языковую область. Всякая жизнеспособная національность населяетъ такую сплошную территорію. При размежеваніи смѣшанныхъ пограничныхъ округовъ становятся неизбѣжными взаимныя уступки по принципу do ut des („даю, чтобы ты далъ“). Такъ, напр., „Новая Рейнская Газета“ (Марксъ и Энгельсъ) въ 1849 году требовала, чтобы Германія вошла въ соглашеніе съ Польшей по поводу Познани.

„Возстановленіе Польши и установленіе ея границъ съ Германіей не только необходимы, но и легче рѣшимы, нежели почти всѣ другіе политическіе вопросы, поднятые со времени революціи въ Восточной Европѣ“.

Само собою подразумѣвалось, что при той мѣшанинѣ нѣмецкаго и польскаго, которая царитъ у границы и на побережьи, обѣ стороны должны немного уступить, и если кое-какому нѣмцу пришлось бы ополячиться и кое-какому поляку — онѣмечиться, то это не вызвало бы никакихъ затрудненій.

Но вся трудность и заключалась именно въ проявленіи этой взаимной уступчивости. Другая трудность при образованіи національнаго государства мо-

жетъ возникнуть тамъ, гдѣ имѣются *естественныя границы*, не совпадающія съ языковой границей. Существуютъ области, которыя самой природой предназначены быть единствами оборота, которыя не должны быть отдѣлены таможенными границами отъ прочихъ государствъ, не должны быть объединены искусственными путями сообщенія, но которыя окружены естественными, трудно проходимыми границами и внутри ихъ располагаютъ естественными путями сообщенія, напр., долинами и рѣчными путями цѣлаго рѣчного бассейна, предрасполагающими къ болѣе оживленному внутреннему обороту и обмѣну. Такая область образуетъ естественную основу для государства и трудно поддается размежеванію на отдѣльныя государства, даже въ томъ случаѣ, если она населена различными національностями.

Само собою разумѣется, нельзя сказать про эти естественныя границы и пути сообщенія, что они разъ навсегда даны природой въ неизмѣнномъ видѣ. Отъ высоты техники и экономики зависитъ то, будутъ ли они и какъ именно использованы. На начальныхъ ступеняхъ культуры густые лѣса могутъ явиться крупнымъ препятствіемъ оборота между двумя сосѣдними народами, для нихъ эти лѣса явятся естественными границами. Нынѣ же, ни въ одной культурной странѣ лѣса не могутъ составить естественныхъ границъ. Широкія и глубокія рѣки въ извѣстныя времена дѣйствуютъ раздѣляюще, въ другія — объединяюще. И горы не образуютъ непреодолимаго препятствія для оборота.

Въ вѣкъ капитализма, съ его исполинскимъ развитіемъ техники, естественныя границы замѣтно теряютъ свое значеніе. Но и въ наше время онѣ еще оказываютъ свое вліяніе, хотя бы черезъ посредство созданныхъ ими историческихъ условій и традицій, далеко не безразличныхъ для потребностей народовъ и, слѣдовательно, для ихъ самоопредѣленія.

Отдѣльные примѣры этому мы намѣрены привести въ другомъ мѣстѣ, пока же замѣтимъ только, что при образованіи государственныхъ границъ нельзя упускать изъ виду естественныхъ условій, но не слѣдуетъ ихъ и переоцѣнить. Нынѣ часто злоупотребляютъ географическимъ факторомъ, не одно государственное образованіе, созданное династической, семейной политикой монарховъ или вѣнскимъ конгрессомъ 1815 года, выдается за плодъ естественной необходимости. Это относится къ попыткамъ приспособить современное естествовѣдѣніе къ потребностямъ соціальныхъ и политическихъ властителей, подобно тому, напр., какъ война и колоніальная политика, якобы на основаніи теоріи Дарвина, объявляются естественною необходимостью.

Нелѣпо, напр., разсматривать австрійскую монархію, какъ естественное единство оборота и допустить, что Галиція съ Босніей или Буковина съ Трентино самой природой тѣснѣе связаны одна съ другой, чѣмъ съ ихъ ближайшими сосѣдями по ту сторону таможенныхъ границъ.

Какъ бы различны и мало опредѣленны ни были при нынѣшнемъ способѣ производства естественныя условія опредѣленія государственныхъ границъ, *одна* естественная потребность имѣется у всякаго государства: потребность *доступа къ міровому морю.* Эта потребность не существовала у феодальнаго государства, она становится настоятельной лишь для капиталистическаго государства, для котораго участіе въ міровой торговлѣ является не роскошью, но вопросомъ жизни. Міровое море представляетъ собою, по крайней мѣрѣ въ мирное время, свободную дорогу всѣхъ націй, которую никто не можетъ загородить. Напротивъ того, государство, не лежащее у моря, остается навсегда, даже и въ мирное время, зависимымъ не только отъ таможенной политики, но и отъ политики обмѣна и оборота своихъ сосѣдей, отъ способа проведенія у нихъ желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, отъ товарно-грузо-

выхъ ставокъ и т. д. Эта зависимость можетъ стать прямо-таки убійственной для экономической жизни государства. Поэтому нѣкоторыя національности предпочли бы жить въ большомъ многонаціональномъ государствѣ, въ которомъ онѣ могутъ пользоваться свободнымъ доступомъ къ морю, чѣмъ создать собственное національное государство, отрѣзанное отъ моря. Съ другой стороны государство, будь оно даже національнымъ, не остановится передъ занятіемъ области, населенной чужой національностью, если только оно этимъ путемъ добьется доступа къ морю. А тѣмъ болѣе государство, уже обладающее морскою гаванью, и притомъ единственною, постарается отстоять эту гавань всѣми средствами, хотя бы путемъ нарушенія принципа національности [1]).

И съ точки зрѣнія международной демократіи нельзя будетъ въ такомъ случаѣ, примѣнительно къ единственному порту, отстаивать принципъ національности. Цѣлое важнѣе части и нельзя допустить насильственнаго стѣсненія экономической жизни многихъ милліоновъ ради національныхъ стремленій нѣсколькихъ тысячъ.

Къ этимъ естественнымъ препятствіямъ къ образованію національнаго государства присоединяются, какъ уже замѣчено было, и историческія, традиціонныя. И эти послѣднія должны быть такъ же учтены, какъ первыя препятствія, и изучены въ отдѣльности, хотя и они, подобно большинству естественныхъ препятствій, по мѣрѣ развитія капитализма мало-по-малу преодолѣваются. Тѣмъ не менѣе историческія традиціи укоренены гораздо крѣпче и глубже, чѣмъ мы, революціонеры, склонны это допустить, традиціи эти уже не разъ сыграли съ нами дурную шутку.

Среди факторовъ совершенно независимо отъ на-

[1]) Каутскій, очевидно, имѣетъ здѣсь въ виду единственную гавань Австріи—Тріестъ, населенный по преимуществу итальянцами. *Прим. ред. перевода.*

ціональности, т.-е. отъ языковой общности раздѣляющихъ и объединяющихъ различные народы, большую роль играетъ *религія*, особенно до появленія современной національности. Религія еще до недавняго времени играла въ Восточной Европѣ бо́льшую роль, нежели національность, на востокѣ она до сихъ поръ играетъ эту роль, но и въ Западной Европѣ религія тамъ и сямъ имѣетъ еще свое значеніе.

Въ періодъ, слѣдующій за разложеніемъ племенной организаціи, покоющейся на узахъ кровнаго родства, и до того, какъ растущій оборотъ успѣваетъ создать современныя національности, церковная организація представляетъ собою самый мощный союзъ, объединяющій народныя массы, союзъ, значительно болѣе прочный, нежели государственныя организаціи, которыя въ этотъ переходный періодъ носятъ довольно шаткій и недолговѣчный характеръ. Тамъ, гдѣ вторгается чужеземный завоеватель, подчиняющій себѣ туземное населеніе, послѣднему только и остается, что опереться о церковную организацію, безъ которой оно оказалось бы совершенно неспособнымъ къ сопротивленію и которую она, поэтому, поддерживаетъ съ величайшей стойкостью, порой съ необузданнымъ фанатизмомъ, сталкивающимся съ равнымъ фанатизмомъ завоевателя, озлобленнаго оказываемымъ ему сопротивленіемъ.

При извѣстныхъ историческихъ условіяхъ, въ наши дни свидѣтельствующихъ, правда, о нѣкоторой отсталости, религія можетъ стать мощнымъ средствомъ объединенія многонаціональнаго государства. Такъ, напр., многонаціональное государство Габсбурговъ опирается въ нѣкоторой степени на мощи католической церкви, къ которой принадлежатъ четыре пятыхъ всего населенія.

Другой характеръ носятъ тѣ узы многонаціональнаго государства, которыя не основаны на отсталости. Тамъ, гдѣ это государство предоставляетъ своимъ гражда-

намъ такія выгоды, которыхъ они не находятъ у сосѣдей, тамъ граждане останутся преданными ему даже и въ томъ случаѣ, когда сосѣдомъ является національное государство одинаковой національности. Демократія и система милиціи сплачиваютъ французовъ, нѣмцевъ и итальянцевъ Швейцаріи и не даютъ здѣсь возникнуть никакимъ возсоединительнымъ стремленіямъ, стремленіямъ ирредепты.

Рядомъ съ этимъ могутъ, конечно, существовать такія выгоды въ многонаціональномъ государствѣ, которыя являются удѣломъ лишь одной націи, и поэтому такія выгоды являются только для членовъ этой націи доводомъ въ пользу предпочтенія даннаго государства собственному національному.

Такъ, напр., въ Австріи нѣтъ нѣмецкой ирредепты, стремленія нѣмцевъ къ государственному возсоединенію съ ихъ соплеменниками Германской Имперіи постольку, поскольку австрійскіе нѣмцы чувствуютъ себя господами въ государствѣ. Но это стремленіе необычайно сильно возрастало въ тѣ времена, когда казалось, что наступаетъ преобладаніе славянства. У чеховъ дѣло обстоитъ какъ разъ обратно. Въ славянски-оріентированной Австріи чехи являются наиболѣе ярыми приверженцами многонаціональнаго государства. Идея національнаго государства находитъ у нихъ откликъ лишь въ тѣ періоды, когда многонаціональное государство подвергается опасности подчиненія господству нѣмечества.

Всѣ эти факторы: черезполосность отдѣльныхъ областей распространенія языковъ, языковые острова, смѣшеніе языковъ въ пограничныхъ полосахъ національныхъ областей, различіе между языковыми и естественными границами, необходимость свободнаго доступа къ міровому морю, исторически унаслѣдованныя условія религіи и политики, — всѣ эти факторы могутъ въ нѣкоторыхъ областяхъ и въ извѣстныя времена создать въ самомъ населеніи крупнѣйшія препятствія для

торжества національнаго государства. Благодаря этому, самое стремленіе къ національной самостоятельности, тѣсно связанное съ современнымъ обмѣномъ и зарождающейся современной демократіей, не ослабляется, но оно не повсюду принимаетъ форму стремленія къ національному государству.

Было бы безсмысленно пытаться удовлетворить современныя національныя стремленія путемъ созданія языковой карты Европы и превращенія всѣхъ означенныхъ на этой картѣ языковыхъ областей въ такое же число національныхъ государствъ. Не говоря уже о внѣшнихъ препятствіяхъ, заложенныхъ въ историческихъ соотношеніяхъ власти государствъ, такое рѣшеніе натолкнулось бы и на протестъ самихъ національностей, подлежащихъ такому освобожденію, или по крайней мѣрѣ на протестъ отдѣльныхъ ихъ областей или классовъ.

Поэтому международная соціалъ-демократія не можетъ изъ принципа самоопредѣленія народовъ вывести то слѣдствіе, что единственной формой осуществленія этого принципа служитъ національное государство. При извѣстныхъ условіяхъ рядомъ съ національнымъ государствомъ выдвигается лишь національная автономія въ рамкахъ многонаціональнаго государства въ качествѣ практической мѣры и даже пункта программы. А съ другой стороны и въ нѣкоторыхъ національныхъ государствахъ придется еще долгое время считаться съ языковыми островами, съ національными меньшинствами, нуждающимися въ защитѣ противъ національнаго угнетенія, т.-е. насильственныхъ препятствій къ употребленію родного языка или уменьшенія правъ въ государствѣ изъ-за принадлежности къ опредѣленному языковому единству.

Но въ высшей степени реакціоннымъ начинаніемъ было бы желаніе искусственными мѣрами предохранить національныя меньшинства отъ всѣхъ экономическихъ и соціальныхъ факторовъ, приводящихъ силою

обстоятельствъ къ національному сліянію (ассимиляціи) меньшинствъ съ окружающей ихъ средой.

Мы должны выступить противъ подавленія національныхъ меньшинствъ силой, ибо въ качествѣ соціалистовъ и демократовъ мы обязаны противостать всякому подавленію какой-либо части народа въ государствѣ и обществѣ, подобно тому, напр., какъ мы отвергаемъ всякое угнетеніе какого-либо религіознаго общества. Но подобно тому, какъ мы этимъ не намѣрены препятствовать исчезновенію религіи изъ народнаго сознанія, точно такъ же мы не намѣрены мѣшать тому, чтобы языковыя различія перестали раздѣлять двѣ націи. Не въ интересахъ *національности*, но исключительно въ интересахъ *демократіи*, мы выступаемъ противъ всяческаго угнетенія національныхъ меньшинствъ.

6. Теорія Отто Бауэра о національности.

Та мысль, что мы лишь постольку интересуемся національностью, поскольку соблюденіе національныхъ правъ связано съ сохраненіемъ демократіи, встрѣчаетъ возраженія не только у націоналистовъ. Въ самые ряды международной соціалъ-демократіи проникаетъ убѣжденіе, что національность является высшей общественной святыней, которой всякій долженъ служить вѣрой и правдой. По мнѣнію этихъ соціалъ-демократовъ, измѣнить своей національности не менѣе презрѣнно и недостойно, чѣмъ отречься отъ отца и матери. Интернаціональность признаетъ-де равноправіе и даже солидарность національностей или по крайней мѣрѣ ихъ трудящихся классовъ, но ни въ коемъ случаѣ — безразличіе по отношенію къ національной принадлежности того или иного лица.

Этотъ отказъ отъ національной ассимиляціи какъ бы находитъ свою опору во взглядахъ одного изъ нашихъ крупнѣйшихъ марксистовъ, во взглядахъ, изложенныхъ

Отто Бауэромъ въ книгѣ „Національный вопросъ и соціалъ-демократія“ [1]). Книга эта несомнѣнно выдающаяся—какъ и все то, что пишетъ Бауэръ,—и всякій, кто интересуется національнымъ вопросомъ, не можетъ пройти мимо нея. Въ особенности богатый матеріалъ даетъ эта книга по національнымъ вопросамъ Австріи. Но съ исходной точкой зрѣнія этой книги я согласиться не могу. Я уже высказалъ мои сомнѣнія тотчасъ же по появленіи книги въ рецензіи („Nationalität u. Internationalität“ 1. Ergänzungsheft zur „Neuen Zeit“ 18. Januar 1908). Въ виду того значенія, которое при формулировкѣ цѣлей войны получаютъ для соціалъ-демократіи понятіе національности и пониманіе національной политики, я долженъ еще разъ вернуться къ этимъ вопросамъ, прежде чѣмъ закончу мои основныя соображенія о самоопредѣленіи націй.

Я понимаю національность, какъ *языковую общность*, а современную національность, какъ порожденную современнымъ обмѣномъ общность *литературнаго языка* (Schriftsprache). Значеніе національности по моему заключается въ значеніи языка народной массы для общественной, а значитъ и политической жизни, въ особенности для демократіи.

Бауэръ отвергаетъ пониманіе національности, какъ языковой общности. Но его ссылка на англичанъ и ирландцевъ, на хорватовъ и сербовъ, говорящихъ на одинаковомъ языкѣ, но чувствующихъ себя различными національностями, не доказательна. И здѣсь и тамъ имѣются историческія причины раздѣленія, препятствующія выявленію языковой общности въ качествѣ единства національнаго. По мѣрѣ исчезновенія этихъ историческихъ традицій языковое единство станетъ ощущаться, какъ національное. Мы въ другой разъ надѣемся вернуться къ этому, а также и къ евреямъ,

---

[1]) Есть русскій переводъ М. Панина съ предисловіемъ Х. Житловскаго, СПБ. 1909, изд. „Серпъ“.

на которыхъ Бауэръ ссылается какъ на національность, несмотря на то, что они не образуютъ языковаго единства. Онъ не говоритъ, что они являются современною національностью. Его исходная точка зрѣнія абсолютно отлична отъ моей. Онъ пытается найти понятіе націи вообще, но не понятіе современной національности.

Для Бауэра нація есть „общность характера, выростающая на почвѣ общности судьбы“. Въ качествѣ таковой она является культурной общностью или единствомъ. Всякая нація представляетъ особую культуру. Человѣкъ становится культурнымъ лишь путемъ вхожденія въ „культурную общность“.

„Рабочій классъ знаетъ, что, какъ бы велики ни были успѣхи его борьбы, онъ въ капиталистическомъ обществѣ никогда не достигнетъ полнаго обладанія *національной* культурой. Лишь соціалистическое общество сдѣлаетъ національную культуру достояніемъ всего народа и тѣмъ самымъ превратитъ весь народъ въ націю. Поэтому всякая эволюціонно-національная политика является по необходимости соціалистической политикой“ (стр. 164).

Но что же такое „эволюціонно-національная“ политика? Это понятіе должно выясниться изъ слѣдующихъ разсужденій:

„Національной политикой можно назвать планомѣрное сотрудничество съ цѣлью вовлечь весь народъ въ національную культурную общность, опредѣлить его при помощи національной культуры и тѣмъ превратить его въ общность національнаго характера. Дабы отличить ее отъ консервативно-національной политики (стремящейся сохранить въ неприкосновенности традиціонное своеобразіе націи), я ее называю эволюціонно-національной политикой. Она можетъ называться эволюціонной, ибо она порываетъ съ представленіемъ, будто нашей задачей является сохранить въ неприкосновенности исторически возникшее своеобразіе націи; она противоставляетъ этому неправильному предста-

вленію другое развитіе, эволюцію національнаго характера" (стр. 160).

Это развитіе отнюдь не означаетъ, однако, по взгляду Бауэра, увеличивающееся сближеніе своеобразій различныхъ націй, но скорѣе нѣчто обратное.

„Тотъ фактъ, что соціализмъ дѣлаетъ націю автономной, а ея судьбу—плодомъ ея сознательной воли, приводитъ къ растущей дифференціаціи (различенію) націй въ соціалистическомъ обществѣ, къ болѣе яркому выраженію ихъ своеобразій и болѣе отчетливому разграниченію ихъ характеровъ" (стр. 105).

„Вовлеченіе всего народа въ національно-культурную общность, завоеваніе націей полнаго самоопредѣленія, растущее различеніе (дифференціація) націй—вотъ что означаетъ соціализмъ" (стр. 108).

Итакъ, у Бауэра соціализмъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ самымъ рѣзкимъ подчеркиваніемъ національности. Изъ этого можно вывести нѣкоторыя слѣдствія, которыхъ самъ Бауэръ отклонилъ бы, но которыя не находятся въ противорѣчіи съ самымъ ходомъ мыслей, если взять его въ буквальномъ смыслѣ.

Разсмотримъ прежде всего второй изъ трехъ пунктовъ изъ даннаго здѣсь Бауэромъ опредѣленія соціализма: „завоеваніе націей *полнаго* самоопредѣленія".

„Соціализмъ даетъ націи автономію, самоопредѣленіе дальнѣйшаго развитія ея культуры" (стр. 103).

Это должно произойти такимъ образомъ, что при соціализмѣ регулировка хозяйственной жизни

„станетъ сознательнымъ дѣйствіемъ организованнаго общества. Общество опять беретъ на себя воздѣйствіе на характеръ націи и опредѣленіе судебъ этого характера, будущая исторія народа становится произведеніемъ его сознательной воли. Такимъ образомъ нація будущаго сможетъ совершить то, что нація товаропроизводящаго общества никоимъ образомъ не можетъ: воспитывать самое себя и ковать свою собственную судьбу" (стр. 105).

Здѣсь національность приводится въ необходимую связь съ соціализмомъ лишь благодаря тому, что она разсматривается какъ равнозначная обществу. Фактически же она составляетъ лишь часть современнаго общества. Правда, общество, какъ таковое, до сихъ поръ не располагаетъ органами, которыми пролетаріатъ могъ бы овладѣть въ цѣляхъ приспособленія ихъ къ соціалистическому производству. Но и національность не обладаетъ такими органами. *Государственная власть* является той крупной силой, которая одна лишь въ состояніи замѣнить капиталистическое производство общественнымъ. То, что Бауэръ говоритъ здѣсь о націи, относится, такимъ образомъ, только къ государству, которое отнюдь не равнозначно національности. Однако, отдѣльное государство ни въ коемъ случаѣ не сможетъ поступить при этомъ по своему благоусмотрѣнію. Міровое хозяйство привело отдѣльныя государства въ тѣснѣйшую экономическую взаимозависимость. Если еще существовали люди, сомнѣвавшіеся въ этомъ, то міровая война уже втемяшила имъ это въ голову. Взаимной экономической зависимости соотвѣтствуетъ и политическая зависимость. Такое событіе, какъ завоеваніе политической власти пролетаріатомъ, не можетъ произойти въ одномъ государствѣ безъ того, чтобы всѣ государства культурнаго міра не пришли въ величайшее смятеніе и въ случаѣ удачи не послѣдовали поданному примѣру. Уже въ 1848 г. революція была международнымъ явленіемъ. Съ другой стороны, уже и нынѣ классовая борьба пролетаріата можетъ вестись успѣшно только на международной почвѣ. Эта борьба съ необходимостью порождаетъ международныя организаціи, которыя по мѣрѣ приближенія къ побѣдному концу будутъ становиться все сильнѣе и прочнѣе.

Такимъ образомъ соціалистическая организація производства, если она въ началѣ даже и будетъ создана властью отдѣльнаго государства, все же въ существѣ своемъ будетъ носить международный характеръ. Въ

качествѣ „сознательнаго дѣла организованнаго общества“ организація эта будетъ дѣломъ не отдѣльнаго, изолированнаго государства, а тѣмъ менѣе изолированной національности, но дѣйствіемъ соединенныхъ штатовъ культурнаго міра. Постольку соціализмъ положитъ конецъ суверенитету отдѣльныхъ государствъ, а также и „полному самоопредѣленію націй“. Мы требуемъ этого самоопредѣленія въ противовѣсъ властителямъ, порабощающимъ народы, а также и въ отношеніи одной національности къ другой. Соціализмъ въ равной мѣрѣ долженъ требовать и равноправія индивидовъ и равноправія націй и, подобно тому, какъ онъ борется противъ порабощенія и эксплоатаціи одного индивида другимъ, точно такъ же онъ долженъ бороться противъ порабощенія и эксплоатаціи одной націи другой. Но это отнюдь не означаетъ, что соціализмъ провозглашаетъ полное самоопредѣленіе индивида по отношенію къ обществу. То же относится и къ національности.

То, что Бауэръ въ приведенныхъ выше разсужденіяхъ говоритъ о національности, относится не къ ней, а частью къ обществу, частью—къ государству.

Если съ предыдущимъ трудно согласиться, то это еще больше относится къ доказательствамъ Бауэра въ пользу третьяго изъ трехъ изложенныхъ имъ слѣдствій соціализма касательно націи: возрастающей дифференціаціи, т.-е. различенія націй. Онъ и самъ допускаетъ, что этотъ его взглядъ можетъ показаться неожиданнымъ. На самомъ дѣлѣ почти всѣ признаютъ, что растущій обмѣнъ между націями все болѣе стираетъ ихъ своеобразіе. Этотъ фактъ уже съ давнихъ поръ констатируется во всѣхъ концахъ земли, отвоеванной міровымъ рынкомъ,—не всегда съ удовольствіемъ, чаще всего съ досадой и заботой о томъ, что міръ становится все однообразнѣе. И самъ Бауэръ подтверждаетъ, что

„не подлежитъ сомнѣнію, что въ соціалистическомъ обществѣ уравнится матеріально-культурное содержаніе различныхъ національныхъ культуръ... Современный

капитализмъ научилъ націи учиться другъ у друга; всякое техническое завоеваніе въ нѣсколько лѣтъ становится достояніемъ всего міра, всякое измѣненіе права подвергается изученію и подражанію со стороны сосѣднихъ народовъ, всякое направленіе въ наукѣ и искусствѣ вліяетъ на культурные народы всего міра. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что соціализмъ необычайно усилитъ эту космополитическую тенденцію нашей культуры".

Но тогда откуда же взяться растущей дифференціаціи націи? Она касается какъ бы только духовнаго бытія народовъ, духовной культуры, которая, такимъ образомъ, идетъ какъ бы по совершенно иному пути, чѣмъ матеріальная культура.

Требовалось бы привести очень сильное доказательство, чтобы убѣдить насъ въ правильности этого взгляда, столь рѣзко противорѣчащаго какъ очевидности, такъ и нашему теоретическому мышленію.

Доказательство свое Бауэръ черпаетъ изъ консервативнаго характера англичанъ. Одну изъ причинъ этого характера Бауэръ усматриваетъ въ „старой англійской демократіи". Въ противоположность абсолютизму демократія-де является консервативной:

„Деспотъ можетъ въ кратчайшее время распространить новыя идеи въ своей странѣ, его сегодняшній капризъ становится на завтра модой во всѣхъ замкахъ страны, его сегодняшняя воля завтра становится закономъ всей страны. Совершенно иначе дѣло обстоитъ въ демократіи. Въ демократической странѣ новизна можетъ утвердиться только путемъ привлеченія каждаго отдѣльнаго гражданина государства, который ее усваиваетъ и пріобрѣтаетъ, только черезъ волю милліоновъ отдѣльныхъ лицъ, новая идея становится общей волей страны—это, разумѣется, путь прогресса, гораздо болѣе медленный, но за то и несравненно болѣе прочный"...

Это будто бы подавно относится къ соціализму.

„Новыя мысли только въ томъ случаѣ получатъ признаніе въ соціалистическомъ обществѣ, если онѣ

будутъ восприняты каждымъ отдѣльнымъ членомъ народа, ставшимъ, въ силу соціалистическаго національнаго воспитанія, высокоразвитою личностью, обладающею всей національной культурой. А это означаетъ, что ни одна новая мысль не воспринимается просто, но что она, будучи воспринята, подлежитъ приспособленію ко всему духовному бытію милліоновъ индивидовъ. Подобно тому, какъ индивидъ не просто, не механически присоединяетъ что-либо новое къ своему духовному бытію, а усваиваетъ его, растворяетъ въ своей личности, духовно перевариваетъ, апперципируетъ его, точно такъ же и цѣлая нація не перейметъ ничего новаго механически, а приспособитъ его ко всему своему бытію, измѣнитъ, переработаетъ его въ процессѣ воспріятія милліонами головъ. Благодаря этому великому факту національной апперцепціи каждая мысль, заимствуемая одной націей у другой, всегда должна быть приспособлена ко всему національному духу націи, измѣнена ею раньше, чѣмъ быть принятой націею... Поэтому автономія національной культурной общности въ соціалистическомъ обществѣ неизбѣжно означаетъ растущую дифференціацію духовной культуры націй" (стр. 106 и 108).

Допустивъ покамѣстъ, что духовная жизнь демократіи и соціализма изображена здѣсь вполнѣ правильно, мы, однако, никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, что изъ этого вытекаетъ необходимость „возрастающей дифференціаціи духовной культуры націй". Оказалось бы развѣ лишь, что при соціализмѣ *уравненіе* національныхъ различій, проистекающее отъ возрастающаго оборота, *замедляется*, что этотъ процессъ совершается медленнѣе, чѣмъ въ современномъ обществѣ. Но вѣдь это же совершенно не означаетъ, что процессъ этотъ долженъ пойти по прямо-противоположному направленію. Если всякая чужая мысль усваивается и перерабатывается соотвѣтственно національному своеобразію, то это еще не означаетъ, что это своеобразіе развивается

дальше въ направленіи, все болѣе отдаляющемся отъ природы другихъ націй. Изъ *консервативнаю* характера демократіи и соціализма (именно въ соціалистическомъ обществѣ, а не въ наши дни, когда соціализмъ выдвигаетъ революціонные принципы) могло бы проистечь только *консервированіе,* сохраненіе, но отнюдь не *дифференціація,* не возрастающее различеніе національнаго своеобразія.

Но почему же демократія должна быть особенно консервативной? Бауэръ приводитъ въ пользу этого единственное доказательство: Англію и ея старинную демократію. Но развѣ Англія всегда была консервативной въ своемъ мышленіи? До реформаціи она въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличается отъ другихъ странъ. Во время реформаціи и даже еще революціи Кромвеля Англія по своему новаторскому духу была столь смѣла, что она ни однимъ народомъ еще не была превзойдена. Слѣдовательно, ея консервативный характеръ питается не „старинною демократіею“ ея, но особыми, новѣйшими обстоятельствами. Я вижу причину этого въ томъ именно, что Англія, благодаря цѣлому ряду условій, на которыхъ здѣсь не мѣсто останавливаться, пришла раньше къ своей буржуазной революціи, чѣмъ другія государства, въ то время, когда церковь и феодализмъ еще не изжили себя окончательно. Поэтому англійская революція не оказалась всепроникающей, она закончилась компромиссомъ и съ тѣхъ поръ компромиссъ сталъ правиломъ англійской политики. При этомъ буржуазія вступила въ ряды господствующихъ и, тѣмъ самымъ, консервативныхъ классовъ въ то время, когда феодальныя и церковныя формы мышленія продолжали господствовать надъ умами.

Англія нисколько не говоритъ въ пользу консервативнаго характера демократіи.

Разумѣется, что Бауэръ пытается найти и теоретическое объясненіе тому, что демократія является и должна являться консервативной. Здѣсь мы приходимъ

къ самому поразительному мѣсту всего поражающаго хода его доказательствъ. Повторимъ еще разъ слова Бауэра:

„Деспотъ можетъ въ кратчайшее время распространить новыя идеи въ своей странѣ, его сегодняшній капризъ становится на завтра модой во всѣхъ замкахъ страны, его сегодняшняя воля завтра становится закономъ всей страны. Совершенно иначе дѣло обстоитъ въ демократіи. Въ демократической странѣ новизна можетъ утвердиться только путемъ привлеченія каждаго отдѣльнаго гражданина государства, который ее усваиваетъ и пріобрѣтаетъ, только черезъ волю милліоновъ отдѣльныхъ лицъ новая идея становится общей волей страны—это, разумѣется, путь прогресса, гораздо болѣе медленный".

Нѣтъ, это отнюдь не разумѣется. Правда, демократическій путь оказался бы гораздо болѣе медленнымъ, если бы новизна для того, чтобы утвердиться, должна была бы переходить *отъ одного къ другому* среди милліоновъ людей, пока не дойдетъ до послѣдняго члена общенія. Если бы дѣло обстояло такъ, то страна оказывалась бы тѣмъ болѣе передовой, чѣмъ она меньше, Санъ-Марино съ его 11.000 жителей оказалось бы гораздо доступнѣе прогрессу, чѣмъ Сѣв.-Ам. Соединенные Штаты съ ихъ 100.000.000 ел. Но въ томъ-то и дѣло, что новизна приступаетъ въ демократіи одновременно ко всѣмъ гражданамъ, и ничто не мѣшаетъ тому, чтобы всѣ они сразу оказались столь же быстро охваченными ею, какъ отдѣльный деспотъ. Овладѣваетъ ли новизна и насколько именно отдѣльнымъ человѣкомъ, будь то деспотъ или гражданинъ демократіи, зависитъ отъ тѣхъ условій, въ которыхъ онъ живетъ, отъ полученнаго образованія, отъ средствъ его освѣдомленія и въ немалой степени отъ того, насколько, съ точки зрѣнія его—личныхъ и классовыхъ—интересовъ, новизна кажется ему желанной или подозрительной или даже гибельной. Крестьянская демократія

отнесется совершенно иначе къ новизнѣ, чѣмъ демократія промышленнаго пролетаріата. Съ другой стороны, деспотъ можетъ оказаться гораздо благосклоннѣе къ идеѣ новаго налога, чѣмъ демократія, а къ идеѣ парламентарной конституціи онъ останется глухимъ, не взирая на всякія проповѣди и продолжительные уговоры, между тѣмъ какъ демократія воспримете эту новую идею съ молніеносной быстротой.

Такимъ образомъ совершенно невидно, почему демократія въ самомъ существѣ своемъ должна быть консервативнѣе деспотіи.

Способъ доказательства Бауэра не улучшается тѣмъ, что Бауэръ приравниваетъ двѣ вещи, подлежащія строгому различенію. Рѣчь здѣсь идетъ о національной *духовной культурѣ*, а Бауэръ тутъ же рядомъ говоритъ о *волѣ*, превращающейся въ *законѣ* страны. Нельзя, конечно, сомнѣваться въ томъ, что въ деспотически управляемой странѣ *изданіе закона* является гораздо болѣе простымъ актомъ, чѣмъ въ демократіи. Въ первой всякій капризъ государя тотчасъ же становится закономъ, но становится ли тѣмъ самымъ монаршій капризъ однимъ изъ двигателей духовной культуры народа? Этого Бауэръ, какъ хорошій марксистъ, навѣрное утверждать не станетъ. Онъ спасается ссылкой на то, что монаршій капризъ на другой день становится модой во всѣхъ замкахъ страны. Но замки и дворцы не нація, и мода не духовная культура, а развѣ только ея внѣшній лоскъ. И затѣмъ даже и монархъ-индивидъ не составляетъ изъятія изъ закона, дѣйствующаго для всякаго индивида, — закона о связанности индивида окружающей его средой. Пусть деспотъ воображаетъ, что мода въ замкахъ есть продуктъ его каприза. Внимательный же изслѣдователь обнаружитъ, что этотъ капризъ есть продуктъ моды замковъ, по крайней мѣрѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ между замками и монархомъ существуетъ тѣсная связь. А тамъ, гдѣ нѣтъ этой связи, гдѣ они вра-

ждуютъ, капризъ одного не опредѣляетъ моды другихъ. Но если мы отъ моды замковъ перейдемъ къ подлинной духовной культурѣ націи, то для этой послѣдней и при деспотіи, и при демократіи существуетъ только одинъ путь усвоенія новыхъ идей, — это путь, по которому новыя идеи должны быть усвоены каждымъ отдѣльнымъ членомъ націи. Въ этомъ деспотія ничѣмъ не отличается отъ демократіи, отличается же деспотія тѣмъ, что она затрудняетъ новымъ идеямъ доступъ къ націи и, слѣдовательно, дѣйствуетъ задерживающе, консервативно.

Само собой разумѣется, что при капиталистическомъ строѣ и деспотія должна развить обмѣнъ, если она не хочетъ экономически погубить государство и сдѣлать его небоеспособнымъ въ военномъ отношеніи. Царствуетъ ли деспотія или демократія,—чѣмъ оживленнѣе обмѣнъ, тѣмъ сильнѣе взаимное воздѣйствіе одной націи на другую, тѣмъ сильнѣе онѣ сближаются не только въ матеріальной, но и въ духовной культурѣ.

Бауэръ долженъ былъ бы привести сильнѣйшее доказательство для того, чтобы поколебать убѣдительность этого общаго наблюденія. На самомъ дѣлѣ по этому пункту его доказательства чрезвычайно слабы въ противоположность бо́льшей части его книги.

Но какъ бы слабы ни были его доказательства, чего желаешь, въ то охотно вѣришь и поэтому взглядъ на растущую дифференціацію націй быстро нашелъ откликъ у націоналистически мыслящихъ соціалистовъ. Давидъ защищаетъ тотъ же взглядъ въ своей книгѣ „Соціалъ-демократія въ міровой войнѣ“ (Берлинъ 1915, стр. 190). Взглядъ этотъ таитъ въ себѣ серьезную опасность для интернаціональнаго мышленія. Въ самомъ дѣлѣ, если въ будущемъ націи все болѣе и болѣе дифференцируются, все рѣзче размежевываются, то не противорѣчитъ ли стираніе ихъ своеобразія и ассимиляція нѣкоторыхъ частей народа ходу общественнаго развитія?

И если соціализмъ равнозначущъ съ полнымъ самоопредѣленіемъ націй, и если культура постижима для народной массы только въ качествѣ *національной* культуры, то не должна ли національность стать центромъ соціалистическаго интереса?

Вспомнимъ слова Бауэра:

„Вовлеченіе всего народа въ національно-культурную общность, завоеваніе націей полнаго самоопредѣленія, растущее различеніе націй — вотъ что означаетъ соціализмъ".

О полномъ самоопредѣленіи и растущей дифференціаціи націй мы уже говорили. Посмотримъ теперь, какъ дѣло обстоитъ съ національной культурной общностью.

7. Національность и культура.

Мы уже выше отмѣтили, что для Отто Бауэра національность является не языковой общностью, но общностью характера и культуры, вырастающей на почвѣ общности судьбы.

Изъ общности судьбы у него непосредственно вырастаетъ общность характера, правда, общность характера особаго рода. Другою общностью характера является, по его словамъ, классъ. Каждый классъ отличается особымъ своеобразіемъ, остающимся одинаковымъ въ различнѣйшихъ странахъ, и отличающимъ его отъ другихъ классовъ. Это своеобразіе покоится на *однородности*, но не на *общности* судьбы. Англійскіе и нѣмецкіе рабочіе находятся въ одинаковомъ классовомъ положеніи, но у нихъ нѣтъ общности судьбы, ибо они непосредственно не соприкасаются, говоря на различныхъ языкахъ. Напротивъ того, англійскіе рабочіе и англійскіе капиталисты говорятъ на одинаковомъ языкѣ и, благодаря этому, могутъ непосредственно общаться.

„Итакъ, то, что между членами одной и той же націи существуетъ общность сношеній (Verkehrsgemeinschaft),

постоянное взаимодѣйствіе на почвѣ посредственнаго и непосредственаго общенія,—все это отличаетъ націю отъ классовой общности характера" (стр. 113).

Нѣсколькими страницами далѣе мы читаемъ:

„Дитя съ самаго рожденія подвержено дѣйственнымъ вліяніямъ существующаго общества, съ его хозяйственнымъ укладомъ, правомъ и духовной культурой. Но и здѣсь общность характера поддерживается лишь безпрерывной общностью сношеній. Великимъ орудіемъ этихъ сношеній служитъ *языкъ*: онъ—орудіе воспитанія, орудіе всевозможнаго хозяйственнаго и духовнаго общенія. Предѣлы культурнаго вліянія простираются такъ далеко, какъ далеко идетъ возможность пониманія даннаго языка. Общность сношеній тѣсна лишь постольку, поскольку велика общность языка. Общность сношеній и языкъ взаимно обуславливаютъ другъ друга" (стр. 115).

Бауэръ пошелъ здѣсь по пути, наиболѣе пригодному для познанія національности, какъ языковой общности. Но онъ не идетъ дальше по этому пути, а сворачиваетъ съ него въ поискахъ за общностью національнаго характера.

Мнимый источникъ этой общности, общность судьбы, на дѣлѣ оказалась общностью общенія. Но изъ этой послѣдней ни въ коемъ случаѣ не должна неизбѣжно проистечь общность характера. Въ особенности, когда рѣчь идетъ о враждебныхъ сношеніяхъ, каковыми является классовая борьба. Постоянное и длительное совпаденіе характеровъ различныхъ индивидовъ проистекаетъ не изъ общности сношеній, но изъ однородности условій, при которыхъ эти индивиды живутъ. Рядомъ съ условіями жизни, свойственными лишь одному классу, существуютъ условія, воздѣйствующія на всѣ классы опредѣленной области и придающія постояннымъ жителямъ ея особыя черты характера, которыя, въ концѣ концовъ, стремятся стать наслѣдственными. Вѣчно голубое небо Сициліи точно такъ же

дѣйствуетъ на всѣхъ жителей этого острова, какъ туманы и безконечныя зимнія ночи Норвегіи дѣйствуютъ на буржуа не меньше, чѣмъ на рабочихъ этой страны. Но эта однородность характера, вытекающая изъ однородности условій жизни, скажется какъ національный характеръ развѣ только у малыхъ націй, населяющихъ небольшія области. Она носитъ скорѣе характеръ мѣстной или областной особенности.

То же относится и къ неприроднымъ, но исторически возникшимъ длительнымъ условіямъ жизни нѣкоторыхъ областей.

Уже въ 1908 г. я, въ моей рецензіи на книгу Бауэра, замѣтилъ:

„Гдѣ цѣлая нація живетъ при одинаковыхъ условіяхъ, она разовьетъ національный характеръ. Но объ этомъ тѣмъ меньше можетъ идти рѣчь, чѣмъ разнообразнѣе тѣ обстоятельства, при которыхъ живутъ отдѣльные члены націи; чѣмъ различнѣе, напр., географическія условія—какъ-то: равнинность и гористость, береговая полоса и внутреннія области; чѣмъ совершеннѣе раздѣленіе труда и классовъ, какъ-то: сельское хозяйство и промышленность, крупные города и деревни, образованные и необразованные и т. д.; чѣмъ, наконецъ, различнѣе темпъ общественнаго развитія для отдѣльныхъ частей націи, что можетъ, напр., привести къ тому, что нѣкоторые слои націи живутъ въ полуфеодальномъ бытѣ, другіе же выявляютъ высокоразвитый, капиталистическій способъ производства“. („Nationalität und Internationalität“, стр. 5).

Далѣе я показываю разнообразіе условій, при которыхъ живетъ нѣмецкая нація, и спрашиваю:

„Гдѣ же при такихъ условіяхъ можетъ существовать національный характеръ, отличающій нѣмецкую націю отъ другихъ? Является ли представителемъ его прирейнскій или верхне-баварскій нѣмецъ? Голштинецъ или вѣнецъ? Типиченъ ли тутъ Фаустъ или Карлъ Мооръ? Бисмаркъ или дядя Брезигъ?“

Эта неуловимость національнаго характера сбила уже не одного изслѣдователя съ толку. Она находитъ комичное выраженіе въ „патріотическихъ размышленіяхъ“ Зомбарта, озаглавленныхъ „Händler und Helden“ („Торгаши и герои“), — въ книжкѣ, которой — среди всѣхъ смѣхотворно-поверхностныхъ твореній нашей профессуры за время войны — принадлежитъ пальма первенства.

Торгаши — это англичане, герои — нѣмцы.

Зомбартъ слѣдующимъ образомъ пытается опредѣлить „нѣмецкій духъ“.

Мы знаемъ, что Фридрихъ Ницше, въ самомъ цѣнномъ, что онъ далъ, можетъ почитаться роднымъ въ равной мѣрѣ и въ Потсдамѣ, и Веймарѣ [1]), въ этихъ обоихъ очагахъ нѣмецкаго духа. (Они лежатъ въ центрѣ Германіи, периферическіе концы которой образуютъ Кенигсбергъ и Вѣна).

Но развѣ нѣмецкій духъ есть нѣчто однородное, могущее быть обозначеннымъ однимъ словомъ? Перечисленіе рядомъ съ указанными четырьмя городами хотя бы только Виттенберга и Гамбурга, Кельна и Мюнхена можетъ, пожалуй, сдѣлать безнадежной всякую попытку однозначно опредѣлить сущность нѣмецкаго духа.

Ранке какъ-то разъ воскликнулъ: „Кто могъ бы облечь въ понятіе или въ слова то, что есть „нѣмецкое“? Кто можетъ назвать по имени его, генія нашихъ вѣковъ, минувшихъ и грядущихъ? Мы создали бы лишь фантомъ, манящій насъ на невѣдомыя скалистыя тропы.

Нѣмцы „ускользаютъ отъ всякаго опредѣленія и

---

[1]) Потсдамъ, какъ давнишняя резиденція прусскихъ королей, является какъ бы воплощеніемъ реакціонной силы Германіи; Веймаръ какъ бы воплощаетъ духовныя силы нѣмецкаго народа, ибо въ немъ жили, работали и общались величайшіе умы и таланты Германіи, въ томъ числѣ Гете, Шиллеръ, а также и Ницше.

Прим. ред. пер.

уже по этому одному составляютъ проклятіе французовъ", говоритъ Ницше, который считалъ показательнымъ для нѣмцевъ то, что у нихъ никогда не умолкаетъ вопросъ: „Что есть нѣмецкое?"—„Was ist deutsch?". И, быть можетъ, единственное, что повторяется во всемъ нѣмецкомъ — это вѣчная измѣнчивость, постоянное инобытіе, вслѣдствіе чего нѣмецъ, собственно говоря, никогда не есть, но вѣчно становится, безконечное многообразіе, неисчерпаемое богатство единственности и особности, „нутро — Abyssus — индивидуальности", выражаясь выспреннимъ языкомъ романтиковъ".

Это нѣсколько напоминаетъ то опредѣленіе Господа-Бога, которое Фаустъ далъ Гретхенъ:

Чувство — все;
Имя-жъ — дымъ и звукъ пустой.

И на самомъ дѣлѣ Зомбартъ слѣдующимъ образомъ говоритъ о божественныхъ свойствахъ нѣмцевъ:

„Самое лучезарное своеобразіе нашего мышленія состоитъ въ томъ, что мы уже на сей грѣшной землѣ возсоединяемся съ божествомъ (стр. 63).

Такъ мы, нѣмцы, въ наше время и должны пройти по всему свѣту съ гордо поднятой главой и съ неколебимымъ чувствомъ, что мы—божій народъ. Подобно тому, какъ нѣмецкая птица — орелъ - летитъ выше всякой твари земной, такъ и нѣмецъ долженъ чувствовать себя превыше всякихъ народовъ, окружающихъ его, и взирать на нихъ съ безграничной высоты" (стр. 143).

Вотъ какова „нѣмецкая птица". Несмотря на все это сверхчеловѣчество, Зомбартъ все же считаетъ возможнымъ опредѣлить нѣмца. Правда, онъ намъ не говоритъ, что означаетъ Веймаръ и Потсдамъ. При всей выспренности онъ не вздумаетъ утверждать, что каждый нѣмецъ наполовину Гете, наполовину Фридрихъ II. Безспорно то, что во времена Гете даже и на веймарской сценѣ господствовалъ не самъ Гете, а Ко-

цебу [1]). А въ Потсдамѣ навѣрное чаще попадаются капралы, чѣмъ таланты размѣровъ Фридриха II. Все же Зомбартъ не согласится съ тѣмъ, что нѣмецъ наполовину провинціалъ типа Коцебу, наполовину прусскій капралъ.

Два признака, по его мнѣнію, безошибочно опредѣляютъ нѣмецкій духъ: во-первыхъ „единодушное отклоненіе всего того, что хотя бы отдаленно напоминаетъ англійское или вообще западно-европейское мышленіе и чувствованіе“ (стр. 55).

Но, къ сожалѣнію, Зомбартъ не можетъ отрицать того, что нѣкоторые нѣмцы думаютъ иначе и что нѣкоторые англичане почитаются и въ Германіи. Но это происходитъ отъ того, что либо первые не настоящіе нѣмцы, либо вторые не подлинные англичане.

Второю характерною чертою нѣмцевъ является для Зомбарта милитаризмъ.

Онъ смѣется надъ „благонамѣренными иностранцами“, желающими освободить Германію отъ милитаризма:

„Нѣкоторые хотѣли бы насъ освободить отъ нашего императора... какъ будто всѣ эти учрежденія являются чѣмъ-то внѣшнимъ, тяготѣющимъ надъ нѣмецкимъ народомъ, подобно ослиной ношѣ. Слѣдовало бы вмѣсто этого понять, что всѣ внѣшнія проявленія общественной и государственной жизни суть только необходимыя излученія духа, одушевляющаго народъ“ (стр. 83).

Зомбартъ правильно опредѣляетъ милитаризмъ, какъ „первенство военныхъ интересовъ въ странѣ... Все, что относится къ военнымъ дѣламъ, пользуется у насъ преимуществомъ... Всѣ другія отрасли народной жизни на службѣ у военныхъ интересовъ. Въ частности имъ подчинена и хозяйственная жизнь“.

Это и опредѣляетъ „нѣмецкій духъ“.

---

[1]) Незначительный нѣмецкій драматургъ реакціонной окраски. *Прим. ред. пер.*

„Можетъ ли нѣмецкій милитаризмъ быть чѣмъ-нибудь инымъ, чѣмъ тотъ нѣмецкій духъ, съ которымъ мы ознакомились? Это тотъ же нѣмецкій духъ въ его, если можно такъ выразиться, живой дѣйственности, въ его выявленіи во внѣшнихъ формахъ жизни... Милитаризмъ — это обнаруженіе нѣмецкаго геройства... Милитаризмъ — это геройскій духъ, возведенный въ степень воинскаго духа. Онъ—Потсдамъ и Веймаръ въ ихъ высшемъ объединеніи. Онъ — „Фаустъ“ и „Заратустра“ и партитура Бетховена въ окопахъ. Ибо и „Eroica“, и увертюра къ Эгмонту — подлиннѣйшій милитаризмъ“ (стр. 84, 85).

Мы потому подробнѣе остановились на этихъ глубокомысленныхъ „патріотическихъ разсужденіяхъ“, что думаемъ, что такое уклоненіе въ сторону можетъ только нѣсколько разсѣять трагизмъ нашего времени, а не потому, что мы надѣялись почерпать тутъ какое-либо разъясненіе по поводу нѣмецкаго національнаго характера. Заслуживаютъ вниманія лишь первыя фразы, цитированныя изъ книги Зомбарта. Въ нихъ хорошо выясняется невозможность безспорнаго установленія нѣмецкаго національнаго характера и правильно намѣчается, что всѣ особые характерные признаки, разсматриваемые, какъ нѣмецкіе, на самомъ дѣлѣ носятъ лишь мѣстный или областной, но не національный характеръ.

То же самое относится и ко всякой другой націи и въ тѣмъ большей степени, чѣмъ она многочисленнѣе, чѣмъ разнообразнѣе населяемая ею территорія, чѣмъ развитѣе ея экономическая жизнь въ цѣломъ и неравномѣрнѣе экономическая жизнь отдѣльныхъ ея частей. То, что объединяетъ націю и отмежевываетъ ее отъ другихъ, это не общій національный характеръ, но общность языка.

Тамъ, гдѣ рядомъ, въ одинаковыхъ условіяхъ, живутъ двое, — члены двухъ различныхъ національностей, оба обнаруживаютъ одинаковыя черты характера. Самъ

Бауэръ замѣчаетъ, что не совсѣмъ неправильно, когда говорятъ, что чехи — это нѣмцы, говорящіе по-чешски (стр. 118).

Но если національный характеръ относится къ тѣмъ фантомамъ, которые расплываются въ воздухѣ, если къ нимъ пристально присмотрѣться, то „національная культура“ раздѣляетъ съ нимъ ту же участь. Мы вѣдь уже видѣли, что и Бауэръ понимаетъ международный характеръ современной культуры. Она является не національной, но европейской культурой, что не должно означать, что она ограничивается Европой, а что Европа служитъ той исходной точкой, изъ которой она излучается по всѣмъ странамъ свѣта. Это относится не только къ матеріальной, но и къ духовной культурѣ. Ни одно великое изобрѣтеніе не можетъ быть сдѣлано націей, ни одна великая мысль не можетъ быть выражена на какомъ-либо языкѣ и удостоиться вниманія безъ того, чтобы тотчасъ же это не было сообщено всѣмъ націямъ культурнаго міра. Только дѣла, не имѣющія общаго интереса, или мало выдающіяся, ограничиваются областью той націи и языка, въ которой они возникли. Только ихъ можно было бы разсматривать, какъ „національную“ культуру. Они во всякомъ случаѣ образуютъ менѣе важную часть современной культуры.

Отто Бауэръ иначе толкуетъ понятіе національной культуры. Для него она является совокупностью всей культуры, обнаруживающейся у данной націи; не только той незначительной части культуры, которою она сама владѣетъ, но и всей той необозримой массы культурныхъ благъ, которою она владѣетъ сообща съ другими культурными націями.

Эта совокупная культура становится, по Бауэру, національной черезъ посредство той „національной апперцепціи“, съ которой мы уже выше ознакомились. Подобно тому, какъ индивидъ не воспринимаетъ цѣликомъ въ неизмѣненномъ видѣ все то, что онъ узнаетъ

отъ другихъ, но перерабатываетъ это сообразно своему прирожденному и пріобрѣтенному умственному аппарату, придавая этимъ познанному индивидуальную окраску, такъ и національность, согласно Бауэру, приспосабливаетъ, подобно индивиду, познанное своему своеобразію и этимъ придаетъ международной культурѣ національную окраску.

Но это предполагаетъ, что національность есть индивидъ съ опредѣленнымъ характеромъ. Безъ національнаго характера нѣтъ и „національной апперцепціи".

Безспорно одна и та же мысль будетъ различно перерабатываться не только различными индивидами, но и въ различной средѣ. Но только у малыхъ, простыхъ націй, не охватывающихъ различную среду, „коллективная апперцепція" приметъ національный характеръ.

И въ отношеніи къ культурѣ національность сводится къ языковой общности. Нѣтъ другого пути къ культурѣ, чѣмъ черезъ языкъ, и именно тотъ языкъ, которымъ владѣешь. Для большинства людей этимъ языкомъ служитъ языкъ, изученный съ дѣтскихъ лѣтъ въ семьѣ, черезъ посредство которой они являются членами опредѣленной національности. Чѣмъ совершеннѣе культурныя учрежденія этой національности, чѣмъ лучше устроены и легче доступны ея школы, чѣмъ освѣдомленнѣе и добросовѣстнѣе ея газеты, ея книжная литература и т. д., тѣмъ выше культура ея народныхъ массъ.

Такова связь между національностью и культурой.

Но это отнюдь еще не означаетъ, что родной языкъ служитъ единственнымъ путемъ къ культурѣ, что всякій языкъ ведетъ при этомъ одинаково далеко и что родной языкъ всегда представляетъ цѣлесообразнѣйшій путь къ культурному преуспѣянію и что, поэтому, обязанностью всякаго является придерживаться употребленія родного языка и своей національности.

Языкъ всякаго народа европейскаго культурнаго общенія служитъ посредникомъ современной культуры.

Правда, не всякій языкъ въ одинаковой степени. Экономически отсталая, отрѣзанная отъ мірового оборота малая національность не предоставитъ знающимъ исключительно ея языкъ возможности ознакомиться со столькими завоеваніями современной культуры, какъ экономически передовая національность, стоящая въ центрѣ международнаго оборота и охватывающая многочисленное населеніе.

Сравнимъ, напр., словенскій народъ, числящій приблизительно 1.300.000 душъ, почти исключительно крестьянъ, мелкихъ буржуа и пролетаріевъ, — народъ, только что начавшій созидать свою литературу и располагающій всего двумя гимназіями при отсутствіи университета, съ нѣмецкимъ народомъ, на языкѣ котораго говорятъ приблизительно 80 милліоновъ человѣкъ, съ милліонами интеллигентовъ, съ 500 гимназіями слишкомъ, 22 университетами при почти 4.000 лекторахъ и 60.000 слушателяхъ, съ литературой, искусствомъ и наукой, надъ которыми работали столѣтіями,—и станетъ ясно, что знаніе нѣмецкаго языка раскрываетъ безконечно болѣе широкій кругъ культуры, чѣмъ знаніе словенскаго. Никто не можетъ добиться полнаго обладанія современной культурой при помощи одного лишь родного языка. Чѣмъ менѣе значителенъ и болѣе отсталъ тотъ народъ, къ которому принадлежишь по рожденію, тѣмъ болѣе ограниченіе роднымъ языкомъ означаетъ ограниченіе самой культуры, ея воспріятія и даже сотрудничества въ пользу ея. Въ этомъ случаѣ обязанностью можетъ стать не ограниченіе роднымъ языкомъ, но преодолѣніе національной ограниченности при помощи многоязычности.

Съ другой стороны, культурный уровень народныхъ массъ поднимается не только отъ того, что въ школѣ и литературѣ онѣ ознакамливаются съ новыми фактами и идеями. Онъ поднимается также вмѣстѣ съ экономическою и политическою мощью массъ, съ матеріальными средствами и досугомъ, которыми онѣ

располагаютъ. Все это должно дѣйствовать совмѣстно. Бо́льшая заработная плата и сокращенный рабочій день сами по себѣ недостаточны, если они не сопровождаются растущимъ научнымъ и художественнымъ интересомъ и расширеніемъ кругозора. И наоборотъ, этотъ культурный подъемъ невозможенъ до тѣхъ поръ, пока непосильная работа и голодовка притупляютъ массы и дѣлаютъ ихъ невоспріимчивыми ко всѣмъ стремленіямъ и удовольствіямъ, кромѣ чувственныхъ.

Но это означаетъ, что культурный подъемъ пролетаріата возможенъ только при помощи классовой борьбы, а именно только при помощи тѣхъ формъ ея, которыя означаютъ не борьбу только за заработную плату, но освободительную борьбу за великія соціальныя и политическія цѣли.

Но эта борьба невозможна безъ широчайшаго международнаго общенія рабочихъ. Оно станетъ тѣмъ достижимѣе, чѣмъ распространеннѣе будетъ въ пролетаріатѣ многоязычность, чѣмъ больше каждый въ отдѣльности используетъ предоставляющуюся ему возможность изученія иностраннаго языка.

Но ближайшей и настоятельнѣйшей необходимостью является то, чтобы рабочіе одной и той же области говорили на одномъ и томъ же языкѣ, чтобы быть въ состояніи сговариваться между собой. Если рабочіе, попадая въ иноязычную среду, отмежевываются отъ нея и ограничиваются однимъ только роднымъ языкомъ, они совершаютъ тяжкій грѣхъ по отношенію къ классовой борьбѣ пролетаріата.

Потребности растущаго международнаго коммерческаго оборота, а также международной классовой борьбы и, наконецъ, возрастаніе рабочей эмиграціи—какъ внутреннихъ переселеній, такъ и полнаго выселенія,—все это быстро увеличиваетъ ряды владѣющихъ двумя, а то и нѣсколькими языками. Но тотъ, кто говоритъ на нѣсколькихъ языкахъ, не остается связаннымъ съ той національностью, къ которой онъ принадлежитъ по рожденію.

Такимъ образомъ, понятіе національной культуры не правильно даже въ томъ смыслѣ, что современная культура будто бы достижима лишь при посредствѣ родного языка, что отдѣльный человѣкъ въ своемъ счастьи и несчастьи связанъ съ родной національностью, и что будто бы только при помощи ея онъ можетъ культурно преуспѣть.

Этотъ культурный подъемъ очень далекъ отъ того, чтобы дифференцировать и рѣзче размежевать національности, наоборотъ, онъ ихъ сближаетъ, стирая ихъ своеобразіе и облегчая ассимиляцію, въ особенности членамъ малыхъ и отсталыхъ національностей. Мы уже наблюдали этотъ процессъ въ національномъ государствѣ. Онъ дѣйствуетъ на всемъ пространствѣ капиталистическаго оборота.

Соціалистическое общество не только не задержитъ этого процесса, но ускоритъ его. Уже сегодня нельзя быть образованнымъ въ полномъ смыслѣ этого слова, не владѣя нѣсколькими культурными языками. Возможность полученія высшаго образованія для народныхъ массъ пока еще закрыта. Соціализмъ предоставитъ эту возможность всякому и тѣмъ освободитъ его отъ ограниченія опредѣленнымъ языкомъ и національностью.

Тотъ же соціализмъ положитъ конецъ и всякой политикѣ національнаго угнетенія.

8. Борьба національностей и соціализмъ.

Противоположность національностей въ многонаціональномъ государствѣ не вытекаетъ изъ противорѣчія національныхъ характеровъ или національныхъ культуръ. Различіе еще далеко не означаетъ противоположности.

Національныя противорѣчія вытекаютъ изъ борьбы за рынокъ и за государственную власть. Способъ, которымъ чехи, напримѣръ, воспринимаютъ, „національно

апперципируютъ“ европейскую культуру, довольно безразличенъ для нѣмцевъ Богеміи. Но нѣмецкому журналисту въ Рейхенбергѣ совершенно не безразлично, читаетъ ли городское населеніе нѣмецкія или чешскія газеты. Нѣмецкому купцу, врачу, адвокату не безразлично, предпочитаетъ ли населеніе торговцевъ, врачей и адвокатовъ, говорящихъ по-чешски говорящимъ по-нѣмецки. Нѣмецкой буржуазіи не безразлично, имѣютъ ли ихъ подрастающія интеллигентныя силы больше видовъ на государственную и общинную службу, нежели интеллигенты, говорящіе по-чешски и т. д.

Отсюда стремленіе всякой національности овладѣть государственной властью, чтобы насильственно расширить кругъ дѣйствія собственнаго языка за счетъ суженія другого или чтобы противостать всякимъ насильственнымъ мѣрамъ подобнаго рода.

Вотъ гдѣ національная борьба заинтересовываетъ демократію, а тѣмъ самымъ и соціалъ-демократію, тутъ же скрывается и величайшее препятствіе для сближенія и ассимиляціи націй въ нынѣшнемъ государствѣ.

Помогать угнетеннымъ и не оставлять ихъ на произволъ судьбы,—такова нравственная обязанность всякаго подлиннаго демократа. Врядъ ли онъ отдѣлится отъ угнетенной національности, чтобы присоединиться къ угнетающей, даже и въ томъ случаѣ, если бы это расширило его работоспособность. Перемѣна національности получаетъ при такихъ условіяхъ характеръ беззастѣнчиваго карьеризма. Угнетеніе всегда являлось лучшимъ средствомъ крѣпче спаять данное общеніе, будь то языковая или религіозная общность, областная общность или классъ.

Если завоеватель сохраняетъ въ завоеванной области исключительное положеніе, то это оказывается лучшимъ средствомъ воспрепятствовать сліянію вновь пріобрѣтенной провинціи со всѣмъ государствомъ. Религіи, если онѣ даже находятся въ періодѣ упадка, получаютъ новую силу вслѣдствіе преслѣдованій. Этимъ

до сихъ поръ сильнѣе всего задерживалась ассимиляція евреевъ.

Это относится и къ нѣкоторымъ національностямъ. Чехи, т.-е. „нѣмцы, говорящіе по-чешски", были бы, быть можетъ, давно уже онѣмечены — вѣдь уже сто лѣтъ тому назадъ этотъ процессъ далеко зашелъ,— если бы предоставили дѣйствовать однимъ лишь потребностямъ оборота, которыя заставляютъ всякаго чеха, желающаго чего-либо достигнуть, изучить нѣмецкій языкъ. Попытка насильственно способствовать ассимиляціи помѣшала этому процессу. Борьба за чешскую національность стала для чеховъ равнозначной борьбѣ за равноправіе и демократію.

Эти помѣхи исчезаютъ въ соціалистическомъ обществѣ. Съ прекращеніемъ производства для рынка кончается и борьба за рынокъ. И государство перестаетъ быть учрежденіемъ господства. Пока оно является таковымъ, оно представляетъ враждебный демократіи элементъ, ибо демократія противорѣчитъ господству классовъ. Если въ современномъ государствѣ и существуютъ кое-какія демократическія права, то—поскольку рѣчь не идетъ объ остаткахъ первобытныхъ отношеній—это только уступки, вырванныя у государства противъ воли его. Полная и подлинная демократія не достижима въ современномъ государствѣ, здѣсь возможны только полумѣры.

Напротивъ того, пролетарское государство не можетъ существовать безъ демократіи,—для него она является не уступкой, а условіемъ существованія. Тѣмъ самымъ теряетъ свою почву борьба національностей за власть въ государствѣ. Языкъ перэстаетъ служить въ государственной жизни цѣлямъ господства, а служитъ лишь цѣлямъ управленія. Языковыя отношенія въ государствѣ начинаютъ устанавливаться исключительно согласно цѣлесообразности и потребностямъ народной массы, а не сообразно цѣлямъ господствующихъ классовъ или ихъ органовъ. Рѣшающими для языка судо-

говоренія явятся потребности правосудія, обвиняемыхъ и свидѣтелей, а не потребности судей; для языка преподаванія — потребности успѣшнаго преподаванія и самихъ учениковъ, а не учителей; для языка желѣзнодорожныхъ и т. п. учрежденій — потребности оборота, а не руководящихъ чиновниковъ. Но вмѣстѣ съ этимъ для отдѣльнаго человѣка принадлежность къ своей національности, употребленіе языка становится только вопросомъ цѣлесообразности. Каждый предпочтетъ изъ доступныхъ ему языковъ тотъ, употребленіе котораго дастъ ему наибольшее участіе въ современной культурѣ и на которомъ онъ сможетъ принести ей наибольшую пользу. Обязанность демократической солидарности, образующая нынѣ столь могучую связь для слабыхъ, угнетенныхъ національностей, перестанетъ тогда играть свою охраняющую національность роль. Такимъ образомъ ассимиляція и раствореніе не только нѣкоторыхъ языковыхъ острововъ и вкрапленныхъ національныхъ обломковъ, но и цѣлыхъ національностей пойдетъ тогда гораздо болѣе быстрымъ темпомъ.

Мы здѣсь—отчасти по поводу взглядовъ О. Бауэра—уже неоднократно останавливались на разрѣшеніи національнаго вопроса при господствѣ соціализма. Сейчасъ, когда рѣчь идетъ только о томъ, какъ должна вліять національная проблема на поведеніе Интернаціонала по отношенію къ заявленнымъ цѣлямъ войны,—этотъ вопросъ непосредственно къ намъ не относится. Но наше поведеніе въ настоящемъ не что иное, какъ подготовка къ будущему, и оно опредѣляется тѣми представленіями, которыя мы имѣемъ объ этомъ будущемъ. И если быстрое и рѣшительное движеніе въ направленіи нашей цѣли возможно только въ государствѣ съ побѣдившимъ пролетаріатомъ, то вѣдь границы между буржуазнымъ и пролетарскимъ обществомъ эластичны и мы должны помышлять о проведеніи всего того, что мы нынѣ уже можемъ осуществить. Вотъ въ

какой постоянной и необходимой связи находится наша работа настоящаго времени съ нашими великими конечными цѣлями.

Поэтому еще нѣсколько словъ о томъ, какъ мы себѣ представляемъ разрѣшеніе національнаго вопроса въ соціалистическомъ обществѣ, согласно началамъ послѣдняго.

Мы уже видѣли, что соціалистическое общество очень ослабляетъ и въ концѣ концовъ вовсе устраняетъ національныя противорѣчія, содѣйствуя этимъ устраненію нѣкоторыхъ національныхъ различій,—все это является слѣдствіемъ превращенія государства изъ учрежденія господства въ учрежденіе одного лишь управленія и слѣдствіемъ утвержденія полной демократіи, идущей рука объ руку съ устраненіемъ классовыхъ различій.

Съ другой стороны именно потребность въ демократіи дастъ сильный толчокъ въ сторону измѣненія государственныхъ границъ въ духѣ національнаго государства. Ибо демократія полнѣе всего осуществляется въ національномъ государствѣ, въ которомъ языкъ народной массы совпадаетъ съ языкомъ государства.

Но одновременно съ этимъ государственныя границы теряютъ свой прежній характеръ. Такъ какъ производство изъ частнаго превращается въ общественное, такъ какъ прибыль отдѣльнаго предпринимателя перестаетъ быть двигателемъ его, то пошлины теряютъ все свое значеніе. Пошлины эти дѣйствуютъ въ качествѣ „оборонительныхъ пошлинъ“ лишь постольку, поскольку онѣ искусственно повышаютъ прибыль на капиталъ въ „охраняемыхъ“ отрасляхъ промышленности и тѣмъ направляютъ туда капиталъ. Но вмѣстѣ съ исчезновеніемъ пошлинъ прекращается также и взаимная замкнутость государствъ, какъ искусственныхъ единствъ оборота.

При этомъ, какъ мы уже видѣли, соціализмъ явится плодомъ не обособленнаго національнаго, но интернаціональнаго (международнаго) движенія, при которомъ

исчезнетъ суверенитетъ отдѣльныхъ государствъ, которыя превратятся въ части одного великаго цѣлаго, Соединенныхъ Штатовъ Европы. При этомъ подъ Европой слѣдуетъ подразумѣвать не опредѣленную часть свѣта, а всѣ области европейской культуры. Однимъ только присоединеніемъ Англіи Соединенные Штаты Европы превратились бы въ соединенные штаты всѣхъ частей свѣта [1]).

Тѣмъ самымъ вопросъ о государственныхъ границахъ теряетъ всякое значеніе и какъ вопросъ о военной безопасности.

Отдѣльныя государства-штаты станутъ только особыми округами управленія (административными округами) съ самоуправленіемъ. Это опять-таки облегчаетъ разграниченіе по языковымъ областямъ. Лишь въ соціалистическомъ обществѣ появляется возможность настолько всесторонне осуществить національное государство, насколько природа вещей вообще позволяетъ это. Но это произошло бы одновременно съ исчезновеніемъ отдѣльнаго суверенаго государства, поэтому цѣлью этого развитія явился бы не національный суверенитетъ, а національное самоуправленіе.

Наконецъ, и національное разграниченіе административныхъ округовъ должно было бы потерять свое значеніе благодаря тому, что повышенное народное образованіе ознакомило бы всякаго, помимо родного, съ какимъ-нибудь міровымъ языкомъ, такъ что всякій могъ бы повсюду въ мірѣ устроиться и укорениться. Цѣлью соціалистическаго развитія служитъ не дифференціація, но ассимиляція національностей, не доступъ массъ къ національной культурѣ, но къ европейской культурѣ, которая все болѣе становится равнозначащей съ культурой міровой.

---

[1]) Каутскій подразумѣваетъ здѣсь присоединеніе великобританскихъ колоній въ Америкѣ, Азіи, Африкѣ и Австраліи.
Прим. ред. пер.

9. Однообразіе міровой культуры.

Страннымъ образомъ существуютъ соціалисты, страстно борющіеся противъ цѣли ассимиляціи національностей и ихъ культуръ. Прекратись, по ихъ мнѣнію, многообразіе національностей, а слѣдовательно, и языковъ, то это повело бы ко всеобщему однообразію, монотонности и духовному обѣднѣнію.

Это само по себѣ еще ничего не доказывало бы. Фабричный товаръ также гораздо однообразнѣе, нежели издѣліе ремесла или домашней промышленности, и все же было бы реакціоннымъ воспрепятствовать распространенію этихъ товаровъ.

Но вѣдь здѣсь и рѣчь-то вовсе не идетъ о томъ, что намъ угодно или не угодно. Не о томъ ставится вопросъ, нравится ли намъ или не нравится тотъ процессъ ассимиляціи націй, который вытекаетъ изъ роста международнаго оборота, а хотимъ ли мы подчиниться ему или же насильственно вмѣшаться въ него. И тутъ-то мы, въ качествѣ демократовъ, должны отклонить всякое насиліе по отношенію къ народнымъ массамъ, всякое насильственное вмѣшательство въ ихъ языковыя и религіозныя отношенія. Никто изъ-за своего языка—какъ изъ-за религіи—не долженъ быть поставленъ въ худшее положеніе въ государствѣ, нежели другіе. Но такъ же, какъ государство не охраняетъ религіи отъ добровольнаго ухода вѣрующихъ, точно такъ же государство не можетъ брать на себя охрану языка или націи отъ отпаденія ея членовъ.

Но мы, соціалисты, какъ защитники пролетаріата, должны бороться не только противъ политическаго, но и экономическаго принужденія въ пользу или во вредъ одного какого-либо языка, какъ мы боремся противъ благопріятствованія или преслѣдованія какой-либо религіи. Насъ не должно касаться, приведетъ ли этотъ нейтралитетъ къ исчезновенію того или иного языка, той или иной религіи, даже если бы мы объ этомъ результатѣ и пожалѣли.

Но намъ даже и нечего жалѣть объ исчезновеніи многоязычности.

Въ общемъ, возрастающее однообразіе и уравненіе, вызываемыя ростомъ капитализма, безусловно ничего радостнаго не представляютъ. Но Давидъ, однако, ошибается, когда онъ въ упомянутомъ мѣстѣ своей книги „Die Sozialdemokratie und der Weltkrieg“ (стр. 190) потому выставляетъ необходимость возрастающей дифференціаціи націй, что, молъ, „всякое развитіе есть утонченная дифференціація“ и что мы „видимъ въ этомъ лишь проявленіе великаго біологическаго закона“. Но здѣсь рѣчь идетъ объ обществѣ, а не о животныхъ организмахъ. Біологія сюда совершенно не относится. Тотъ, кто выводитъ свои экономическія воззрѣнія изъ развитія капиталистическаго способа производства, а не изъ развитія головастиковъ, знаетъ, что необычайный ростъ *продуктовъ* сопровождается въ капиталистическомъ строѣ возрастающимъ однообразіемъ, обѣднѣніемъ *формъ*. И эта взаимозависимость не случайная.

Большая производительность работы является при нынѣшнемъ способѣ производства результатомъ массоваго производства, которое всегда является однообразнымъ. Все однообразнѣе становятся продукты и средства производства. Среди послѣднихъ важнѣйшимъ средствомъ производства является сама природа.

Прогрессъ культуры, господство человѣка надъ природой означаетъ обѣднѣніе формъ природы, означаетъ замѣну ботаническаго многообразія дикой природы однообразіемъ обработаннаго поля; замѣну безконечнаго многообразія дикихъ звѣрей немногими видами домашнихъ животныхъ. Вплоть до появленія человѣка природа развивается въ сторону постоянно возрастающаго многообразія. Съ появленіемъ человѣка развитіе органической природы не сдѣлало никакихъ дальнѣйшихъ успѣховъ.

„Съ середины пліоценоваго періода мы не можемъ отмѣтить сколько-нибудь достовѣрное появленіе новаго вида, дилювіальный и позднѣйшій періодъ характе-

ризуются—рядомъ съ появленіемъ вида Homo Sapiens, человѣка—только вымираніемъ и обѣднѣніемъ (W. Kobelt, „Die Verbreitung der Tierwelt“, 1902, Vorwort)“.

Капитализмъ чрезвычайно усилилъ средства и стремленіе къ этому обѣднѣнію, которое принимаетъ поистинѣ устрашающіе размѣры. Среда должна воздѣйствовать на человѣка, ея обѣднѣніе формами должно постольку влечь за собою и духовное обѣднѣніе, поскольку уменьшенному многообразію среды соотвѣтствуетъ уменьшеніе числа способовъ примѣненія духовныхъ способностей человѣка.

Но существуютъ факторы, противодѣйствующіе этому. Та самая техника, которая уничтожаетъ формы природы, приводитъ къ познанію такихъ формъ, которыя совершенно недоступны пониманію человѣка природы. Техника переворачиваетъ землю, показывая человѣку богатыя формы прежняго міра; телескопъ раскрываетъ необычайныя дали, микроскопъ—невѣроятно малые міры.

Далѣе та же техника все болѣе освобождаетъ человѣка отъ борьбы за пропитаніе, даритъ ему умноженныя время и средства роскоши, а вѣдь роскошь это не что иное, какъ либо искусственно сохраненное, либо искусственно созданное многообразіе.

Роскошь обуславливается экономически. Чѣмъ выше производительная сила работы, тѣмъ больше возможности роскоши. Чѣмъ больше, такимъ образомъ, созданное экономикой однообразіе жизни, тѣмъ больше, съ другой стороны, возможность противодѣйствовать ему роскошью Роскошь противорѣчитъ экономіи и является въ этомъ смыслѣ расточительностью. Но она не должна стать безсмысленной расточительностью,—только въ безсмысленныхъ рукахъ она становится таковой.

Если кусокъ природы оставляютъ необработаннымъ, если дикіе звѣри, ставшіе безполезными, щадятся; если оставляютъ неприкосновенными и охраняютъ развалины вмѣсто того, чтобы брать оттуда строительный матеріалъ,—то все это роскошь, подобно тому, какъ всякое

искусство есть роскошь. Она противодѣйствуетъ обѣднѣнію жизни, вызываемому экономикой, и сохраняетъ существующее или создаетъ новое многообразіе.

Тотъ видъ многообразія жизни, который дается роскошью—до сихъ поръ и съ того времени, какъ появились классовыя различія, — являлся преимуществомъ имущихъ классовъ, равно какъ и то многообразіе, которое вытекаетъ изъ *науки*. Трудящіеся классы вкушали только оборотную сторону экономическаго прогресса, — возрастающее опустошеніе и однообразіе жизни, достигающее своихъ вершинъ въ капиталистическомъ обществѣ.

Соціализмъ сдѣлаетъ средства противодѣйствія обѣднѣнію жизни—науку, искусство, наслажденіе природой—общимъ достояніемъ народныхъ массъ. Таковъ путь противодѣйствія однообразію жизни, проистекающему изъ однообразія жизни.

Важную роль будетъ при этомъ играть вопросъ о населеніи. Въ минувшемъ столѣтіи господствовалъ страхъ передъ перенаселеніемъ. Нищета приписывалась перенаселенію. Это ничѣмъ не было оправдано. Двадцатое столѣтіе начинается съ боязни недостаточнаго населенія. Даже соціалисты раздѣляютъ ее и обезпокоены паденіемъ цифръ рождаемости. Но быстрое увеличеніе народонаселенія желательно только съ точки зрѣнія политики національной мощи, желающей видѣть собственный народъ возможно болѣе многочисленнымъ, чтобы быть въ состояніи бросить на чашки весовъ міровой политики наивозможно бо́льшую силу. Въ интересахъ благополучія массъ это быстрое увеличеніе населенія отнюдь не потребно. Если бы оно шло еще столѣтіе тѣмъ же темпомъ, что и до сихъ поръ, тогда мы бы пришли къ ужасающимъ результатамъ. Въ XIV-мъ столѣтіи населеніе Европы можно считать равнымъ ста милліонамъ, еще въ началѣ XVIII-го столѣтія оно врядъ-ли было значительно больше. Но въ 1800 году оно возросло до 175 милліоновъ, а съ тѣхъ поръ до начала міровой войны до 460 милліоновъ. Увеличеніе

того же темпа дало бы къ концу слѣдующихъ ста лѣтъ 1.200 милліоновъ.

Не надо быть проникнутымъ мальтузіанскими страхами для того, чтобы понять, что подобныя народныя массы нечѣмъ будетъ питать. А роскошь, въ особенности природная роскошь, должна была бы тутъ пострадать. Чѣмъ больше количество ртовъ, тѣмъ болѣе каждая пядь способной къ обработкѣ земли должна обрабатываться.

Но дѣло не дойдетъ до этого изъ-за уменьшенія рождаемости, которое насъ не должно безпокоить.

Этимъ, конечно, мы не хотимъ сказать, что уменьшеніе пролетарскихъ семей есть средство освобожденія пролетаріата. Оно совершенно непригодно для такой цѣли.

Разумѣется, что соціалистическое общество, въ такой же мѣрѣ, какъ и подготовляющее его капиталистическое, будетъ покоиться на массовомъ производствѣ. Изъ этого способа производства проистекаетъ высокая производительность труда, которая одна лишь даетъ возможность не только снабдить каждаго члена общества необходимыми средствами жизни, но и сдѣлать имъ доступными всѣ культурныя блага, свести для всякаго необходимое рабочее время къ минимуму и превратить досугъ, подлинное богатство всякаго, въ большую часть его жизни.

Массовое производство требуетъ массоваго потребленія, оно предполагаетъ обширныя народныя массы, для которыхъ дѣйствуетъ это производство.

Одинъ путь добиться появленія такихъ массъ—это быстрое увеличеніе населенія. При соціалистическихъ условіяхъ нельзя было бы ожидать такого увеличенія народонаселенія, оно находилось бы даже въ противорѣчіи съ потребностями народныхъ массъ въ роскоши. Но, къ счастью, это не единственный путь увеличить производительность труда путемъ расширенія массоваго производства. Другимъ путемъ къ этой цѣли служитъ усиленіе сношеній и оборота между народными мас-

сами. Благодаря этому необходимыя потребности получаютъ все болѣе однообразный характеръ, онѣ все болѣе могутъ обслуживаться изъ немногихъ промышленныхъ центровъ, куда весь міръ доставляетъ сырье.

Величайшая напряженность международнаго оборота явится условіемъ существованія соціалистическаго общества. Необходимымъ слѣдствіемъ этого будетъ возрастающее устраненіе препятствій къ обороту, между которыми важнѣйшее значеніе имѣютъ языковыя различія.

Само собою разумѣется, что соціалистическому обществу придется противодѣйствовать возрастающему единообразію, создаваемому капиталистической экономикой. Но это общество не можетъ ему противодѣйствовать на почвѣ самой экономики. Здѣсь ему придется продолжать массовое производство, со всѣми слѣдствіями, изъ него вытекающими, въ томъ числѣ и ассимиляціей націй,—если только оно не захочетъ подрубить тотъ сукъ, на которомъ оно сидитъ,—повышенную производительность труда. Только путемъ распространенія роскоши и, прежде всего, роскоши нетронутой природы, этого первоисточника всякой красоты, богатства, наслажденій — можетъ оно противодѣйствовать однообразію экономики, а не путемъ сохраненія многообразія языковъ.

Уже въ Библіи это многообразіе языковъ разсматривается, какъ громаднѣйшій ущербъ человѣчеству. Подобно тому, какъ Библія всѣхъ людей производитъ отъ первой человѣческой четы, такъ она считаетъ, что первоначально существовалъ лишь одинъ языкъ. Но какъ только люди растутъ численно и умственно и начинаютъ строить башню, долженствующую достичь до небесъ, Богъ начинаетъ страшиться ихъ. Онъ предполагаетъ, что станетъ беззащитнымъ, если всѣ люди смогутъ между собой сговориться:

„И сказалъ Господь: „Вѣдь народъ одинъ, да и нарѣчіе у нихъ одно; а вотъ какъ они начали дѣйствовать. Итакъ, у нихъ ужъ не остановится ничто, что бы

они ни вздумали дѣлать. Дай, сойдемъ и смѣшаемъ ихъ нарѣчіе, чтобы не понялъ человѣкъ рѣчи своего товарища“ (по переводу Л. Мандельштама, книга Бытія, глава 11-ая, ст. 6, 7).

Такимъ-то образомъ Іегова и помѣшалъ подъему человѣчества. Здѣсь поется пѣснь пѣсней интернаціональности.

Раздѣленіе человѣчества по языкамъ означаетъ ослабленіе его мощи. Ихъ языковое объединеніе означаетъ подъемъ на высшую вершину власти. Противодѣйствовать ему было бы реакціонно. Помѣшать народамъ понимать другъ друга изъ-за многообразія—значитъ для хорошей цѣли примѣнить негодныя и, болѣе того, превратныя и вредныя средства.

10. Всенародное голосованіе.

Мы уже видѣли, что современное государство, современная демократія—въ противоположность первобытной,—современная національность, покоющаяся на общности литературнаго языка, равно какъ и стремленіе къ національному государству,—все это исходитъ изъ одного корня, современнаго оборота одного изъ важнѣйшихъ и существеннѣйшихъ факторовъ капиталистическаго способа производства. Мы далѣе видѣли, что господствующее въ политической жизни настоящаго времени стремленіе къ національному государству и къ государственной демократіи не можетъ быть подавлено, такъ какъ оно глубоко коренится въ условіяхъ дѣйствительности. При этомъ обнаружилось, что и то, и другое стремленіе наталкивается на крупныя препятствія, такъ что внутри капиталистическаго строя они должны почитаться идеалами, къ которымъ постоянно стремятся приблизиться, но которыхъ никогда вполнѣ не достигаютъ.

Существуетъ, однако, при этомъ большое различіе между стремленіемъ къ демократіи и стремленіемъ къ

національному государству. Побѣда пролетаріата приноситъ съ собой полное осуществленіе первой, въ то время какъ второе она дѣлаетъ безпредметнымъ, такъ какъ она лишаетъ государство характера учрежденія господства. И уже въ современномъ обществѣ оба эти стремленія отличаются тѣмъ, что стремленіе къ демократіи возникаетъ во всѣхъ современныхъ государствахъ, при всѣхъ условіяхъ и встрѣчаетъ препятствіе лишь въ классовыхъ отношеніяхъ власти, въ то время какъ стремленіе къ національному государству появляется не при всякихъ условіяхъ и сталкивается не съ одними только отношеніями власти, но и съ другими естественными и историческими условіями.

Всеобщимъ, безспорно, является стремленіе къ самоопредѣленію національностей. Для пролетаріата же интересъ національности имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку онъ совпадаетъ съ интересомъ демократіи.

Самымъ цѣлесообразнымъ средствомъ утвержденія демократіи и самоопредѣленія народовъ можетъ почитаться только усиленіе и конечная побѣда демократическихъ народныхъ массъ и въ этомъ смыслѣ революція во имя международнаго соціализма. Но не война, которая нынѣ является лишь войной буржуазныхъ властителей. Такая война служитъ постоянно инымъ цѣлямъ, нежели освобожденію угнетенныхъ народностей. Оно можетъ быть развѣ лишь побочнымъ результатомъ ея и въ лучшемъ случаѣ будетъ неполнымъ, ибо, покоясь на правѣ сильнѣйшаго, оно грозитъ новыми нарушеніями самостоятельности націй, подчасъ худшими, чѣмъ то зло, которое они должны были устранить.

Постольку у соціалъ-демократіи нѣтъ цѣлей войны. Она не защищаетъ никакой войны, но она не высказывается и за продолженіе разъ начатой войны въ цеяхъ національнаго освобожденія.

У международной соціалъ-демократіи нѣтъ цѣлей, которыя она пыталась бы осуществить черезъ посред-

ство войны. Въ войнѣ она можетъ занять лишь опредѣленную позицію по отношенію къ военнымъ цѣлямъ другихъ. Если она при всякихъ условіяхъ отвергаетъ войну, какъ средство, то это не значитъ, что она одинаково враждебна всѣмъ цѣлямъ войны. Нѣкоторыя изъ нихъ соединимы съ ея принципами, другія же—нѣтъ.

Такъ, напримѣръ, она не пытается освободить націи при помощи войны. Но если бы война привела къ освобожденію какой-нибудь національности, то она отнюдь не станетъ противиться этому, а будетъ это привѣтствовать.

Освобожденіе національности или одной изъ ея частей вовсе не означаетъ непремѣнно, что этой національности слѣдуетъ предоставить собственное національное государство или присоединить къ ней часть, оторванную отъ національнаго государства. Могутъ существовать естественныя или историческія условія, при которыхъ подобное измѣненіе оказалось бы невыгоднымъ и нежелательнымъ соотвѣтственному населенію. Но, какъ извѣстно, благодѣянія нельзя навязывать насильно. Поэтому „освобожденіе“ населенія какой-нибудь области вопреки его желанію противорѣчило бы началамъ демократіи. Подобное освобожденіе всегда будетъ ощущаться, какъ насильственная аннексія, даже и въ томъ случаѣ, когда „освобожденное“ населеніе говоритъ на языкѣ присоединяющаго (аннексирующаго) и освобождающаго государства.

Итакъ, не одна лишь этнографическая карта языковъ должна рѣшать, привѣтствовать ли международной соціалъ-демократіи то или иное измѣненіе границъ, но только воля соотвѣтственнаго населенія.

Ни одна область не должна быть принуждена противъ желанія ея населенія къ перемѣнѣ государственной принадлежности.

Это—абсолютный завѣтъ международной демократіи. Народы должны перестать быть стадами овецъ, судьбами которыхъ располагаютъ властители по своему усмотрѣнію.

Начало это сохраняетъ свою силу не только по отношенію къ намъ самимъ. Мы уже неоднократно указывали на то, что народы сплачиваются не только благодаря языку, но и въ силу историческихъ и естественныхъ условій. Естественныя условія иногда создаютъ единую область оборота, отъ которой затѣмъ трудно оторвать какую-либо часть, безъ того, чтобы задержать процессъ производства во всей области и нанести тяжкій ущербъ всему трудящемуся населенію ея. Въ такомъ случаѣ международная соціалъ-демократія должна была бы возстать противъ измѣненія границъ, даже если бы это отвѣчало волѣ населенія отпадающей области.

Таковы тѣ два соображенія, которыя должны быть приняты во вниманіе при взвѣшиваніи желательныхъ измѣненій границъ съ точки зрѣнія международнаго соціализма. Прежде всего мы должны спросить, согласно ли населеніе соотвѣтственной области, а затѣмъ необходимо ли это или нѣтъ для преуспѣянія процесса производства, а тѣмъ самымъ для трудящагося населенія того государства, которому эта область до сихъ поръ принадлежала.

Само собою разумѣется, что для насъ никакого значенія не имѣетъ потребность властителей въ сохраненіи въ неурѣзанномъ видѣ ихъ предѣловъ властвованія.

Но какъ установить волю соотвѣтственнаго населенія? Тутъ существуетъ лишь одно средство — *опросъ*. Это средство было заподозрѣно въ виду того, что оно было въ свое время использовано Наполеономъ III въ династическихъ цѣляхъ. Но другое средство узнать волю населенія еще не было, да и не можетъ быть названо. Кто отклоняетъ это средство и все же требуетъ или оправдываетъ измѣненія границъ, тотъ играетъ на руку неприкрытой завоевательной политикѣ.

То, что Наполеонъ использовалъ это средство, ничего не доказываетъ; онъ сумѣлъ использовать и всеобщее избирательное право.

Какъ и это послѣднее, всенародное голосованіе въ различное время можетъ имѣть различное значеніе.

Всенародное голосованіе — не въ общинѣ, а въ государствѣ — будетъ произведено тѣмъ разумнѣе и дастъ тѣмъ болѣе правильный исходъ, чѣмъ болѣе обезпечены условія современной демократіи. Тамъ, гдѣ населеніе состоитъ изъ неграмотныхъ, гдѣ ни почта, ни желѣзныя дороги не поддерживаютъ взаимнаго общенія, гдѣ газеты не ознакамливаютъ населенія съ происходящимъ, тамъ населеніе отнесется съ полнымъ непониманіемъ къ государственнымъ проблемамъ и его голосованіе будетъ дѣломъ случая или хитраго руководства.

Съ другой стороны, и въ развитой демократіи законодательство и надзоръ за правительствомъ никогда не будутъ осуществляться путемъ всенародныхъ голосованій, а постоянно лишь при помощи парламентовъ. Всенародное голосованіе приведетъ лишь въ систему неизбѣжное внѣшнее давленіе на парламентъ.

Но при голосованіи объ аннексіи рѣчь идетъ не о сложномъ законѣ, но о простой вещи, ясной для всякаго и на которую можно только отвѣтить простымъ „да“ или „нѣтъ“.

Въ такой странѣ, какъ Мексика, всенародное голосованіе пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ означало нѣчто совершенно иное, чѣмъ въ Европѣ, и особенно въ Западной Европѣ.

Когда Наполеонъ III занялъ Мексику и предложилъ въ 1863 году австрійскому эрцгерцогу Максу мексиканскую корону, этотъ послѣдній поставилъ свое согласіе въ зависимость отъ всенароднаго голосованія. Уже въ февралѣ 1864 года, послѣ насильственнаго изгнанія президента Хуареца, Максу было объявлено, что почти 2.000 общинъ высказалось за него. Но не прошло и года, какъ Соединенные Штаты потребовали отозванія наполеоновскихъ войскъ и предоставленія мексиканскому народу права самостоятельно рѣшить вопросъ о формѣ правленія. Послѣ ухода войскъ На-

полеона народъ „самоопредѣлился“ противъ императора Макса. Три года спустя послѣ благопріятнаго ему всенароднаго голосованія побѣдоносные республиканцы уготовили ему ту же судьбу, какую онъ уготовилъ для цѣлаго ряда „мятежниковъ“. Послѣ плѣненія императоръ Максъ былъ разстрѣлянъ 19 іюня 1867 года.

Ясно, что здѣсь народное голосованіе было только фарсомъ.

Иначе дѣло обстояло съ тѣми всенародными голосованіями-плебисцитами, которыми Наполеонъ III и его союзникъ Викторъ-Эммануилъ стремились освятить ихъ аннексіи послѣ войны 1859 года. Несмотря на то, что населеніе областей, о которыхъ тогда шла рѣчь — Савойи, Ниццы, затѣмъ Тосканы, Пармы, Модены и Романьи, — было очень отсталымъ въ отношеніи народнаго образованія, техники сообщеній и политическаго воспитанія, оно никогда ни на одинъ моментъ не думало взять обратно выраженную имъ волю. Или правильнѣе говоря: именно потому, что никто не сомнѣвался въ мнѣніи народа, рѣшились на такой шагъ, какъ утвержденіе аннексіи путемъ всенароднаго голосованія.

Бисмаркъ, во многомъ подражавшій Наполеону, не позаимствовалъ у него всенародныхъ голосованій. Но именно по почину Наполеона въ пражскій миръ 1866 г. [1]) было включено постановленіе о томъ, что сѣверные округа Шлезвига должны отойти обратно къ Даніи, если населеніе ихъ въ свободномъ голосованіи выскажется за это. Но дѣло никогда не дошло до проведенія этого постановленія мирнаго договора. Австрія къ тому же категорически отказалась отъ этого пункта въ 1878 году.

Удивительнымъ образомъ по поводу аннексіи Эльзасъ-Лотарингіи произошло нѣчто вродѣ всенароднаго голосованія, хотя и не санкціонирующаго, утверждающаго. Мирный договоръ между Германіей и Франціей

[1]) Этимъ миромъ закончилась война между Пруссіей и Австріей.

долженъ былъ быть утвержденъ французскимъ національнымъ собраніемъ, собравшимся 12-го февраля 1871 года. Эльзасъ и Лотарингія также послали своихъ представителей, которые голосовали противъ мира, противъ уступки Эльзасъ-Лотарингіи.

Можно удивляться тому, что Бисмаркъ, зная настроеніе этихъ областей, допустилъ такого рода голосованіе, которое не могло содѣйствовать его намѣреніямъ. Если повѣрить интимному другу Бисмарка, — Бушу, то допущеніе этого произошло ошибочно. Бушъ сообщаетъ въ своемъ дневникѣ отъ 11 февраля 1871 г.:

„Онъ (Бисмаркъ), по поводу словъ Генкеля (префекта Меца) о плохомъ настроеніи въ Эльзасѣ, замѣтилъ, что тамъ, собственно говоря, не слѣдовало бы вообще допустить выборы *и онъ этого и не хотѣлъ*. Но по *ошибкѣ* инструкція тамошнему нѣмецкому высшему учрежденію (Oberbehörde) была составлена такъ же, какъ и для другихъ“ („Tagebuchblätter“, 1899, II, S. 162).

Мы, конечно, должны требовать, чтобы голосованія не только предпринимались, но и соблюдались.

Но международная соціалъ-демократія должна рѣшительно отвергнуть принципъ, по которому аннексію пытаются оправдать на основаніи *историческихъ правъ*. Это было теперь опять сдѣлано со стороны французовъ по поводу Эльзасъ-Лотарингіи.

Это самое историческое право отклонилъ Марксъ въ 1870 г. во второмъ адресѣ генеральнаго совѣта о войнѣ, когда оно было предъявлено Германіей по отношенію именно къ Эльзасъ-Лотарингіи:

„Правда! Территорія этихъ провинцій издавна принадлежала давнымъ-давно умершей Германской имперіи [1]). Кажется, поэтому, что земля и люди, выросшіе на ней, должны быть конфискованы, какъ нѣмецкая соб-

[1]) Имѣется въ виду не нынѣшняя, а старая Германская имперія средневѣковаго типа, просуществовавшая формально до 1805 г., но уже задолго до того лишившаяся всякаго значенія.

Прим. ред. пер.

ственность, не подлежащая праву давности. Если бы старая карта была перекроена согласно историческому праву, то мы ни въ коемъ случаѣ не должны были бы забыть, что курфюрстъ бранденбургскій въ свое время считался по отношенію къ своимъ прусскимъ владѣніямъ вассаломъ польской республики".

Это было тогда направлено противъ нѣмецкихъ притязаній, но остается, конечно, вѣрнымъ по отношенію ко всякому историчес кому праву, кѣмъ бы оно предъявлено ни было.

Марксъ любилъ смѣяться надъ заявленіемъ князя Лихновскаго, сдѣланнымъ въ нѣмецкомъ національномъ собраніи 1848 г. во время дебатовъ по польскимъ дѣламъ (впослѣдствіи онъ цитировалъ это заявленіе и въ „Капиталѣ"):

„Историческое право не имѣетъ никакого срока (Смѣхъ). Не существуетъ для историческаго права срока, который по отношенію къ болѣе раннему сроку могъ бы приписать большее право".

„Новая Рейнская Газета" смѣялась надъ этими заявленіями консервативнаго прусскаго юнкера прежде всего потому, что „благородный вельможа говоритъ не по-нѣмецки, но по-прусски" [1]), а во-вторыхъ потому, что „всѣ ужасы финансовой нужды должны угрожать прусскому дворянству неотвратимымъ разореніемъ, до тѣхъ поръ, пока дѣло могло бы дойти до того, чтобы какой-нибудь Лихновскій сталъ оспаривать то самое историческое право, за которое онъ могъ бы заслужить шпоры въ свитѣ благороднаго Донъ-Карлоса".

Какъ бы смѣшно все это ни было, нельзя все же отрицать того, что для историческаго права нельзя установить ни начальнаго, ни конечнаго срока. Если бы

[1]) Дѣло въ томъ, что въ первой фразѣ — непереводимой на русскій языкъ—Лихновскій употребилъ двойное отрицаніе, недопустимое въ нѣмецкомъ языкѣ: „Das historische Recht hat *keinen* Datum *nicht*". Это вызвало смѣхъ и въ національномъ собраніи, и позже у Маркса. *Прим. ред. пер.*

кто-нибудь пожелалъ осуществить всѣ историческія права, онъ оказался бы передъ безконечной путаницей. Этого никто и не желаетъ. Но предъявленіе историческаго права примѣнительно лишь къ отдѣльному случаю является простымъ произволомъ.

Дѣло не станетъ лучше отъ того, что мы перевернемъ вопросъ и будемъ говорить не о возстановленіи стараго правового положенія, а объ исправленіи совершенной несправедливости. И для этого „нѣтъ никакого срока". И что является причиненною несправедливостью? Завоеваніе? Но вѣдь не только нынѣшнія, но и прежнія границы государствъ покоятся преимущественно на завоеваніяхъ. Съ какого срока несправедливое становится правомъ? Французы разсматриваютъ нѣмецкое завоеваніе Эльзаса, какъ несправедливость, а нѣмцы—прежнія аннексіи Эльзаса Франціей въ XVII-мъ и XVIII-мъ столѣтіяхъ.

Только съ демократической точки зрѣнія завоеваніе становится несправедливостью, т. - е. нарушеніемъ завѣтовъ демократіи,—въ томъ случаѣ, когда населеніе противъ своей воли присоединяется къ чужому государству. Въ этомъ случаѣ именно воля населенія является рѣшающей, а не исторически унаслѣдованное владѣніе областью. Съ этой точки зрѣнія несправедливость остается несправедливостью, пока воля населеніе высказывается противъ аннексіи и это послѣднее удерживается лишь насильственно. Напротивъ, возвращеніе населенія спорной области подъ власть того государства, которому эта область ранѣе принадлежала, превратилось бы въ несправедливость, если бы народная масса уже свыклась съ новымъ положеніемъ и чувствовала бы себя угнетенной въ случаѣ такого насильственнаго измѣненія.

Итакъ, въ качествѣ международныхъ соціалъ-демократовъ, мы въ этомъ случаѣ только тогда можемъ согласиться съ измѣненіемъ границъ, если оно одобряется свободнымъ голосованіемъ соотвѣтственнаго населенія.

Всегда и при всѣхъ условіяхъ, какъ во внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ высшимъ авторитетомъ, которому мы преклоняемся, остается воля народной массы. Это, само собою разумѣется, не относится къ нашимъ научнымъ убѣжденіямъ и къ цѣлямъ, къ которымъ мы стремимся и за которыя мы боремся. Эти цѣли не могутъ быть продиктованы намъ голосованіями народа. Мы знаемъ, что народъ можетъ ошибаться не менѣе, чѣмъ его правительства; что онъ, смотря по классовому составу его, освѣдомленію и историческимъ условіямъ, можетъ иногда въ большинствѣ своемъ оказаться очень реакціоннымъ.

Но мы знаемъ, что освобожденіе рабочаго класса должно быть его собственнымъ дѣломъ, что онъ можетъ освободиться лишь тамъ, гдѣ онъ составляетъ большинство народа, гдѣ большинство народа опредѣляетъ политику государства, что—далѣе—просвѣщеніе и организація пролетаріата,—а тѣмъ самымъ и развитіе его способностей къ пріобрѣтенію и цѣлесообразному осуществленію государственной власти,—наиболѣе возможны—при прочихъ равныхъ условіяхъ—при демократическомъ строѣ.

Поэтому партія пролетаріата при всѣхъ условіяхъ и во всѣхъ своихъ отношеніяхъ должна оставаться демократической партіей. Она вредитъ освободительной борьбѣ пролетаріата тамъ, гдѣ она уклоняется отъ демократіи. Это относится въ равной мѣрѣ и ко внѣшней, и ко внутренней ея политикѣ. Поэтому отвергать всякую завоевательную политику она должна принципіально, а не при извѣстныхъ лишь обстоятельствахъ по соображеніямъ цѣлесообразности, а тамъ, гдѣ отвергнутая ею война приводитъ къ измѣненіямъ границъ, она можетъ одобрить только тѣ измѣненія, которыя желательны данному населенію или, по крайней мѣрѣ, не переживаются имъ, какъ голое насиліе.

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „КНИГА“

Петроградъ, Невскій пр., 74, тел. 1-31-49.

Москва, у Покровскихъ Вор., Чистопрудный проѣздъ, 19, тел. 3-98-39.

ИСТОРІЯ РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІИ

подъ редакціей Л. МАРТОВА.

Изданіе выйдетъ въ свѣтъ въ двухъ частяхъ (3 выпуска).

„Исторія Россійской Соціалъ-Демократіи“ охватитъ періодъ свыше 25 лѣтъ, начиная съ девяностыхъ годовъ и кончая нашими днями.

СОДЕРЖАНІЕ:

Часть I. (Вып. 1 и 2). Первыя вспышки рабочаго движенія.—Возникновеніе соціалъ-демократіи и массовое рабочее движеніе.—Образованіе Россійской с.-д. рабочей партіи.—Отъ I до II съѣзда Р. С.-Д. Р. П.—II-ой съѣздъ партіи.—Большевики и меньшевики.—Русско-японская война и революціонный подъемъ.—Отъ 9 января до 17 октября.—Соціалъ-демократія въ теченіе „дней свободы“.—Отъ декабрьскаго пораженія до созыва I Думы.—Соціалъ-демократія въ періодъ I Думы и непосредственно послѣ ея роспуска.—Выборы во II Думу и дѣятельность с.-д. фракціи въ ней.—Лондонскій съѣздъ.

Часть II. (Выпускъ третій) —Упадокъ партійной дѣятельности.—Выборы въ III Думу.—Работа въ легальныхъ организаціяхъ.—Попытки возстановить партійный организмъ.—Возникновеніе „ликвидаторства“.—Борьба „партійцевъ“ съ „ликвидаторами“.—Расколъ въ Думской фракціи.—Оживленіе рабочаго движенія.—Лена.—Августовская конференція 1912 г.—Конференція большевиковъ.—Борьба фракцій на выборахъ.—Фракція IV Гос. Думы.—„Звѣзда“ и „Правда“.—Расколъ въ професс. движеніи, въ страховой кампаніи, въ Думской фракціи.—Возникновеніе „инициативныхъ группъ“, ихъ тактика.—„Лучъ“ и „Рабочая Газета“.—Война.—Отношеніе къ ней различныхъ частей партіи: фракція Г. Думы, редакція „Н. Зари“.—Орган. Комитетъ меньшевиковъ, группа Аксельрода и Мартова.—Плехановъ.—„Оборончество“.—Позиція большевиковъ.—Позиція Петроградской инициативной группы.—Самарскій „Голосъ“.—Борьба вокругъ военно-промышл. комитетовъ.—Передъ революціей.—Революція.

Вышла въ свѣтъ часть I. Цѣна 7 р. 50 коп.

Предварительная подписка на изданіе прекращена.

Г. ІЕККЪ.

ИНТЕРНАЦІОНАЛЪ.

Цѣна 7 руб. 50 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „КНИГА“

Петроградъ, Невскій пр., 74, тел. 1-31-49.

Москва, у Покровскихъ Вор., Чистопрудный проѣздъ, 19, тел. 3-98-39.

ПАМЯТНАЯ КНИГА РАБОЧАГО

ВЪ ДВУХЪ ВЫПУСКАХЪ.

Революція открыла обширное поле для рабочей самодѣятельности. Многія тысячи представителей рабочаго класса призваны теперь на отвѣтственные посты въ политическихъ организаціяхъ, въ профессіональныхъ союзахъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ учрежденій, обслуживающихъ нужды рабочаго класса. Въ своей повседневной дѣятельности они нуждаются въ справочникѣ, могущемъ дать имъ точныя свѣдѣнія о принципіальной постановкѣ рабочей партіей того или другого вопроса, нужныя имъ указанія дѣлового характера объ организаціи того или иного учрежденія; необходимо имѣть подъ рукой тексгъ важнѣйшихъ законовъ. и правилъ, которые регулируютъ жизнь тѣхъ или иныхъ учрежденій и т. д.

Идя навстрѣчу этой дающей уже себя знать потребности, издательство „Книга“ выпускаетъ спеціальный справочникъ—„Памятная Книга Рабочаго“.

Первый выпускъ „Памятной Книги Рабочаго“ посвященъ вопросамъ экономической борьбы и строительства, второй—вопросамъ политической борьбы рабочаго класса.

СОДЕРЖАНІЕ. Выпускъ первый:—Отъ редакціи.—П. Колокольниковъ Соціальная революція и соціальныя реформы.—П. Колокольниковъ. Профессіональное движеніе на Западѣ.—П. Колокольниковъ. Профессіональные союзы въ Россіи.—А. Дюбуа. Право коалиціи.—А. Петроза. Рабочій день.—А. П. Женскій и дѣтскій трудъ.—А. Дюбуа. Минимальная заработная плата.—А. Петрова. Фабричная инспекція.—В. Ежовъ. Соціальное страхованіе.—А. Дюбуа. Биржи труда.—Д. Далинъ. Фабрично-заводскіе комитеты.—В. Майскій. Промысловые суды.—В. Ежовъ. Примирительныя камеры и третейскіе суды.—В. Майскій. Центральныя бюро профессіональныхъ союзовъ.—В. Майскій. Рабочіе секретаріаты.—В. Майскій. Коллективный договоръ.—К. Дмитріевъ. Ремесленные рабочіе.—К. Д-ъ. Торгово-промышленные служащіе.—М. Хейсинъ. Рабочая кооперація въ Россіи.

Выпускъ второй:—Классовая борьба.—Почему необходима самостоятельная рабочая партія.—Соціалъ-демократія и парламентаризмъ.—Россійская с.-д. рабочая партія.—Меньшевизмъ, его возникновеніе и тактика.—Большевизмъ, его возникновеніе и тактика.—Резолюціи партійныхъ съѣздовъ по важнѣйшимъ вопросамъ.—Соціалъ-демократія, интернаціонализмъ и война.—Права и обязанности членовъ партіи.—Рабочая партія и профессіональн. союзы.—Рабочая партія и кооперація.—Рабочая партія и мѣстное самоуправленіе.—Рабочая партія и судъ.—Организація юношества.—Организація женщинъ.—Культурно-просвѣтительная дѣятельность.—Дѣятели Росс. С.-Д. Р. П.—Рабочія партіи въ Европѣ и за океаномъ.—Статистическія данныя.—Соціалистическая печать.—Указатель литературы.—Адреса.—Юридическія свѣдѣнія.

Вышелъ въ свѣтъ I выпускъ. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Предварительная подписка прекращена.

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „КНИГА“.

Петроградъ, Невскій пр., 74, тел. 1-31-49.

Москва, у Покровскихъ Вор., Чистопрудный проѣздъ 19, тел. 3-98-39.

К. КАУТСКІЙ. ЕВРЕЙСТВО и РАСА. Авторизованный переводъ.

Цѣна 4 руб. 50 коп.

К. КАУТСКІЙ. НАЦІОНАЛЬНЫЯ ПРОБЛЕМЫ

I. Національность и международность. II. Освобожденіе національностей.

Съ предисловіемъ С. Семковскаго.

Цѣна 5 р. 50 к.

Отто Бауэръ. Національный вопросъ и соціалъ-демократія.

Въ изложеніи и съ вступительной статьей С. Семковскаго.

Приложеніе: Указатель литературы по національному вопросу на русскомъ и иностранныхъ языкахъ.

Цѣна 4 р. 50 к.

Прив.-доц. **М. Я. Лазерсонъ. НАЦІОНАЛЬНОСТЬ и — ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ.**

Авторъ разсматриваетъ автономію и федерацію, какъ формы единства многонаціональнаго государства, персональную автономію и законодательство о языкахъ. Разсмотрѣнію автора подверглось и новѣйшее законодательство Россіи (по-революціоннаго времени) и Украйны.

Цѣна 5 руб. 50 коп.

С. СЕМКОВСКІЙ. НАЦІОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ РОССІИ.

Цѣна 35 коп.

Л. МАРТОВЪ. ПРОЛЕТАРІАТЪ И НАЦІОНАЛЬНАЯ ОБОРОНА.

Цѣна 40 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „КНИГА“.

Петроградъ, Невскій пр., 74, тел. 1-31-49.

Москва, у Покровскихъ Вор., Чистопрудный проѣздъ, 19, тел. 3-98-39.

ПУТИ РЕВОЛЮЦІИ.

П. РО-ЛЬ (П. Розенталь)

ВОКРУГЪ ПЕРЕВОРОТА.

ОГЛАВЛЕНІЕ. **Глава I. Что такое революція:** Не революція, а анархія.—Революція и эволюція. Ревслюція, бунтъ, возстаніе, анархія.- Революція сверху и снизу, безкровная и кровавая. **Глава II. Размахъ революціи:** Дворцовая революція.—Военная революція. —Народная революція.—Буржуазная и соціальная (соціалистическая) революція. **Глава III. Взаимосцѣпленіе революцій:** Періодичность революцій. — Интернаціонализмъ революцій. — Подражательный элементъ въ революціяхъ. **Глава IV. Революція и война:** Множество комбинацій.—Война, какъ причина революціи 1. Французская революція 4 сент. 1870 г. 2. Россійская революція 1917 г. 3. Россійская революція 1905 года. 4. Парижская Коммуна 1871 г.—Война, какъ слѣдствіе революціи: 1. Франція противъ Испанской революціи. 2. Австрія противъ Итальянскихъ революцій. 3. Россія противъ Венгерской революціи. 4. Франція противъ Римской республики.—Великая Французская революція и революціонная борьба.—Традиціи революціонныхъ войнъ Великой Французской революціи. **Глава V. Элементы и циклъ революцій:** Предреволюціонная фаза.—Моментъ переворота.—Контръ-революція. — Государственный переворотъ и реставрація: Государственные перевороты 18 брюмера, 2 декабря 1851 г. и 3 іюня 1907 г. Реставрація.—„Кривыя“ революцій.—Конечный результатъ революцій. **Глава VI. Переворотъ черезъ возстаніе. Оружіе и боевые припасы:** Домашнее оружіе. — Разгромъ желѣзныхъ и оружейныхъ лавокъ. — Захватъ оружія частныхъ лицъ.—Случайное оружіе. — Захватъ казеннаго оружія.—Артиллерія у инсургентовъ. **Глава VII. Баррикады:** Два типа баррикадъ. — Описаніе баррикадъ въ Парижѣ въ іюнѣ 1848 г.—Московскія баррикады въ декабрѣ 1905 года.—Какъ удавалось возводить многочисленныя баррикады?—Была ли планомѣрность въ сооруженіи баррикадъ? — Примѣнимы ли теперь баррикады? **Глава VIII. Роль войскъ:** Переходъ гренадеровъ къ народу въ 1789 г. — Переходъ 2 полковъ къ народу въ 1830 г.—Поведеніе солдатъ въ 1848 г.—Мѣры правительства противъ отладенія войскъ.—Инсургенты и національная гвардія.—Волынскій полкъ въ революціи 1917 г. **Глава IX. Еще о возстаніи:** Возстаніе стихійное и организованное.—Борьба наступательная и оборонительная.—Руководительство во время возстанія. — Революціонныя эмблемы.—Красное знамя.

Цѣна 2 руб. 80 коп.

П. РО-ЛЬ (П. Розенталь).

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ УЧРЕДИТЕЛЬНЫХЪ СОБРАНІЙ.

СОДЕРЖАНІЕ: I. **Революція и Учредительное Собраніе.** Внѣреволюціонныя Учредительныя Собранія.—Суверенныя и зависимыя Учредительныя Собранія. II. **Открытіе Учредительнаго Собранія. III. Начало труднаго пути.** Временная исполнительная власть. IV. **Выработка конституціи.** Реальная и писанная конституція. Судьба конституцій. V. **Монархія или республика?** Различныя формы республики. VI. **Одна или двѣ палаты?** О двухъ палатахъ: а) въ Великой Англійской революціи, б) послѣ возстанія американскихъ колоній, в) въ Великой Французской революціи, г) во Франціи въ 1848 г., д) во Франціи въ 1871 г., е) въ Россійскомъ Учредительномъ Собраніи. VII. **Учредительныя Собранія и избирательный законъ.** VIII. **Съ президентомъ или безъ него?** Всякая ли республика должна имѣть президента? Вопросъ о президентѣ въ С. Америкѣ въ 1787 г. и во Франціи въ 1848 и 1871—1875 г.г.—Швейцарская республика безъ президента.—Нуженъ-ли намъ президентъ республики?

Цѣна 3 руб. 50 коп.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

П. РО-ЛЬ (П. Розенталь).

ЗАКАТЪ РЕВОЛЮЦІИ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „КНИГА".

Петроградъ, Невскій пр., 74, тел. 1-31-49.
Москва, у Покровскихъ Вор., Чистопрудный проѣздъ, 19, тел. 3-98-39.

Р. ГИЛЬФЕРДИНГЪ

ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛЪ

НОВѢЙШАЯ ФАЗА ВЪ РАЗВИТІИ КАПИТАЛИЗМА.

Авторизованный переводъ со вступительной статьей И. СТЕПАНОВА.

ИЗЪ ПРЕДИСЛОВІЯ: „Въ настоящее время Р. Гильфердингъ и его книга не нуждаются въ особой рекомендаціи для русскаго читателя... Русскій читатель, вѣроятно, согласится съ оцѣнкой Каутскаго и Отто Бауера, которые по выходѣ книги указали, что „Финансовый Капиталъ" — одна изъ самыхъ значительныхъ работъ, какая только появилась въ марксистской литературѣ послѣ „Капитала"...

...„Многія мѣста книги Гильфердинга, въ особенности въ послѣднихъ отдѣлахъ, звучатъ въ настоящее время, какъ пророчество"... Изданіе третье.

Цѣна 12 рублей.

П. БЕРЛИНЪ

КАРЛЪ МАРКСЪ,

его жизнь и дѣятельность.

Съ указателемъ произведеній Маркса на русскомъ языкѣ, литературы о немъ и 4-мя иллюстраціями.

Цѣна 3 рубля.

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „КНИГА“.

Петроградъ, Невскій пр., 74, тел. 1-31-49.

Москва, у Покровскихъ вор., Чистопрудный проѣздъ, 19, тел. 3-98-39.

Краткій каталогъ „КНИГИ“.

Агафоновъ, В. К.—Заграничная охранка	8	р.	— к.
Аникинъ, А.—Кого крестьяне и рабочіе должны выбирать въ Учредительное Собраніе	—	„	25 „
Андреевъ, Ник.—Съ царемъ или безъ царя?	—	„	15 „
„ „ Права гражданина	—	„	15 „
„ „ Земельный вопросъ	—	„	15 „
„ „ Древнѣйшія времена человѣческой культуры (печатается)	—	„	— „
Арну, А.—Мертвецы Коммуны	—	„	15 „
Астровъ, Н.—Русская революція и борьба за миръ	—	„	15 „
„ „ —Почему воюетъ Франція	—	„	35 „
Бауэръ, Отто.—Національный вопросъ и соціалъ-демократія	4	„	50 „
Беренштамъ, Влад. Въ огнѣ защиты. Изъ впечатлѣній политическаго защитника. Изд. второе (распр.)	1	„	50 „
Берлинъ, П.—Карлъ Марксъ, его жизнь и дѣятельность	3	„	— „
„ Кто за кого голосуетъ на Западѣ?	—	„	25 „
Бибикъ, А. Въ ночную смѣну. Рабочая драма	—	„	90 „
Бинштокъ, Г.—Да здравствуетъ Интернаціоналъ	—	„	30 „
Блюмъ, А.—Организація правительственной власти	—	„	45 „
Богдановъ, А.—Новый міръ. *Печатается.*	—	„	— „
Болтянскій, Г.—Что нужно знать каждому избирателю	—	„	35 „
Браке.—Долой соціалъ-демократовъ!	—	„	35 „
Булгаковъ, П.—Власть лукаваго	—	„	— „
„ „—Ка...ту	—	„	— „
Вигдорчикъ, Д-ръ.—Какъ строить лечебницу больничныхъ кассъ (распр.)	1	„	20 „
Владиславлевъ, И.—Что читать? Указатели систематическаго домашняго чтенія. (Печатаются)	—	„	— „
„ „—Вып. I. Художественная литература	—	„	— „
„ „— „ II. „ „	—	„	— „
„ „— „ III. Жизнь замѣчательныхъ людей	—	„	— „
„ „— „ IV. Обществовѣдѣніе	—	„	— „
„ „—Тетради для записи о прочитанныхъ книгахъ. (Печатаются)	—	„	— „
„ „—Вып. I. Для учащихся младш. классовъ	—	„	— „
„ „—Вып. II. Для учащихся и самообразованія	—	„	— „
Войтинскій, Вл. Въ тайгѣ. По Сибири (распр.)	1	„	75 „
„ Лучъ свѣта среди ночи	—	„	20 „
„ Крестьянинъ, рабочій и солдатъ	—	„	15 „
„ Отвѣтственность министровъ при царизмѣ и въ революціонной Россіи	—	„	15 „
Войтинскій, В.—Къ чему стремится коалиціонное правительство	—	„	30 „
Гере, П.—Какъ священникъ сталъ соціалъ-демократомъ	—	„	40 „

Гильфердингъ, Р.—Финансовый капиталъ. Изданіе третье.	12	р.	— к.
Горевъ, Б.—Анархисты, максималисты и махаевцы	1	„	50 „
Гриммъ, Роб.—Защита отечества и малыя народности	—	„	15 „
Дикштейнъ, С.—Кто чѣмъ живетъ	—	„	25 „
Добраницкій, М.—Избирательный законъ въ Учред. Собр.	—	„	15 „
Ежовъ, В.—Пути рабочей кооперации на Западѣ и у насъ	—	„	80 „
Елецкій, П.—Земельный вопросъ, I ч.	—	„	15 „
„ Земельный вопросъ, II ч.	—	„	25 „
Ерманскій, А.—День борьбы за миръ (распрод.)	—	„	10 „
„ Марксисты на распутьи (распр.)	—	„	75 „
Исторія Россійской Соціалъ-демократіи, ч. I.	7	„	50 „
„ „ „ „ ч. II.	—	„	— „
Іеккъ, Г.—Интернаціоналъ	7	„	50 „
Іоффе, А.—О самоуправленіи	—	„	15 „
Каутскій, К.—Еврейство и раса	4	„	— „
„ Національныя проблемы	5	„	50 „
Керженцевъ, В.—Какъ вести собранія	—	„	35 „
„ Республики молодежи	—	„	40 „
„ Борьба за землю и волю въ Ирландіи	—	„	90 „
„ Новая Англія	2	„	60 „
Керженцевъ, В.—Творческій театръ	2	„	— „
Кій.—Аграрный вопросъ.	—	„	15 „
„ Возможна-ли отмѣна частной собственности?	—	„	15 „
Клейнборгъ, Л.—Безработица и борьба съ нею.	—	„	15 „
„ Профессіональные союзы	—	„	20 „
„ 1-й Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ (1905 г.).	—	„	40 „
КНИГА. Сборникъ первый. *Содержаніе:* А. Соболь — Законъ. Ив. Новиковъ—Время просѣиваетъ. Алексѣй Окуловъ—Золотые огни. В. Шишковъ—Стуколка	3	„	25 „
Козровъ, А.—Искусство—народу. 2-ое изд.	—	„	60 „
Коллонтай, А.—Кто такіе соціалъ-демократы?	—	„	20 „
Кооперативы и профессіон. союзы (сборникъ)	2	„	50 „
Лазерсонъ, М. Я. Національность и государствен. строй.	5	„	50 „
Ларинъ, Ю.—Германское профессіональное движеніе и война.	1	„	20 „
„ Война и земельная программа	—	„	15 „
„ Трудовая повинность и рабочій контроль	2	„	50 „
Ласковая, Ф.—Муть. Разсказы	1	„	75 „
Лафаргъ, П.—Патріотизмъ буржуазіи	—	„	15 „
Лебедевъ, Пл. Библіотека соціалъ-демократа.	2	„	50 „
Леоновъ, В. Краткій курсъ по потребительской кооперации	2	„	60 „
Линдовъ, Г.—Профессіональные союзы и рабочіе кооперативы.	—	„	40 „
„ Къ объединенію Соціалъ-Демократической Партіи	—	„	35 „
Луначарскій, А.—Развитіе Интернационала	—	„	40 „
Лурье, М.—Борьба за пищу (распр.)	1	„	— „
„ Продовольствіе въ Россіи и въ Германіи	—	„	35 „
Майскій. Культурно-просвѣтительн. работа среди пролетаріата.	1	„	35 „
Марксизмъ и вопросы войны и мира (распр.)	1	„	25 „
Мартовъ, Л.—Фридрихъ Адлеръ	—	„	15 „
„ Пролетаріатъ и національная оборона	—	„	40 „
Мартыновъ, А.—Двѣ диктатуры	2	„	50 „
„ Очерки русской исторіи	1	„	20 „
„ Международность на западѣ и въ Россіи	1	„	— „
Оленовъ, М.—Рабочій день и революція	1	„	40 „
Ольговичъ.—Всеобщее избирательное право. 3-е изданіе.	—	„	20 „
„ Республика (Соед. Штаты Америки) 2-е изданіе.	—	„	20 „

Ольговичъ.—Какъ англичане избираютъ своихъ представителей. 3-е изданіе . . . . . — р. 15 к.
„ Права человѣка и гражданина . . . . . — „ 15 „
„ Освобожденіе женщины . . . . . — „ 15 „
„ Учредительное Собраніе и демократическая республика . . . . . — „ 15 „
Памятная книга рабочаго, ч. I (экономическая) . . . . . 3 „ 50 „
„ „ „ ч. II (политическая). . . . . — „ — „
Пименова, Э.—Исторія Европы за послѣднее столѣтіе. 2-ое изд. 2 „ — „
„ Постоянное войско и народная милиція . . . — „ 15 „
„ Въ странѣ хлѣборобовъ (Канада) . . . . . — „ 20 „
„ Колонія—Республика (Нов. Зеландія) . . . . — „ 15 „
Пименова, Э.—Демократическая Республика Швейцаріи . . . — „ 20 „
„ Французская революція 1848 г. . . . . — „ 20 „
Программа Россійск. Соціалъ-Демократическ. Рабочей Партіи. — „ 12 „
Розановъ, В.—Организація верховной власти. . . . . — „ 15 „
„ Демократич. республика и всеобщій миръ . . — „ 20 „
Ро-ль, П. Пути революцій. Вокругъ переворота . . . . . 2 „ 80 „
„ „ „ „ Жизнь и смерть Учредительныхъ Собраній. . . . . 3 „ 50 „
„ „ „ „ Закатъ революціи. (Печ.). . . . . — „ — „
Рожковъ, Н.—Исторія Россіи за послѣднее столѣтіе. 2-ое изд. 2 „ — „
„ Русская исторія въ сравнительно историческомъ освѣщеніи. *(Печатается)* . . . . . — „ — „
Сватиковъ, С. Г.—Всенародное Учредительное Собраніе . . . — „ 25 „
Семковскій, С.—Кооперативы и соціализмъ. . . . . — „ 20 „
„ Національный вопросъ въ Россіи . . . . . — „ 35 „
Струмилинъ, Ст.—Община и земельный вопросъ . . . . . — „ 35 „
Сухановъ.—Почему мы воюемъ? (распр.) . . . . . — „ 80 „
Тахтаревъ, К.—Общество и государство. . . . . 5 „ — „
„ Что такое демократическая республика . . . — „ 20 „
Теорія и практика профессіональнаго движенія, коллект. трудъ подъ ред. К. Дмитріева . . . . . — „ — „
Троцкій, Л.—Программа мира . . . . . — „ 25 „
„ Въ плѣну у англичанъ . . . . . — „ 15 „
„ Жанъ Жоресъ . . . . . — „ 20 „
Уэллсъ, Г.—Грядущее. . . . . 2 „ 40 „
Фишгендлеръ, А.—Солдаты фронта и вопросы войны и мира. — „ 25 „
Хейсинъ, М. и Щегло, Л.—Чему учатъ соціалъ-демократы?. — „ 35 „
Циммервальдская конференція. Первая . . . . . — „ 40 „
„ „ Вторая . . . . . — „ 25 „
Шиппель.—Профессіональные союзы. Съ пред. Д. Кольцова . — „ 30 „
Штаудингеръ, Ф.—Потребительная кооперація. Перев. подъ ред. М. Хейсина . . . . . 2 „ — „
Щегло, Л. В.—Какъ хотятъ соціалъ-демократы устроить городскую жизнь? . . . . . — „ 15 „

Учебники.

Андреевъ, Н. Н.—Русская исторія (для начальныхъ училищъ). 2-ое изд. *(Печатается)* . . . . . — р. — к.
Марковъ, В.—Ариѳметическій задачникъ. *(Печатается)* . — „ — „
Новое правописаніе . . . . . — „ 12 „
Рожковъ, Н.—Русская исторія (для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія). Изд. четвертое, дополн. 3 „ — „

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „КНИГА“

Петроградъ, Невскій пр., 74. Тел. 1—31—49.
Москва, у Покровскихъ вор., Чистопрудный проѣздъ, 19, тел. 3-98-39.

Въ магазинахъ издательства „КНИГА“ имѣется постоянно большой подборъ книгъ новыхъ и старыхъ изданій по всѣмъ общественнымъ вопросамъ. Спеціальность—соціалистическая литература всѣхъ направленій. Большіе отдѣлы по педагогикѣ, сельскому хозяйству, кооперації и пр.

Составляются и пополняются библіотеки всякаго рода и на разныя суммы. Общественнымъ организаціямъ скидка.

Книги отправляются, согласно указанію заказчика, желѣзной дорогой, транспортной конторой или почтой; если въ заказѣ не указанъ способъ отправленія, книги отправляются по усмотрѣнію магазина.

Пересылка, упаковка и доставка товара за счетъ заказчика.

Высланныя, согласно требованію, книги обратно не принимаются и на другія не обмѣниваются.

Магазинъ обращаетъ особое вниманіе на скорую и аккуратную высылку товара.

Каталогъ собственныхъ изданій безплатно.

5 р. 50 к.

Издательство „КНИГА“.
Петроградъ, Невскій пр., 74, тел. 1-31-49.
Москва, Покровскія Ворота, 19, тел. 3-98-39.